

ДЕРЕВЕНСКІЯ СКАЗКИ
КРЕСТЬЯНЪ
ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНІИ.

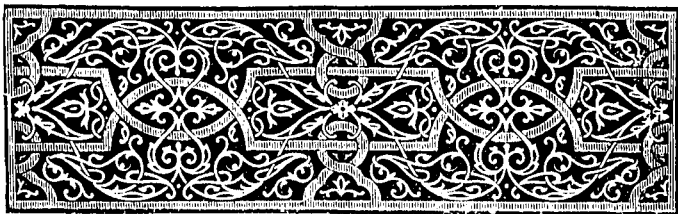
Составилъ и издалъ А. Бурцевъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1895.

Печатано въ количествѣ 50 экземпляровъ не для продажи.

К. III 130575.7

ПРЕДИСЛОВІЕ.

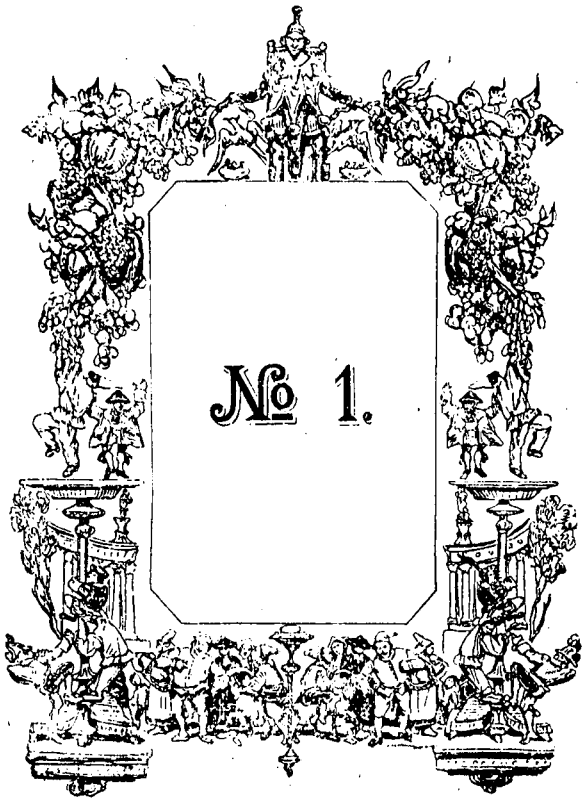
Деревенскія сказки крестьянъ Вологодской губерніи.

Подъ симъ заглавіемъ помѣщены мною сорокъ восемь сказокъ. Нѣкоторыя сказки лично мною собранныя и доставленныя мнѣ изъ Вологодской губерніи, изъ города Кадникова. Сверхъ того, шесть сказокъ заимствованы изъ лубочныхъ изданій, которыя въ большемъ ходу между крестьянами Вологодской губерніи, именно слѣдующія: № 42, сказка объ Емельянѣ дурачкѣ; № 43, сказка Ивашка медвѣжье ушко; № 44, сказка Бова Королевичъ; № 45, сказка Лисица и дуракъ; № 46, сказка Иванъ богатырь; № 47, сказка Брусланъ Лазаревичъ и № 48, сказка Страшный змѣй Горынычъ.

По уваженію къ тѣмъ особенностямъ въ ихъ содержаніи, какими отличаются онѣ отъ подобныхъ-же сказокъ записанныхъ прямо изъ устъ народа, сказки № 1, Михайло Трупишниковъ; № 6, сказка о Петрушкѣ; № 9, сказка Елена Прекрасная; № 10, сказка Иванъ Премудрый; № 11, сказка Настасья Прекрасная; № 15, сказка Иванъ Купецкой сынъ; № 31, сказка Работникъ; № 24, сказка Степанъ богатый и № 30

сказка Три копѣчки, — всѣ эти сказки взяты изъ собранія П. А. Иваницкаго, помѣщены въ извѣстія Императорскаго общества любителей естествознанія Антропологіи и Этнографіи, состоящаго при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, см. сборникъ свѣдѣній для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи: матеріалы по этнографіи Вологодской губерніи. Что касается остальныхъ сказокъ, то я почелъ удобнымъ всѣ сравнить и провѣрить по собранію П. А. Иваницкаго, глубокаго знатока по этнографіи Вологодской губерніи, которому принадлежитъ богатое собраніе вологодскихъ деревенскихъ сказокъ, далѣе помѣщены слѣдующіе №№ сказокъ; № 4, сказка «Ступай туда, невѣдомо куда, прinesi то, невѣдомо что.» № 7, сказка «Перушка финиста — ясна сокола.» № 20, сказка «Иванушка-дурачекъ.» № 32, сказка «Про Чорта и пастуха.» № 41, сказка Кошей безсмертной.» Эти сказки заимствованы изъ собранія сказокъ А. Н. Лоонасьева. № 12, сказка «Колдунъ,» № 14, сказка «Колдунья.» № 18, сказка «Дурень-бабій сынъ.» № 22, сказка «Котокъ золотой лобокъ.» № 5, сказка «Змѣя.» № 27, сказка «Странный ребенокъ.» № 36, сказка «Кумъ разбойникъ.» № 40, сказка «Ванька-дуракъ.» Всѣ онѣ записаны лично мною въ Вологодской губ. въ Кадниковскомъ уѣздѣ, въ деревняхъ: Слобода, Коржа, Зарѣчье, Филяево, Подъельное, Фалѣлѣево Оларево. Необходимыя объясненія и замѣтки будутъ мною сообщены въ слѣдующей части которымъ и заключится настоящее изданіе «Деревенскія сказки крестьянъ Вологодской губерніи.»

Александръ Бурцевъ.

№ 1.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Стр.
1. Михайло Трупицковъ	7
2. Волшебница	8
3. Горыня, Коромысло и Иванъ Богатырь.	13
4. Стунай туда, невѣдомо куда; принеси то, невѣдомо что.	17
5. О Пестеркѣ	22
6. О Петрушкѣ	27
7. Перушка финиста-яена сокола	34
8. Дивіи мужъ	44
9. Елена Прекрасная	51
10. Иванъ Премудрый	58
11. Настасья Прекрасная	70
12. Колдунъ	84
13. Колдунъ и его ученикъ	86
14. Колдунья	92
15. Иванъ кунецкой сынъ	94
16. Проклятая царевна	103
17. Мальчикъ съ нальчикъ	106
18. Дурень бабіи сынъ	109
19. Про трехъ сыновей	111
20. Иванушка-дурачекъ	115
21. Про волжанку билиючку	119
22. Котокъ золотой лобокъ	122
23. Ивановъ цвѣтъ	124
24. Степанъ богатый	126
25. Змѣя	131
26. Иванъ глиняный	132
27. Страшный ребенокъ	134
28. Колдунъ	135
29. Три покушки	136
30. Три конфечки	139
31. Работникъ	142
32. Про чорта и пастуха	146
33. Диво-дивное, чудо-чудное	150
34. Про солдата	153
35. Кузьма скоробогатый	160
36. Кумъ разбойникъ	164

	Стр.
37. Калѣкинъ сынъ	166
38. Баба и Волкъ	170
39. Шѣмыя дочки	171
40. Ванька-дуракъ	173
41. Кощей безсмертной	177
42. Емельянъ-дурачекъ	195
43. Ивашка медвѣжье ушко	215
44. Бова Королевичъ	223
45. Лисица и дуракъ	248
46. Иванъ богатырь	265
47. Ерусланъ Лазаревичъ	286
48. Страшный змѣй горыничъ	370

ДЕРЕВЕНСКІЯ СКАЗКИ

КРЕСТЬЯНЪ ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ.

Присказка. Засказывается сказка, разливаается по печи кашка; сквозь печь кашуло, въ горшокъ ляншуло; течн, потечи, идетъ добрый молодець изъ-за печи на свиньѣ въ сѣдлѣ, тоноромъ подпоясался, ноги за поясомъ; квашня старуху мѣситъ. Я ей сказаль: спорышня въ старуху! Она какъ схватитъ изъ за лопаты печь, меня печью хлесь; я побѣжалъ, черезъ портки пристунокъ и изорвалъ.

Михайло Трунщиковъ.

Н е въ которомъ царствѣ не въ которомъ государствѣ, не именно въ томъ, въ которомъ мы живемъ, жилъ былъ царь да царица, а у этого царя не было короны. Онъ и сталъ собирать свое царство и собралъ всѣхъ главныхъ начальниковъ и простова роду мужиковъ, кто бы ему корону могъ достать съ острова, гдѣ она хранилась. Вотот-ка и выискался одинъ — Михайло Трунщиковъ.

—Я, гть, могу достать корону. А царь и говоритъ: много-ли тебѣ надо, какъ корону достанешь? А Михайло Трунщиковъ и гть:

миѢ денегъ не надо, а дай миѢ волю на двѣнадцатъ день въ каждомъ кабакѢ пить вино. Царь согласился. Прошло двѣнадцатъ день и сталъ собираться Михайло Трунщиковъ за короной. Пришелъ онъ къ царю и просить благословенія, а царь ему въ отвѣтъ: съ Богомъ: И спросилъ еще царь у Михайла Трунщикова: многоли тебѣ, гть, надо на дорогу? А Михайло Трунщиковъ у него и попросалъ 12 кораблевъ, што бы были начинены съ порохомъ, а на 13-мъ мы, гть, поѣдемъ, и дай команду совдаты.

Отправился Михайло Трунщиковъ въ дорогу и подѣзжаетъ къ тому къ мѣсту, на которомъ острову была корона. Сейчасъ зачалъ и распоряжаться: причаливайтесь! Команда причалилась къ острову, вышелъ Михайло Трунщиковъ изъ корабля и пошелъ по острову, взялъ съ собой трехъ совдатовъ. Идетъ онъ островомъ, а на этомъ острову маленькихъ змѣй по колѣно брели. Но у нихъ была такая одежда, што они не боялись. Подходя къ дому, а у этого дома лежала змѣя тридцать сажень длины и двѣнадцатъ ширины. Они сильно испугались ее, но Михайло Трунщиковъ не струсилъ, перешелъ по ей и совдаты за имъ, перешли всѣ четверо, она и не слыхала, вошли въ домъ, а въ домѣ въ переднемъ углу стояла корона. Взялъ Михайло Трун-

щиковъ корону и воротимись назадъ. Только изъ дома вышли, а змѣя повернулась къ нимъ ротомъ, а сама говоритъ человѣческимъ голосомъ: а! гть, вы пришли корону воровать! Сама ротъ распелила и хочетъ всѣхъ съѣсть. А Михайло Трунщиковъ и говоритъ: не ѣшь, дай мнѣ снести корону на корабъ, такъ втожно и ѣшь, а коли топере съѣшь меня и корону, такъ тебѣ барышу нѣтъ и намъ убытокъ. А она гть: не повѣрю, ты гть, не придешь. А Михайло Трунщиковъ я, гть, тебѣ оставляю трехъ совдатовъ подъ закладъ. И оставилъ трехъ совдатовъ, самъ пришелъ въ корабъ и сказалъ своимъ совдатамъ: отчаливайтесь скоряе! - Сейчасъ отчалились и поѣхали обратно въ путь. Змѣя подождала Михайла, но не могла дождаться и съѣла трехъ совдатовъ, а сама закричала большимъ голосомъ и приказала маленькимъ змѣямъ своимъ: летите, гть, на море и прожигайте корабли, увезъ нашу корону Михайло Трунщиковъ! Спорхнуло стадо змѣй и полетѣло. Видитъ Михайло Трунщиковъ, што дѣло не ладно и приказалъ своимъ совдатамъ отчалить три корабля съ порохомъ. Сейчасъ совдаты перетяпнули снасти и остались три корабля, а они въ путь поѣхали. Налетѣли змѣи на три корабля и зачали крышу прожигать, думали што тутъ Михайло Трунщиковъ.

Обсѣли кругомъ корабли, прожгли крышу и спыхнулъ порохъ и разорвало корабли и змѣй на мелкія части.

Услыхала старшая змѣя этотъ стукъ и опять закричала громкимъ голосомъ: летите, говоритъ, остальные змѣи и жгите ихъ на смерть. Поднялись всѣ остальные змѣи и полетѣли въ погоню Михайлу Трунщикову.—Видитъ Михайло Трунщиковъ опять такую неудачу и приказалъ отчалить четыре корабля съ порохомъ. Сейчасъ отчалили четыре корабля. Налетѣли змѣи на эти корабли и опять же начали прожигать крыши. Какъ только прожгли и дотронулись жигаломъ до пороху, порохъ спыхнулъ, разорвало корабли и всѣхъ змѣй.

Услыхала этотъ стукъ старшая змѣя; разсердившись, поднялась и полетѣла сама. Увидѣлъ Михайло Трунщиковъ старшую змѣю и сказалъ своимъ совдатамъ: отчаливайте остальные пять кораблей съ порохомъ, а сами идѣте на всѣхъ парусахъ. Сейчасъ совдаты отчалили корабли и поѣхали на одномъ кораблѣ.

Налетѣла большая змѣя и бухнулась на пять кораблей. Видитъ Михайло Трунщиковъ, что змѣя упала на тѣ корабли. Какъ она сѣла, корабли угрузли въ воду. Испугался Михайло Трунщиковъ, што подмочить порохъ и не спыхнетъ, но не

уеѣла она сѣсть на корабли и проткнула жигаломъ крышу, дотронулась жигаломъ до пороху и сныхнулъ порохъ и разорвало пять кораблей и ее расхватило на мелкія части. Црево изъ ея выкинуло на берегъ съ тремъ совдатамъ, которые были отданы подъ закладъ: они были неврежены. И видя Михайло Трунщиковъ, што тамъ на берегу три совдата ходять, приказаль подчалиться къ берегу. Причалились къ берегу и подошли тѣ три совдата, которые были въ змѣиной брюшинѣ, а Михайло Трунщиковъ на корабъ нейдетъ, на радостяхъ ходить взадъ да впередъ по берегу. Совдаты сговорились: давайте, отчалимтесь да уѣдемте, пуцай онъ останется здѣсь, ему отсюда не придти, а мы дома скажемъ, что его змѣи сѣбли, а мы, молъ, корону достали, насъ царь и наградитъ. Сейчасъ отчалили отъ берегу, а Михайло Трунщиковъ скачъ-поскачъ, а никакъ не можетъ взойти на корабъ, сѣлъ на берегъ и заплакалъ. Поплакалъ и придумалось ему: пойду я за кораблемъ, не могу ли дойти до дому? И пошелъ Михайло Трунщиковъ берегомъ, подалсе недалеко, вдругъ выскочилъ изъ лѣсу чортъ, бѣжить, да самъ кричить: а! ты у насъ корону увезъ и всѣхъ змѣй перевелъ, вотъ ужъ топерѣ не убѣжать, я тебя сѣмъ! Михайло Трунщиковъ побѣжалъ отъ чорта и

перескочилъ за канавку тутъ ужъ черту дѣла нѣтъ до него, онъ не можетъ за канавку перейти, тутъ ужъ земля не чорта, а медвѣдя.—Только онъ за канавку перескочилъ, сейчасъ ему медвѣдь навстрѣчу, три сажени вышины да двѣ ширины, разѣлъ пасть и говоритъ: заходи ко мнѣ въ ротъ, отъ меня ужъ не уйдешь. Ты корону увезъ и всѣхъ змѣй перевелъ, да и отъ чорта ушелъ, а ужъ отъ меня не уйдешь, я тебя съѣмъ! А медвѣдь-отъ былъ милосливый. И сталъ просить Михайло Трунщиковъ, чтобы онъ его спасъ. И говоритъ Михайло Трунщиковъ: Михайло Потановичъ, спаси меня, а самъ поклонился медвѣдю въ ноги. Сейчасъ медвѣдь усѣлся на лужокъ и сталъ рассказывать Михайлу Трунщикову: у царя севодня пиръ, вотъ ужъ пріѣхали къ нему съ короной. А Михайло Трунщиковъ и затосковалъ сильно: ахъ! гть, не привелось мнѣ на пиру попить! А медвѣдь говоритъ ему: ежели желаешь, то мы поспѣемъ на пиръ съ тобой. Онъ опять поклонился медвѣдю въ ноги. Сдѣлай, гть, такую милость, чтобы поспѣть на пиръ! Сейчасъ медвѣдь приказалъ взлѣзть на его, полѣзъ Михайло Трунщиковъ на его, медвѣдь поприсѣлъ. И поскакалъ медвѣдь во всю рысь. Подскакалъ къ овинамъ къ тому городу, въ которомъ былъ царь, и

приказалъ, штобы про него не сказывать, што его медвѣдь привезъ: ежели какъ скажешь, такъ сейчасъ тебя изъ артили выхвачу и съѣмъ. Забожился Михайло Трунщиковъ, што не скажу. Простился съ медвѣдемъ и пошелъ въ городъ. А царь корону принялъ отъ тѣхъ и усадилъ всѣхъ въ передній уголъ. Ужъ пьютъ да попиваютъ, а Михайла не забываютъ, за упокой поминаютъ потому што тѣ пріѣхали и сказали, што Михайло Трунщикова змѣи съѣли и никто не считалъ его живымъ. Только идетъ Михайло Трунщиковъ на глаза царю. Царь какъ увидѣлъ его, сейчасъ схватилъ въ охапку и спросалъ: гдѣ ты взялся? А вотъ, гть, они уѣхали, а меня медвѣдь привезъ. И рассказалъ все царю подробно, какъ дѣло было. Разсердился царь и разстрѣлялъ совдатовъ, тѣхъ, которые оманули его, только трехъ оставилъ, которые были въ змѣиномъ цревѣ. А Михайло Трунщиковъ только помянулъ про медвѣдя, а медвѣдь тутъ и есь, распахиваетъ народъ своей широкой грудьей; стража вся испугалась преогромнаго звѣря и у совдатовъ выпали ружья изъ рукъ. И пропустили медвѣдя къ царю во дворецъ. Подходить медвѣдь и добирается до Михайло Трунщикова и хочетъ его съѣсъ. Но Михайло Трунщиковъ ему въ отвѣтъ говоритъ: не ѣшь меня, мед-

вѣдь, не я, гть, сказалъ про тебя, но хмель мой сказалъ. Давай и тебя напоимъ, и ты неладно заговоришь.—Сейчасъ прикатали сороковку бочку, напоили медвѣдя, онъ однимъ духомъ ее высалъ и сдѣлался пьяной и повалился и не помнитъ самъ себя. А стража хотѣла его убить. Но Михайло Трунщиковъ не далъ. Онъ, гть, меня спасъ, такъ и я его спасу. А вся стража покорялась Михайлу Трунщикову.

Медвѣдь проснулся и не помнитъ, какъ онъ плотно спалъ. Тамъ стали рассказывать другіе протчіе, какъ это дѣло было; медвѣдь поблагодарилъ Михайло Трунщикова, что онъ спасъ отъ стражи и самъ удалился во свою сторону. А Михайло Трунщиковъ получилъ отъ царя половину царства и женился на царевнѣ у того же царя. И топере ешшо все-ть живутъ съ царевной и царствуютъ вмѣстѣ со своимъ тестемъ.

Н. А. Ивашицкіи. Матеріалы по этнографіи Вологодск. губ.

Волшебница.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жило два брата. Одинъ померъ; остался послѣ него сынъ Иванъ. Сталъ этотъ Иванъ въ совершенныхъ лѣтахъ, а дядя и не занимается имъ нисколько. Приходятъ сродники. «Что ты, дитяtko, такъ живешь безо всего? Что не торгуешь?» — Да у меня нѣтъ ничего... «Проси у дяди, что отъ отца осталось.» — Вотъ онъ и сталъ у дяди просить... Дядя думалъ, думалъ; далъ ему 300 рублей. «На тебѣ триста рублей; какъ хочешь, такъ и живи!» — Онъ поблагодарилъ и пошелъ вонъ изъ городу.

Идетъ недѣлю и двѣ; пришелъ въ другую губернію; и видитъ: народъ бѣжитъ и онъ туда же. Видитъ: невѣрнаго поймали и тянутъ изъ него жилы. «Продайте мнѣ его», говоритъ. — На, пожалуй! — «Что просите?» — Триста рублей. — Онъ отдалъ имъ всѣ свои триста рублей. — Взялъ этаго невѣрнаго, повелъ къ поцу; окрестили его. А онъ очень боленъ отъ ранъ то. Этотъ Иванъ и проситъ: «батюшка, отслужите завтра обѣдню!» Отслужили обѣдню, причастили этаго невѣр-

наго; на третій день онъ и скончался. А похоронить его нечѣмъ. Купечество, народъ узнали; набросали денегъ множество. Похоронили съ церемоньей такой. Похоронили; осталось много—много денегъ... Этотъ Иванъ ушелъ, ни одной копейки не взялъ.

Идетъ онъ путемъ дорогой; видитъ: высочайшій стоитъ человѣкъ; онъ къ нему ближе, тотъ все ниже, все ниже. Подошелъ онъ къ нему, тотъ сталъ такой же... «Куда, говоритъ, добрый человѣкъ, идешь?» — Да вотъ иду въ разбойники куда-нибудь наняться. «Пойдемъ вмѣстѣ!» Пойдемъ.—Пошли они; или, шли дорогой. «Хочешь ли, говоритъ, меня дядей? Что ни достанемъ, все пополамъ; меня почитай; что прикажу, то и дѣлай» — Хорошо, говоритъ.

Пришли они въ нерусскую землю, къ одному королю. У короля у этого одна дочь... «Ну, племянникъ, ступай на рынокъ, нанимайся въ работники; кто найметъ; приди—скажи; я съ тобой пойду.» Вотъ онъ пошелъ. Долго стоялъ; никто не нанимаетъ. ъдетъ король. «Ты русскій?» — Русскій; изъ такой то губерніи.—«Хочешь ли ко мнѣ въ зятя? Ты мнѣ понравился... У меня зять недавно померъ.» — Не знаю говорить; у меня дядя есть; я спрошусь у дядюшки.» Пошелъ. Такъ и

такъ, говорить.—«Ну, такъ чтожь? Надо идти!»—А тутъ и говорить: дядя, дядя! Что ты племянника на смерть отдаешь? У ней ужъ шесть мужьевъ было; она всѣхъ передавила... Онъ нарочно русскаго и беретъ.—«Ну что-жь, говорить; воля Божья.»

Пошелъ племянникъ къ королю. Сейчасъ король къ нему вышелъ. «Ну что?»—Дядя меня благословилъ.—«Хорошо, говорить, хорошо!» Сейчасъ выводитъ дочь. «Понравился ли тебѣ женихъ?»—Понравился, говорить. «Ну Богъ васъ благослови!» Пошелъ племянникъ за дядей; пришли оба. У царя не брагу варить, не вино курить, повѣнчались. Пиръ былъ какой отличный!... Надо идти почивать... Пошли въ спальню... Легъ онъ на постель. «Ахъ, говорить, дядюшку то мы не пригласили!»—Дядинька приходитъ. «Ну, хорошо, говорить, что: меня позвали, не забыли.. Вы, говорить, почивайте; я у порожка лягу.» Заснули они... Ночью и летить змѣй... Вскочилъ этотъ дядя, саблю схватилъ, отрубилъ голову змѣю... А тѣ спятъ крѣпкимъ сномъ. Вотъ онъ взялъ, кровь смылъ, голову убралъ; пошелъ, все покидалъ въ море, въ воду.

Поутру встаютъ, носылаетъ царь узнать. «Встали, говорятъ, такъ весело, смѣются!» Ну, слава Богу!—Такое пи-

рованье пошло, веселье у короля у эаго. Пожили они мѣсяца два. Этотъ Иванъ и говорить: «напенька! позвольте мнѣ въ свою губернію съѣхать. Я, говорить не надолго.» Хорошо, говорить. Пошли выбирать лошадей. Положить дяду руку на лошадь. «Вотъ эту бери.»—Выбрали семь лошадей; четверку запрягли въ карету, да дядѣ тройку. Поѣхали.

Ѣхали, ѣхали; пріѣзжаютъ въ лѣсъ, запутались. Видятъ вдали огонь. Пріѣхали туда; стоитъ тамъ домъ огромный такой.. Только одинъ старичекъ по горницѣ ходитъ... «Кто говорить, здѣсь живетъ?» Охотники!—Вотъ они тутъ остановились. Пошли, легли спать. И заснули. Вдругъ ѣдутъ разбойники; спрашиваютъ того старичка «что много пріѣхало?» Всего трое! — «Слава Богу! карета, лошади, вся наша добыча.» Напились, наѣлись. Пошли шестеромъ ихъ бить; а дядя то у порога лежитъ. Взялъ всталъ, какъ первый ступилъ, онъ съ него голову долой; другой, съ другаго; пятерыхъ порубилъ...Остальные всѣ испугались, ускакали... Вотъ этотъ дядя убралъ, кровь смылъ. А тѣ снать крѣпкимъ сномъ. Поутру встали, спрашиваютъ: «гдѣ же хозяева?»—Они, говорить, охотники; пріѣзжали да поутру рано уѣхали. Напились они чаю; пошли въ кладовыя; посмотрѣли: что золота!..

Взяли мѣшки; всю тройку нагрузили, на которой дядя то ѣхалъ.

Вотъ ѣхали они, ѣхали; доѣхали до того мѣста, гдѣ попался ему дядя то... Стали кормить лошадей... «Ну, говоритъ, племянникъ, былъ у насъ съ тобой уговоръ все дѣлить пополамъ. Теперь надо намъ разстаться; давай и жену дѣлить пополамъ.» Взялъ дядя, распилилъ ее пополамъ, изъ нее змѣята пошла... Племянникъ то такъ и упалъ безъ памяти... Вотъ дядя взялъ изъ нее всѣ внутренности вычистилъ, перемылъ; вспрыснулъ, она опять встала... «Ну, говоритъ, племянникъ, я тебя за то люблю, что ты меня слушалъ... Я, говоритъ, сохранялъ тебя во всѣхъ путяхъ и дорогахъ.» Тутъ они простились. Приѣхалъ этотъ Иванъ къ дядѣ, все ему золото, серебро отдалъ. Дядя ужъ такъ передъ имъ присядаетъ. Въ мѣсяцъ дворецъ ему выстроилъ; поѣхалъ въ свое государство. Вологодскаго уѣзда.

Горыня, коромысло и Иванъ-Богатырь.

орыня и Коромысло отправились путешествовать по бѣлу-свѣту. Дорогою повстрѣчались они съ Иваномъ-богатыремъ. Куда путь держите?

спрашиваетъ Иванъ - богатырь. — Пошли путешествовать по всей землѣ, отвѣчаетъ Горыня. Иванъ-богатырь и пошелъ вмѣстѣ съ нимъ. Вотъ дошли они до горы. Иванъ-богатырь и говоритъ Коромыслу: развороши эту гору! Коромысло разбѣжалось, хлопнулось объ гору и отлетѣло назадъ. Такъ же точно отскочилъ и Горыня. Иванъ-богатырь усмѣхнулся и говоритъ: ой вы горе-богатыри! ударилъ по горѣ кулакомъ и гора развалилась. Пошли дальше. Видятъ: у дороги стоитъ ветхій домишка, а въ немъ сидитъ маленькій мужичекъ и ѣстъ разныя сласти. Иванъ-богатырь и говоритъ Горынѣ и Коромыслу: растворите-ка ворота! Горыня и Коромысло сколько ни бились, ни силились, никакъ не могутъ растворить воротъ. Иванъ-богатырь подошелъ къ воротамъ, дотронулся пальцемъ и ворота свалились съ петель. Вошли они во дворъ, оттуда въ сѣни и не могутъ найти дверей въ избу. Ходили, ходили, наконецъ нашли. Иванъ-богатырь и говоритъ Горынѣ и Коромыслу: идите въ избу и расправьтесь съ этимъ старикомъ. А старикъ этотъ былъ подземный царь. Вошли Горыня и Коромысло въ избу. Старикъ ударилъ того и другаго и они полетѣли отъ него прочь: Коромысло подъ лавку, а Горыня къ двери. Услыхавъ

стукъ, Иванъ-богатырь вошелъ въ избу: Старикъ испугался, выскочилъ изъ избы и спрятался. Горыня и Коромысло подсмотрѣли, что онъ спрятался на дворѣ подъ камень. Иванъ-богатырь отвалилъ камень и увидали они бездонную яму. Вотъ и стали они плести веревку изъ елей, цѣлый лѣсъ исплели на сотню верстъ а конецъ веревки все таки до дна не досталъ. Тогда они приплели свою одежду и даже сапоги. Вотъ Иванъ-богатырь и сталъ спускаться по этой веревкѣ, а Горыня и Коромысло держали за конецъ. Долго онъ спускался, наконецъ спустился до дна и пошелъ подземнымъ царствомъ. Шелъ долго-ли коротко-ли и увидѣлъ хрустальный дворецъ, а вокругъ того дворца стоитъ войско съ огненными мечами. Иванъ-богатырь подошелъ къ войску, показалъ имъ кулакъ, раздвинулъ по сторонамъ и вошелъ во дворецъ. Въ этомъ дворцѣ и жилъ подземный царь. Въ этомъ дворцѣ было много дверей и всѣ онѣ крѣпко заперты. Иванъ-богатырь дотронулся до нихъ пальцемъ и двери растворились. Наконецъ подошелъ къ послѣдней двери, за которой сидѣлъ подземный царь, а съ нимъ дѣвица-плѣнница.—Кто тамъ? спрашиваетъ подземный царь.—Я, твой слуга, отвѣчаетъ Иванъ-богатырь, отворилъ дверь, схватилъ царя за бороду,

ударилъ объ полъ и положилъ подъ половицу. Потомъ, подошелъ къ красавицѣ и сталъ ее спрашивать: кто она и какъ сюда попала? Красавица рассказала ему, что мужъ ея находится здѣсь въ плѣну и сидитъ закованный въ цѣпяхъ въ со-сѣдней комнатѣ.

Вошли они туда. Мужъ красавицы едва уже дышалъ и не могъ стоять на ногахъ, потому что двѣ недѣли не ѣдалъ ничего. Расковали его и положили на кровать. Но онъ не долго пожилъ и умеръ.

Иванъ-богатырь съ красавицей пошли на бѣлый свѣтъ. Шли долго и пришли опять къ ямѣ, въ которую Иванъ-богатырь спускался. Какъ имъ попасть на бѣлый свѣтъ? Вдругъ видятъ: выпалъ изъ гнѣзда орленокъ. Иванъ-богатырь взялъ его въ свои руки, покрылъ своей одеждой и держитъ. Прилетѣлъ орелъ и видитъ, что Иванъ-богатырь ласкаетъ его птенца. И спросилъ его: чѣмъ ты хочешь, чтобы я послужилъ тебѣ за то, что ты призрѣлъ и приласкалъ моего птенца? Иванъ-богатырь попросилъ выпести его на бѣлый свѣтъ. Вотъ они сѣли на орла и скоро очутились на бѣломъ свѣтѣ. И женился Иванъ-богатырь на красавицѣ и стали они жить да поживать да дѣтей наживать.

Вологодскіи уѣздъ, деревня Слобода.

Ступай туда, невѣдомо куда; принеси то невѣдомо что.

Жилъ былъ царь. У царя былъ человекъ; каждый день ходилъ этотъ человекъ на охоту и приносилъ по три птицы. Такой на него вышелъ несчастный день, что онъ не могъ ни одной птицы застрѣлить. Идетъ и видитъ: плаваетъ въ рѣчкѣ одна уточка. Онъ въ эту уточку метится застрѣлить. Уточка ему отвѣчаетъ (говорить): не стрѣляй въ меня, возьми меня замужъ за себя. Онъ ей отвѣчаетъ: какъ мнѣ тебя взять замужъ, ты птица, а не человекъ. — Она ему говоритъ: безпечнойся. Если возьмешь, то будетъ у тебя много птицы. — Онъ обѣщается ей взять ее за себя за мужъ: въ ту же минуту много налетѣло птицы. Онъ застрѣлилъ трехъ птицъ и понесъ къ царю. Приноситъ трехъ птицъ и проситъ у царя позволенія жениться. Царь ему позволилъ.

Когда свершился ихъ бракъ, царь приказалъ ему привести жену показать; приходитъ онъ съ своей молодой женой. Такъ ему (царю) молодая жена понравилась; онъ и нарочитъ у него жену взять себѣ; да не знаетъ какъ; прямо ему взять не хочется, чтобъ не обидить мужа; и хочетъ

онъ послать его (мужа) такъ, чтобъ вѣкъ не возвратился. Вотъ собралъ онъ своихъ генераловъ, которые съ нимъ служатъ, чтобы придумали куда его послать. Одинъ генералъ выпросилъ позволеніе подумать двѣнадцать дней. Проходятъ двѣнадцать дней, генералъ приходитъ къ царю. Надо, говорить, его послать туда, невѣдомо куда, принести то, невѣдомо что. Вотъ въ ту же минуту царь призываетъ этого человѣка и посылаетъ его туда, невѣдомо куда, принести то, невѣдомо что.

Онъ идетъ къ своей женѣ съ угрюмой головой. Жена и спрашиваетъ его: «что ты такъ угрюмъ?» — Да вотъ, говоритъ, меня царь посылаетъ туда, невѣдомо куда, принести то, невѣдомо что. Жена и говоритъ: «не печалься, мой другъ; я твоему горю помогу». Дала она ему два полотенца и чтобъ онъ, когда зайдетъ на дорогѣ ночевать, чужимъ не утирался, а своимъ. Вотъ онъ пошелъ; зашелъ ночевать по дорогѣ къ ея отцу. Ночевалъ. Вышелъ изъ дому, видитъ: выкатился изъ подъ полу клубочикъ и покатился; онъ за нимъ пошелъ. Клубочикъ прикатился въ огромный лѣсъ. Прикатился къ избушкѣ и пропалъ. Онъ остался среди рощи и некуда было ему дѣваться, кромѣ этой избушки.

Взошелъ онъ въ избушку; стоятъ три

прибора. Онъ хотѣлъ было водки выпить и закусить и подумалъ, что это не для меня. Семъ, я сяду посижу на печкѣ за столбикомъ, посмотрю кто придетъ эту закуску ѣсть; пошелъ, сѣлъ на печкѣ за столбикомъ. Вдругъ приходятъ три молодца, стали закусывать; сказали: невидимка! подавай на столъ! Невидимка подаетъ имъ разныхъ кушеньевъ. Они отобѣдали и ушли. Этотъ человѣкъ тотчасъ вышелъ изъ за иечки. «Невидимка! накрывай для меня столъ!» Невидимка тоже для него накрылъ столъ и подалъ всякихъ кушаній, которые тѣ кушали. Онъ поѣлъ и говоритъ: «невидимка! пойдёмъ со мной». Вотъ невидимка пошелъ съ нимъ.

Идутъ они домой и встрѣчается съ ними старичекъ на дорогѣ. Этотъ старичекъ и спрашиваетъ его: ты что несешь?— Онъ отвѣчаетъ: «я вотъ что несу: невидимка! накрывай столъ!» Откуда явился столъ, разные кушанья все. А этотъ старичекъ и говоритъ: у меня вотъ молоточикъ!— «Ну что же изъ твоего молоточка?» Онъ сейчасъ сѣлъ, постучалъ и откуда явилось нѣсколько полковъ солдатъ. «Ну говоритъ, давай мѣняться, ты возьми мой молоточикъ, а мнѣ отдай свою невидимку.» А этому человѣку не хотѣлось мѣняться. Невидимка говоритъ ему «мѣняйся, говоритъ, мѣняйся; я съ тобой останусь».

Вотъ онъ перемѣнился; сталъ у него молоточикъ и невидимка. (Невидимка не пошла отъ него).

Немного погодя, встрѣчается съ нимъ на дорогѣ другой старичекъ. «Что ты, говоритъ, несешь?»—Я несу бабочку.— «А я невидимку.» Ну, чтожь изъ твоей бабочки?—Онъ постучалъ: явилось стадо овецъ. А у тебя что?—«Невидимка! подавай кушать!» Откуда ни взялись всякія кушанья. — Давай мѣняться! — А этому человѣку не хочется; за тѣмъ посланъ принести невѣдомо что.—Невидимка ему оять говоритъ: «мѣняйся; я съ тобой останусь!» Ну, вотъ они помѣнялись. Стало у него три вещи; пошелъ домой.

Сейчасъ царю докладываютъ, что человекъ пришелъ. Сейчасъ этого человека позвали сюда во дворецъ. «Ну, чтожь ты принесъ?» Невидимка накрывай на столъ.— Неглядя что во дворецъ, невидимка накрылъ на столъ, подаетъ кушанья.— «А вотъ, говоритъ, я еще принесъ.» Ударилъ молоточкомъ: откуда ни взялись полки солдатъ. «А вотъ еще что! Только надо выйти изъ дворца.» Вышли во дворъ; онъ сейчасъ постучалъ бабочкой: явилось стадо овецъ.— Сейчасъ царь оять собираетъ генераловъ, чтобъ его оять послать, чтобъ онъ никогда не могъ возвратиться. Одинъ генералъ и говоритъ послать его вотъ туда-то.

Въ нѣкоторомъ царствѣ есть золотой дубъ, вѣтви серебряныя; чтобъ изъ этого царства дубъ вырылъ и въ свое перенесъ, поставилъ противъ царской комнаты. И присудили всѣ генералы: послать этого человѣка и если онъ не воротится, большая этому генералу награда; а если вернется, то его (генерала) казнить.

Царь призываетъ этого человѣка; приказываетъ ему: «вотъ въ такомъ-то царствѣ въ такомъ-то государствѣ есть золотой дубъ съ серебряными вѣтвями; ты этотъ дубъ вырой и принеси въ наше царство, посади противъ моей комнаты.» Пошелъ онъ къ своей женѣ съ угрюмымъ лицомъ. «Что ты, другъ мой, пригорюнился?»—Да вотъ, говорить, царь посылаетъ принести золотое дерево съ серебряными листьями.—Ну, не горюй я твоему горю помогу! «Ложись спать, утро мудренѣе вечера.» Онъ легъ спать, а она вышла на крыльцо махнула платочкомъ, сейчасъ дубъ изъ того царства очутился въ этомъ царствѣ и былъ врытъ противъ царской комнаты. Утро приходитъ; она своего мужа будить. «Ступай, мой другъ! Дубъ твой принесенъ; ступай, около него расчищай.» Не успѣлъ царь проснуться, ему докладываютъ, что золотой дубъ съ серебряными вѣтвями перенесенъ въ его царство и врытъ противъ его комнаты.

Сейчасъ дали этому человѣку большую награду, а того генерала повѣсили на вѣселищѣ.

Вологодской губерніи изъ собранія Афонасьева стр. 151.

О Нестеркѣ.

е въ которомъ царствѣ не въ которомъ государствѣ не имянно въ томъ, въ которомъ мы живемъ, жилъ былъ Нестеръ, а у этого Нестера робятъ шестеро. Онъ воровать боится, а работать лѣнится, не знаетъ чѣмъ прокормиться.

А изба у ево была худая, въ избу лазили по бородѣ.

Вотъ однажды онъ вышелъ на большую дорогу и видитъ: ѣдетъ Егорій прешодобный ко Іисусу Христу. Онъ и спрошалъ ево: куда, гть, Егорій, ѣдешь? А тотъ сказалъ: Іисусу Христу, гть.— А скажи-ка ему, гть: тамъ есть Нестерка, у него робятъ шестерка, онъ воровать боится, а работать лѣнится, не знаетъ, чѣмъ прокормиться. Приѣхалъ Егорій къ Іисусу Христу и забылъ про Нестерку. И поѣхалъ опять же въ другой разъ, а Нестеръ вышелъ на ту же дорогу.—Што, гть, ономнясь забылъ, такъ теперь ужъ не забудь, скажи, гть, Іисусу Христу, а

што-бы не забыть, такъ отдай мнѣ стремяну съ правой ноги. Когда тамъ станешь садиться, то и вспомнешь про меня. Хорошо, тотъ и отдалъ ему стремяну. Туда пріѣхалъ, да и забылъ опять спросать про Нестерку, когда же сталъ садиться на лошадь—и вздумалъ.

Ахъ! гть, стремяны-то нѣтъ! надо про ево спросать.—Спросалъ онъ про Нестера, а Іисусъ ему сказалъ на отвѣтъ: топере денегъ нѣтъ, вели ему по міру ходить.

Ѣдетъ Егорій назадъ и говоритъ, штѣ велѣлъ Іисусъ пѣ-міру ходить.—Ну такъ, гть, ужъ, братъ, извини, не отдамъ стремяну! А стремяно-то было золотое. Егорій уѣхалъ безъ стремяны, а Нестеръ надѣлъ сусѣдово платье и пошелъ продавать стремяну. Приходитъ въ городъ и понадаетъ ему купецъ на встрѣчу.—Продай, гть, стремяну? Онъ гть: купи. И заплатилъ купецъ ему 500 рублей, а Нестеръ ешио взялсѣ и другую слить, и взялъ съ купца задатку 500 рублей.—Подошло то время, а Нестеръ-то былъ не золотой мастеръ, лить то онъ не умѣлъ стремяна, а эти деньги издержалъ: хлѣба купилъ и робятамъ одѣжи. Пріѣзжаетъ купецъ къ ему на домъ и говоритъ: штѣ Нестеръ, слилъ стремяну? А тотъ ему на отвѣтъ: штѣ это, Господи, какую стре-

мяну? — Да какъ, гть, ты у меня и деньги взяли?—Нѣтъ, никто тебѣ не повѣритъ, што я золотой мастеръ.—Ну, такъ, братъ, гть, одѣвайся, да поѣдемъ въ правленье.—Поѣдемъ. А Нестеръ надѣлъ поштанники худые, а самъ говоритъ: кто тебѣ повѣритъ, што я золотой мастеръ —приду въ правленье въ этакихъ штанахъ!—А кунецъ и говоритъ своему кучеру: кучеръ, отдай брюки!—Кучеръ отдалъ ему брюки. Надѣлъ Нестеръ брюки, потомъ сталъ надѣвать сапоги--худые-прихудые, а самъ и говоритъ: кто же тебѣ повѣритъ, што въ такихъ сапогахъ золотой мастеръ? Кунецъ говоритъ кучеру: кучеръ, отдай ему козловые сапоги. Кучеръ подалъ сапоги козловые. Надѣлъ Нестеръ сапоги и сталъ надѣвать халатъ. Такую надѣлъ сукманину, што трунокъ на трункѣ, чуть чуть въ одномъ мѣстѣ дѣржится, а самъ опять говоритъ: кто же вамъ повѣритъ, што я золотой мастеръ въ такой сукманинѣ? А кунецъ говоритъ кучеру: подай кучеръ, енотовый тулущъ. Одѣлся Нестерка въ енотовый тулущъ; еще кунецъ отдалъ бобровку-шапку. Нарядилсѣ Нестеръ и поѣхали. Приѣхали къ правленью и сейчасъ же кунецъ выскочилъ и побѣжалъ вверхъ въ правленье. Тамъ разсказалъ судьямъ подробно, какъ у нихъ съ Нестеромъ дѣла. А Нестеръ говоритъ

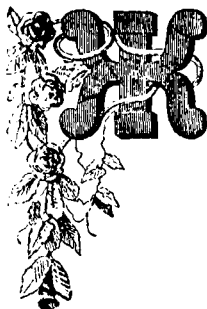
кучеру: каково васъ, гть, купецъ дёржить? А кучерь въ отвѣтъ Нестеру: очень, гть, плохо. А спрошалъ Нестерь кучера: какъ, васъ звать? А кучерь отвѣтилъ, гть: Иваномъ.—А ты, гть, назовись Константипомъ, такъ мы съ тобой обтянаемъ кушца.

Потомъ призываютъ Нестера въ правленье. Приходитъ туда Нестерь и спрашиваютъ его судьи: штö, слилъ стремяну?—А какую, гть, стремяну? А судьи и говорятъ: а какъ какую? вотъ, говорятъ, купецъ жалуется, штö ты деньги взялъ, а стремяну не слилъ.—Видишь, говоритъ Нестерь, купецъ-то вѣдь безъ ума. Купецъ смотритъ на Нестера.—Да какъ я, гть, безъ ума? я, гть, въ умѣ. А Нестерь опять и говоритъ: поди скажешь, штö сапоги то козловые на мнѣ твои? Купецъ посмотрѣлъ на него.—Да, гть, мои. Захоталъ Нестерь.—Ты, гть, поди, скажешь, и брюки на мнѣ—твои? Купецъ говоритъ штö: мои.—Вотъ, поди, скажешь, и тулущъ енотовый и шапка бобровка—твои?—Да, гть, мои.—Видите, братцы, онъ вѣдь безъ ума.—Въ самомъ дѣлѣ, говорятъ, безъ ума. А Нестерь опять говоритъ: вѣдь поди тройка коней и кучерь—твои? Купецъ: да, гть, мои. А судьи говорятъ: у тулуца нельзя спрашивать, а кучера можно; которова кучерь по-

слушаетъ больше? Купецъ выскочилъ и зачалъ кликать: Ванька, Ванька! — А Ванька и не думаетъ. Нестеръ вышелъ и кликнулъ: Костя! А кучеръ тутъ и есть. И сейчасъ призвали кучера въ правленье и спрошали его: ты чей, кучеръ? А кучеръ указалъ на Нестера, — вотъ, гть, етово человекъ. — А какъ же, говорятъ, къ намъ купецъ-то попалъ? А сказалъ кучеръ: Ёхали мы путемъ-дорогой, онъ къ намъ свалился въ сани и сказалъ: довезите меня до правленья, такъ и вамъ водки бутылку куплю. А мы его добросовѣстно посадили. И вотъ остановились у правленья, а онъ намъ велѣлъ подождать: погодите немного, я сейчасъ въ правленье схожу. Вотъ онъ ушелъ въ правленье, а потомъ не знаю, зачѣмъ Нестера и меня кликнули.

Судьи подивились, такому дѣлу и отправили купца въ сумашедшій домъ. А Нестеру осталась тройка копей и вся на ёмъ одѣжа купеческая; а у Нестера былъ остатокъ денегъ отъ стремяна и заплатилъ онъ кучеру сто рублей, а самъ поѣхалъ домой.

О Петрушкѣ.

Жилъ былъ баринъ да барыня; у нихъ жилъ казакъ Петрушка. Баринъ-то женился далёко, не въ своей губернии. Дожили до того время, у тещи сдѣлался праздникъ. И говоритъ баринъ Петрушкѣ: поѣдемъ, Петрушка, къ тещѣ въ гости. А Петрушка говоритъ: поѣдемъ. Сейчасъ Петрушка заложилъ пару коней и поѣхали. А было дѣло къ осени, около Спасова дни. Баринъ поѣхалъ только въ одномъ сѣртучкѣ и пойсъ съ собой нѣ взялъ. Вотъ ѣдутъ они путемъ дорожкой, и говоритъ баринъ Петрушкѣ: Петрушка! гдѣ намъ на ночлегъ пристать? А Петрушка ему въ отвѣтъ: штѣ, гть, на постояломъ, — еще деньги слупятъ, а мы у стогу ночуемъ. А ѣхали мимо покосовъ. Проѣхали деревню и пристали къ стогу. Петрушка привязалъ коней къ стогу, а самъ подъ-стогъ зарылся. А баринъ походилъ, походилъ, да и онъ подъ-стогъ. А ночь то была холодная этакая, баринъ замерзъ подъ-стогомъ. И сталъ баринъ Петрушкѣ говоритъ: Петрушка, ты не озябъ? Петрушка говоритъ: нѣтъ, не озябъ. — А чѣмъ ты этакъ тепло закутался? А Петрушка барину въ отвѣтъ: мѣшкомъ. —

Еще, гть, нѣтъ ли у тебя мѣшка? И мнѣ бы закутаться. А у Петрушки были мѣшки запасные. Выхватилъ изъ повозки мѣшокъ и закинулъ барина головой въ мѣшокъ, а мѣшокъ то былъ длинный, на ногахъ завязалъ. И закатилъ барина подъ-стогъ. Баринъ въ сѣнѣ согрѣлся, живо и заснулъ. А Петрушка походилъ походилъ, да и пришло ему на умъ: дай, говоритъ, я нарублю виць да барина отстегаяю. Нарубилъ Петрушка виць, подошелъ къ стогу, выхватилъ барина изъ подъ-стогу и зачалъ стегать, а самъ приговариваетъ: васъ кто сюда звалъ у моего стогу кѣней кормить, а самъ барина лупить. Баринъ поохалъ, поохалъ, потомъ пересталъ; силы ужъ нѣтъ. И отвозилъ Петрушка барина путемъ, а самъ бросилъ дальше вицы и сказалъ: я вотъ еще пойду по мужиковъ, такъ я вамъ дамъ! И ровно какъ нигдѣ не бывалъ, подползъ къ барину на колѣнкахъ, а самъ стонетъ, подползъ да и спрашиваетъ: баринъ, живъ ли? А баринъ насилу отвѣтилъ: живъ.— Давай, гть, Петрушка, скорѣе пойдёмъ. Развязалъ мѣшокъ, вытащилъ барина за ноги, сѣли они въ повозку и поѣхали. А время стало около полуночи. Барину страсть какъ ѣсть захотѣлось. Вотъ подѣзжаютъ къ деревнѣ, въ которой жила баринова теща. И говоритъ баринъ Пет-

рушкѣ: Петрушка! когда прїѣдемъ, я буду по полу ходить да скажу; тарь-тарары! а теща и спроситъ: штѣ баринъ говоритъ? а ты и скажи: на столъ станови. Прїѣхали къ тещѣ на повить. Сейчасъ баринъ въ избу, а Петрушка сталъ кѣней убирать. Убралъ Петрушка кѣней и пришелъ въ избу. А баринъ ужъ давно раздѣлся да по-полу ходить. И сказалъ: тарь-тарары! Сейчасъ теща и спросала: штѣ, Петрушка, голубчикъ, баринъ говоритъ? А Петрушка ей въ отвѣтъ: самоваръ велитъ становить. А барину не до чаю. Сейчасъ Петрушку выкликалъ на повить.—Петрушка, гть, я стану ходить по-полу и скажу: тарь-тарары, а ты скажи, штѣ на столъ станови. Пришелъ опять баринъ въ избу, ходить по-полу и сказалъ: тарь-тарары! а теща опять подскочила и спросала: штѣ, Петрушка, голубчикъ, баринъ говоритъ? А Петрушка ей въ отвѣтъ: ему, гть, поспать охота. Теща и говоритъ: а вонъ на нечи перина раскаченà, такъ поспи съ дорожки-то. Со стыдомъ баринъ полѣзъ на печь: теща не покормила, да спать уложила. Баринъ легъ и уснулъ. А Петрушка чаю напился и отобѣдалъ. Хозяева всѣ улеглись спать на повити, а Петрушка на голбецъ возлѣ барина. Только хозяева изъ избы ушли; баринъ и проснулся. А Петрушка ешио нѣ спалъ, услыхалъ,

штѣ баринъ зашевелился и спрошалъ его: штѣ, говоритъ, спотѣлъ? А баринъ гтѣ: нѣтъ, не спотѣлъ, да ѣсть охота. А Петрушка ему говоритъ: погоди-ка, поищу краюшки хлѣба. А баринъ радъ-бы и хлѣбцу. А у Петрушки была краюшка изъ дома зацѣсная: онъ взялъ для дороги, дорогой-то мякишъ выглодалъ, а въ корки глину набилъ. Подалъ барину эту краюшку съ глиной. Баринъ на печи ѣстъ, а у его на зубахъ трескотокъ стоитъ. И говоритъ Петрушкѣ: Петрушка! какой здѣсь хлѣбъ-отъ худой! А Петрушка барину въ отвѣтъ: вишь, какая у тебя теща-то нѣря: корочки запалились, а въ серѣдкѣ-то не упеклось. Баринъ погрызъ краюшку, а остатки Петрушкѣ отдалъ, а самъ опять уснулъ.

Вдругъ у тещи корова отелилась. А ночь-то была холодная, теленку-то холодно тамъ, и принесли его въ избу. И нужно бы отогрѣть, а не знаютъ гдѣ. А Петрушка ещо не спалъ. И говоритъ хозяевамъ: валите теленка на печь за барина, онъ тутъ отогрѣется. А теща говоритъ: какъ да баринъ осердится? А Петрушка гтѣ: нѣтъ, баринъ не сердитый. Вальнули теленка за барина, сами вонъ пошли. Петрушка взялъ ковшъ воды и плеснулъ за барина. Сейчасъ барина и сталъ будить: баринъ, баринъ! ты вѣдь,

гть, отелился! Баринъ пробудился. Полно, гть, врать-то! — Да не вру, — ты ложилися — теленка не было, а хватика: за тобой теленокъ. Баринъ пощупалъ за собой: вѣрно, што теленокъ. А теленокъ сталъ отогрѣваться да и замычалъ. А баринъ и гть Петрушкѣ: это вѣдь не диво отелиться, да когда уходиться? — А Петрушка гть: я не знаю, когда. А баринъ гть: а когда со двора на дворъ быковъ переганивали, такъ одинъ быкъ козломъ выигралъ, а я въ то время и подумалъ, такъ быть въ то время уходился? А Петрушка гть: какъ топерече намъ дѣлать съ теленкомъ? надо идти хозяевъ будить да все селенье поднимать. А баринъ гть: Петрушка, возьми на тебѣ 100 руб., расплатись, а я, гть, убѣгу, а ты какъ поѣдешь, такъ меня кричи, я изъ сарая выду. Петрушка получилъ 100 руб., а баринъ надернулъ калоши, да въ одномъ сертучкѣ бѣги въ сарай.

Петрушка двери заперъ и пошелъ хозяевъ будить. — Батюшки, гть, вѣдь теленокъ-отъ барина съѣлъ! — Хозяева пришли, посмóтрѣли: точно, што нѣтъ барина. И стали Петрушкѣ молиться: Петрушка, голубчикъ, скинь теленка онъ и насъ-то всѣхъ съѣсть. Петрушка взлѣзъ на печь, взялъ теленка за заднія ноги и швырнулъ въ передній уголъ, только

теленокъ ногамъ потрясъ. Петрушка и говоритъ хозяевамъ: нужно тоиерь идти да въ селенье подавать заявленье, што теленокъ барина съѣлъ. А хозяева и стали его умаливать: не ходи, Пётрушка, голубчикъ! на вотъ тебѣ сто рублей, а какъ домой пріѣдешь, такъ скажи, что умеръ и здѣсь похоронили.

Петрушка получилъ сто рублей и поѣхалъ домой. Ёдетъ мимо сараевъ и зачалъ кричать барина. Баринъ насилу изъ сарая вышелъ: замерзъ. Съѣлъ баринъ въ телѣгу и спрошалъ Петрушку: што, какъ тамъ расплатился? А Петрушка гть: еще своихъ сто рублей издержалъ, все селенье сбѣжалось, да на меня драться, я на селенье сто руб. отдалъ, а другую сотню хозяевамъ, и закопали теленка подъ взѣздъ, такъ не знаю топере што и будетъ, я насилу вырвался.

Вотъ они ѣдутъ путемъ-дорожкой, а мѣста-то были гористыя: барина чёкало да чёкало въ телѣгѣ, онъ и померъ. А Петрушка не знаетъ, што дѣлать, отстегнулъ одну лошадь и посадилъ барина верхомъ мертваго, привязалъ его къ лошади, и поводъ привязалъ къ рукамъ а лошадь опустилъ въ рожь.

Увидѣлъ одинъ мужикъ и бѣжить со стягомъ на барина, самъ и кричить большимъ матомъ: што ты, гть, подлець,

по моёй-то ржѣ ѣздишь да лошадь кормишь?—Побѣжалъ къ барину и хлесь ево стягомъ. Тутъ баринъ и головку повѣсилъ. А Петрушка съ-издалѣ увидѣлъ и замахалъ рукой мужику и закричалъ: што ты, гть, подлець, сдѣлалъ! барина-то ты убилъ! Оставилъ лошадь, а самъ побѣжалъ къ барину. Подошелъ и говоритъ мужику: ты бы не билъ барина, а съ него бы деньги получилъ за протраву ржи, вотъ тепере тебя сошлютъ.—Мужикъ испугался и зачалъ Петрушкѣ въ ноги кланяться. А Петрушка: нечего, гть, кланяться, не прощу? дай сто рублѣй, такъ прощу. Сейчасъ мужикъ, сходилъ домой по деньги и отдалъ Петрушкѣ. Петрушка подстегнулъ лошадь, посадилъ барина въ телѣгу и поѣхалъ домой.

И подѣзжаетъ къ дому, и вышла барыня встрѣчать своего барина да Петрушку. Добро жаловать, какво съѣздили? А Петрушка отвѣчаетъ: я съѣздилъ хорошо, да вотъ барина мертваго привезъ, мѣста-то гористыя, его до смерти и зачѣкало. А барыня очень рада тому, што барина пережила: она Петрушку любила раньше.

Похоронили барина, а барыня за Петрушку вышла замужъ. И взыграли свадебку.

И. А. Иваницкій материалы по этнографіи Вологодской губ.

Перушко Финиста-ясна сокола.

Жилъ-былъ старикъ, у него было три дочери: большая и средняя—щеголихи, а меньшая только о хозяйствѣ радѣла. Сбирается отецъ въ городъ, и спрашиваетъ у своихъ дочерей: которой что купить? Большая просить: «купи мнѣ на платье!» И середняя тожъ говорить. «А тебѣ что, дочь моя любимая?» спрашиваетъ у меньшей.—Купи мнѣ, батюшка, перушко Финиста-ясна сокола. Отецъ простился съ ними и уѣхалъ въ городъ; большимъ дочерямъ купилъ на платье, а перушка Финиста-ясна сокола нигдѣ не нашелъ. Воротился домой, старшую и среднюю дочерей обновами обрадовалъ; «а тебѣ, говорить меньшей, не нашелъ перушка Финиста-ясна сокола».—Такъ и быть! сказала она, можетъ — въ другой разъ посчастливится найти. Большія сестры кроютъ да обновы себѣ шьютъ, да надъ нею посмѣиваются; а она знай отмалчивается. Опять собирается отецъ въ городъ и спрашиваетъ: «ну дочки, что вамъ купить?» Большая и середняя просятъ по платку купить а меньшая говорить: «купи мнѣ, батюшка, перушко Финиста-ясна сокола». Отецъ поѣхалъ въ городъ,

кушилъ два платка, а перушка и въ глаза не видалъ. Воротился назадъ и говоритъ: «ахъ, дочка, вѣдь я опять не нашелъ пёрушка Финиста-ясна сокола!» — Ничего, батюшка! можетъ—въ иное время посчастливится. Вотъ и въ третій разъ собирается отецъ въ городъ и спрашиваетъ: «сказывайте, дочки, что вамъ купить?» Большія говорятъ: «купи намъ серьги»; а меньшая опять свое: «купи мнѣ пёрушко Финиста-ясна сокола». Отецъ искупилъ золотыя серьги, бросился искать пёрушка—никто такого не вѣдаетъ; опечалился и поѣхалъ изъ городу. Только за заставу, а на встрѣчу ему старичекъ несетъ коробочку. «Что несешь, старина?» — Пёрушко Финиста-ясна сокола. «Что за него просишь?» — Давай тысячу. Отецъ заплатилъ деньги и поскакалъ домой съ коробочкой. Встрѣчаютъ его дочери. — «Ну, дочь моя любимая! говоритъ онъ меньшей наконецъ и тебѣ купилъ подарокъ; на, возьми!» Меньшая дочь чуть ни прыгнула отъ радости, взяла коробочку, стала ее цѣловать-миловать, крѣпко къ сердцу прижимать. Послѣ ужина разошлись все спать по своимъ свѣтѣлкамъ; пришла и она въ свою горницу, открыла коробочку — пёрушко Финиста-ясна сокола тотчасъ вылетѣло, ударилось объ полъ, и явился передъ дѣвицей прекрасный царевичъ.

Повели они межъ собой рѣчи сладкія, хорошія. Услыхали сестры, и спрашиваютъ: «съ кѣмъ это, сестрица, ты разговариваешь?»—Сама съ собой, отвѣчаетъ красна дѣвица. «А ну, отопрись!» Царевичъ ударился объ полъ—и сдѣлался пѣрушкомъ; она взяла-положила пѣрушко въ коробочку и отворила дверь. Сестры и туда смотрятъ, и сюда заглядываютъ—нѣтъ никого! Только онѣ ушли, красная дѣвица открыла окно, достала пѣрушко и говоритъ: «полетай, мое пѣрушко, во чистое поле; погуляй до поры-до времени!» Пѣрушко обратилось яснымъ соколомъ и улетѣло въ чистое поле. На другую ночь прилетаетъ Финистъ-ясный соколъ къ своей дѣвицѣ; пошли у нихъ разговоры веселые. Сестры услыхали, и сейчасъ къ отцу побѣжали: «батюшка! у нашей сестрицы кто-то по ночамъ бываетъ; и теперь сидитъ да съ нею разговариваетъ». Отецъ всталъ и пошелъ къ меньшей дочери, входитъ въ ея горницу, а царевичъ ужь давно обратился иёрушкомъ и лежитъ въ коробочкѣ. «Ахъ вы, негодныя! накинулся отецъ на своихъ большихъ дочерей; что вы на нее понапрасну взводите? Лучше бы за собой присматривали!» На другой день сестры поднялись на хитрости; вечеромъ, когда на дворѣ совсѣмъ стемнѣло, подставили

лѣстницу, набрали острыхъ ножей да иглокъ и натыкали на окнѣ красной дѣвицы. Ночью прилетѣлъ Финистъ-ясный соколъ, бился-бился—не могъ попасть въ горницу, только крылушки себѣ обрѣзалъ. «Прощай, красна дѣвица! сказалъ онъ; если вздумаешь искать меня, то ищи за тридевять земель, въ тридесятомъ царствѣ. Прежде три пары башмаковъ желѣзныхъ истопчешь, три посоха чугунныхъ изломаешь, три просвиры каменныхъ изгложешь; чѣмъ найдешь меня добра молодца!» А дѣвица спить себѣ; хоть и слышитъ сквозь сонъ эти рѣчи непривѣтливья, а встать-пробудиться не можетъ. Утромъ просыпается, смотритъ—на окнѣ ножки да иглы натыканы, а съ нихъ кровь такъ и капаетъ. Всплеснула руками: «ахъ, Боже мой! знать сестрицы сгубили моего друга милаго!» Въ тотъ-же часъ собралась и ушла изъ дому. Побѣжала въ кузницу, сковала себѣ три пары башмаковъ желѣзныхъ да три посоха чугунныхъ, запаслась тремя каменными просвирами, и пустилась въ дорогу искать Финиста-ясна сокола.

Шла-шла пару башмаковъ истоптала, чугунной посохъ изломала и каменную просвиру изглодала; приходитъ къ избушкѣ и стучится: «хозяинъ съ хозяйшкой! укройте отъ темныя ночи». Отвѣчаетъ

старушка: «милости просимъ, красная дѣвица! куда идешь, голубушка?» — Ахъ, бабушка! ищу Финиста-ясна сокола. «Ну, красна дѣвица, далеко-жъ тебѣ искать будетъ?» На утро говоритъ старуха: «ступай теперь къ моей средней сестрѣ, она тебя добру научить; а вотъ тебѣ мой подарокъ: серебряное донце, золотое веретенце; станешь кудель прясть—золотая нитка потянется». Потомъ взяла клубочикъ, покатила по дорогѣ и наказала вслѣдъ за нимъ идти, куда клубочикъ покатится, туда и путь держи! Дѣвица поблагодарила старуху и пошла за клубочкомъ. Долго ли, коротко ли, другая пара башмаковъ изношена, другой посохъ изломанъ, еще каменная просвира изглодана; наконецъ прикатился клубочикъ къ избушкѣ. Она постучалась: «добрые хозяева! укройте отъ темной ночи красну дѣвицу». — Милости просимъ! отвѣчаетъ старушка; куда идешь, красная дѣвица? — Ищу, бабушка, Финиста-ясна сокола. «Далеко-жъ тебѣ искать будетъ!» Поутру даетъ ей старушка серебряное блюдо и золотое яичко, и посылаетъ къ своей старшей сестрѣ: «она де знаетъ, гдѣ найти Финиста-ясна сокола!» Простилась красна дѣвица со старухою и пошла въ путь-дорогу; шла-шла, третья пара башмаковъ истоптана, третій посохъ изломанъ и по-

слѣдняя просвира изглодана—прикатился клубочикъ къ избушкѣ. Стучится и говоритъ странница: «добрые хозяйева! укройте отъ темной ночи красну дѣвицу». Опять вышла старушка: «поди, голубушка! милости просимъ! откуда идешь и куда путь держишь?» — Ищу, бабушка, Финиста-ясна сокола. «Охъ, трудно-трудно отыскать его! онъ живетъ тецерь въ эдакомъ-то городѣ, на просвириной дочери тамъ женилея». На утро говоритъ старуха красной дѣвицѣ: «вотъ тебѣ подарокъ: золотое пялечко да иголочка; ты только пялечко держи, а иголочка сама вышивать будетъ. Ну, тецерь стучай съ Богомъ и паймись къ просвириѣ въ работницы».

Сказано—сдѣлано. Пришла красная дѣвица на просвириинъ дворъ и нанялась въ работницы; дѣло у ней такъ и кипитъ подъ руками: и печку топить, и воду носить, и обѣдъ готовить. Просвирия смотритъ да радуется: «слава Богу! говоритъ своей дочкѣ, нажили себѣ работницу и услужливую и добрую: безъ наряду все дѣлаетъ!» А красная дѣвица, покончивъ съ хозяйскими работами, взяла серебряное донце, золотое веретѣнце, и сѣла прясть: прядетъ—изъ кудели нитка тянется, нитка не простая, а чистаго золота. Увидала это просвирина дочь: «ахъ, красная дѣвица! не продашь ли мнѣ

свою забаву?»—Пожалуй, продамъ! «А какая цѣна?»—Позволь съ твоимъ мужемъ ночь перебыть. Просвирнина дочь согласилась; «не бѣда! думаетъ; вѣдь мужа можно соннымъ зельемъ опоить, а чрезъ это веретѣнце мы съ матушкой озолотимся!» А Финиста-ясна сокола дома не было; цѣлой день гулялъ по поднебесью, только къ вечеру воротился. Съели ужинать; красная дѣвица подаетъ на столъ кушанья, да все на него смотритъ, а онъ добрый мѣлодецъ и не узнаётъ ея. Просвирнина дочь подмѣшала Финисту-ясну соколу соннаго зелья въ питье, уложила его спать, и говоритъ работницѣ: «ступай къ нему въ горницу да мухъ отгоняй!» Вотъ красная дѣвица отгоняетъ мухъ, а сама слезно плачетъ: «проснись-пробудись, Финистъ-ясный соколъ; я красна дѣвица къ тебѣ пришла: три чугунныхъ посоха изломала, три пары башмаковъ желѣзныхъ истоптала, три просвиры каменныхъ изглодала, да все тебя милаго искала!» А Финистъ спитъ, ничего не чувствуетъ; такъ и ночь прошла. На другой день работница взяла серебряное блюдечко и катаетъ по немъ золотымъ личкомъ: много золотыхъ лицъ накатала! Увидала просвирнина дочь: «продай, говоритъ, мнѣ свою забаву!»—Пожалуй, купи. «А какъ цѣна?»—Позволь съ твоимъ мужемъ еще единую

ночь перебыть. «Хорошо, я согласна!» А Финисть-ясный соколъ оиать цѣлый день гулялъ по поднебесью, домой прилетѣлъ только къ вечеру. Сѣли ужинать; красная дѣвица подаетъ кушанья, да все на него смотритъ, а онъ словно никогда и не знавалъ ея. Оиать просвирина дочь опонла его соннымъ зельемъ, уложила спать и послала работницу мужъ отгонять. И на этотъ разъ какъ ни плакала, какъ ни будила его красная дѣвица, онъ проспалъ до утра и ничего не слышалъ. На третій день сидитъ красная дѣвица, держать въ рукахъ золотое пялечко, а иглочка сама вышиваетъ—да такіе узоры чудные! Заглядѣлась просвирина дочка: «продай, красна дѣвица! продай, говоритъ, мнѣ свою забаву!»—Пожалуй, купи!» «А какъ цѣна?»—Позволь съ твоимъ мужемъ третью ночь перебыть. «Хорошо, я согласна!» Вечеромъ прилетѣлъ Финисть-ясный соколъ; жена опонла его соннымъ зельемъ, уложила спать, и посылаетъ работницу мужъ отгонять. Вотъ красная дѣвица мужъ отгоняетъ, а сама слезно причитываетъ: «проснись-пробудись, Финисть-ясный соколъ! я красная дѣвица къ тебѣ пришла; три чугунныхъ посоха изломала, три пары желѣзныхъ башмаковъ истоптала, три каменныхъ просвиры изглодала—все тебя мнлаго искала!» А Финисть-яс-

ный соколъ крѣпко спитъ, ничего не чувствуетъ. Долго она плакала, долго будила его; вдругъ унала ему на щеку слеза красной дѣвицы, и онъ въ ту-жъ минуту проснулся: «ахъ, говорить, что-то меня обожгло!»—Финистъ-ясный соколъ! отвѣчаетъ ему дѣвица я къ тебѣ пришла; три чугунныхъ посоха изломала, три пары желѣзныхъ башмаковъ истоптала, три каменныхъ просвиры изглодала—все тебя искала! Вотъ ужъ третью ночь надъ тобою стою, а ты спишь--не пробуждаешься, на мои слова не отзываешься! Тутъ только узналъ Финистъ-ясный соколъ и такъ обрадовался, что сказать нельзя. Сговорились и ушли отъ просвири. Поутру хватилась просвирина дочь своего мужа: ни его нѣтъ, ни работницы! Стала жаловаться матери; просвирина приказала лошадей заложить и погналась въ погоню. Ъздила-ѡздила, и къ тремъ старухамъ заѡзжала, а Финиста-ясна сокола не догнала: его и слѣдовъ давно не видать!

Очутился Финистъ-ясный соколъ со своею суженой возлѣ ея дома родительскаго: ударился о сыру землю и сдѣлался пѣрушкомъ; красная дѣвица взяла его, спрятала за пазушку и пришла къ отцу. «Ахъ, дочь моя любимая! я думалъ, что тебя и на свѣтѣ нѣтъ; гдѣ была такъ долго?»—Богу ходила молиться. А случи-

лось это какъ разъ около святой недѣли. Вотъ отецъ съ старшими дочерьми собираются къ заутренѣ; «что-жъ ты, дочка милая! спрашиваетъ онъ меньшую, собирайся да поѣдемъ: нынче день такой радостной!» — Батюшка! мнѣ надѣтъ на себя нечего. «Надѣнь наши уборы!» говорятъ старшія сестры. — Ахъ, сестрицы! мнѣ ваши платья не по кости! я лучше дома останусь. Отецъ съ двумя дочерьми уѣхалъ къ заутренѣ; втѣпору красная дѣвица вынула свое пѣрушко. Оно ударилсъ объ полъ и сдѣлалось прекраснымъ царевичемъ. Царевичъ свистнулъ въ окошко — сейчасъ явились и платья, и уборы, и карета золотая. Нарядились, сѣли въ карету и поѣхали. Входятъ они въ церковь, становятся впереди всѣхъ; народъ дивится: какой-такой царевичъ съ царвною пожаловалъ! На исходѣ заутрени вышли они раньше всѣхъ и уѣхали домой; карета пропала, платьевъ и уборовъ какъ не бывало, а царевичъ обратился пѣрушкомъ. Воротился и отецъ съ дочерьми. «Ахъ, сестрица! вотъ ты съ нами не ѣздила, а въ церкви былъ прекрасной царевичъ съ ненаглядной царвною.» — Ничего, сестрицы! вы мнѣ рассказали — все равно что сама была. На другой день опять то-же; а на третій, какъ сталъ царевичъ съ красной дѣвицей въ карету садиться, отецъ

вышелъ изъ церкви и своими глазами видѣлъ, что карета къ его дому подѣхала и пропала. Воротился отецъ и сталъ меньшую дочку допрашивать; она и говоритъ: «нечего дѣлать, надо признаться!» Вынула пѣрушко; пѣрушко ударилось объ полъ и обернулось царевичемъ. Тутъ ихъ и обвѣнчали, и свадьба была богатая! На той свадьбѣ и я былъ, вино пилъ, по усамъ текло, во рту не было. Надѣли на меня колпакъ, да и ну толкать; надѣли на меня кузовъ: «ты, дѣтинушка, не гузай (не мѣшкай)! убирайся-ка поскорѣй со двора.»

Вологодской губерніи Кадниковскаго уѣзда изъ собранія
Афонасьева стр. 6.

Д и в і й м у ж ь .

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, не въ томъ, въ которомъ мы живемъ, жилъ царь съ царицею, а у нихъ былъ сынъ Иванъ-царевичъ. Дворецъ царскій стоялъ въ густомъ зеленомъ саду, въ которомъ росли золотыя яблочки. И повадился въ этотъ садъ ходить воръ, рвать золотыя яблочки. Долго подстерегали вора этого и, наконецъ, поймали; поймали и посадили въ темницу. Воръ этотъ былъ Дивій мужъ. Однажды Иванъ-царевичъ, гуляя въ саду,

увидаль на окнѣ темницы, въ которой сидѣлъ воръ, маленькую красивую птичку и хотѣлъ ее застрѣлить, но стрѣла пролетѣла въ окно темницы. Иванъ царевичъ подошелъ къ окну, а Дивій мужъ и говоритъ ему: Иванъ царевичъ, выпусти меня! я тебѣ не только отдамъ стрѣлу, но и впередъ пригожусь. Иванъ царевичъ сжался надъ нимъ и выпустилъ изъ темницы. А Дивій мужъ въ этотъ день приговоренъ былъ къ смертной казни.

Когда Дивьяго мужа не оказалось въ темницѣ и объ этомъ донесли царю, то царь велѣлъ привести всѣхъ темничныхъ сторожей и хотѣлъ ихъ казнить, но одинъ изъ сторожей сказалъ царю, что вора выпустилъ Иванъ-царевичъ. Царь очень разсердился на сына и собралъ своихъ бояръ и князей, чтобы судить Ивана-Царевича. Бояре и князья и присудили выгнать Ивана-царевича изъ царства. Въ этотъ день его и выгнали.

Идетъ Иванъ-царевичъ дорогою и горько плачетъ. Сѣлъ онъ на камешекъ, чтобы отдохнуть и вспомнилъ о Дивьемъ мужѣ. Глядитъ, а Дивій мужъ стоитъ передъ нимъ, словно изъ земли выросъ, и говоритъ ему: здравствуй, Иванъ-царевичъ! я давно тебя дожидаюсь. Прошу пожаловать ко мнѣ отдохнуть и хлѣба-соли покушать...

Иванъ - царевичъ очень обрадовался, всталъ и они отправились въ домъ къ Дивьему мужу. За столомъ Иванъ-царевичъ разсказалъ про свое горе, какъ отецъ выгналъ его изъ царства.

— Не печалься и не горюй!—сказалъ ему на это Дивій мужъ,—все къ лучшему! Потомъ велѣлъ женѣ своей поднести Ивану царевичу рогъ съ питьемъ, да сладкаго яблочка наливчатаго. Когда тотъ выпилъ и закусилъ яблочкомъ, Дивій мужъ подвелъ его къ палицѣ булатной во сто пудовъ и сказалъ: попробуй, подними! этой палицей ты долженъ сразиться съ змѣемъ. Иванъ-царевичъ сколько ни пытался, никакъ не могъ поднять палицы. Тогда Дивій мужъ велѣлъ женѣ своей снова налить рогъ питьемъ и поднести наливчатый яблочекъ, и когда онъ выпилъ и съѣлъ яблоко, то приподнялъ булатную палицу. Тогда Дивій мужъ сказалъ ему: иди теперь къ царю, который живетъ недалеко отсюда, наймись къ нему въ конюхи, ты убьешь змѣя, поѣдающаго каждый день по десятку людей.

Пошелъ Иванъ-царевичъ къ царю, нанялся въ конюхи и былъ лучше и исправнѣе всѣхъ конюховъ, послушенъ и услужливъ каждому, за что его всѣ другіе конюхи и всѣ служащіе царя полюбили, и царь часто награждалъ его за

исправность, а вскорѣ поставилъ его первымъ конюхомъ. Не влюбилъ его только одинъ конюхъ по имени Дѣвкинъ сынъ и искалъ случая погубить его.

Однажды царская дочь дѣлала для конюховъ угощеніе и приказала всѣмъ придти въ ея комнаты. Обнося ихъ виномъ, она замѣтила, что одного конюха нѣтъ; не было также и Ивана-царевича, который въ это время чистилъ коней. Вычистивъ коней, онъ сѣлъ отдохнуть и задумался и вспомнилъ о Дивьемъ мужѣ. А Дивій мужъ стоитъ передъ нимъ, какъ изъ земли выросъ и говоритъ ему: пожалуй ко мнѣ, Иванъ-царевичъ, хлѣба соли откусать.—Иванъ-царевичъ воталъ и они пошли. Дивій мужъ велѣлъ подать Ивану-царевичу рогъ питья и наливчатое яблочко; когда Иванъ-царевичъ вышилъ и сѣлъ яблоко, Дивій мужъ подвелъ его опять къ булатной палицѣ во сто пудовъ и сказалъ подними ее! Иванъ-царевичъ поднялъ палицу, какъ перышко.—Моженъ теперь сразиться съ змѣемъ! сказалъ Дивій мужъ; поторопись же домой, чтобы товарищи не замѣтили твоего отсутствія; они скоро выйдутъ изъ-за стола. Завтра же, когда царь повезетъ свою дочь на сѣденіе змію, ты зайди ко мнѣ и получишь отъ меня палицу и боевого коня. Иванъ-царевичъ вернулся домой.

На другой день, дѣйствительно, по жребію вышло, что царь долженъ былъ отдать свою дочь на съѣденіе змію. Всѣ пошли ее провожать до того мѣста, гдѣ ее надо было оставить, а Иванъ-царевичъ пошелъ къ Дивьему мужу. Дувій мужъ напоилъ, накормилъ его, отдалъ ему ступодовую палицу и богатырскаго боевого коня и сказалъ: когда побѣдишь змія то, сгѣвши пріѣхать сюда, не показываясь царю.

Сѣлъ Иванъ-царевичъ на коня, привязалъ къ боку палицу и поѣхалъ сражаться съ зміемъ. Скоро онъ увидалъ царевну, которая сидѣла на берегу моря и горько плакала, дожидаясь смерти. Иванъ-царевичъ, не показываясь ей, спрятался за ближнее дерево. Вдругъ видитъ онъ: море заколыхалось и вышелъ изъ него змій. Иванъ-царевичъ выѣхалъ изъ засады и бросился на змія. Долго бились они, наконецъ Иванъ-царевичъ такъ ловко ударилъ змія палицей по головѣ, что онъ тутъ-же и издохъ. Хотѣлъ онъ тотчасъ же ѣхать, чтобы царевна не узнала его, но замѣтилъ на рукѣ своей большую рану, изъ которой текла кровь и подошелъ къ царевнѣ, чтобы та перевязала ему рану. Царевна перевязала ему руку своимъ шелковымъ платкомъ, стала благодарить за свое спасеніе и просила ѣхать

вмѣстѣ съ нею во дворецъ къ отцу ея. Но Иванъ-Царевичъ, помня наказъ Дивья мужа, не сказалъ ей ни слова, повернулъ своего коня и уѣхалъ. И лишь только онъ скрылся изъ глазъ, какъ конюхъ Дѣвкинъ сынъ выскочилъ изъ-за кустовъ съ ножомъ въ рукахъ и сказалъ царевнѣ: если ты не скажешь отцу своему, что я спасъ тебя отъ змія, то я тебя зарѣжу.

Царевна испугалась и дала ему вѣрное слово назвать его освободителемъ отъ змія.

Вотъ приходятъ они во дворецъ къ царю. Царевна подвела Дѣвкина сына къ отцу и сказала, что онъ ее спасъ отъ змія. Царь обрадовался, увидавъ свою дочь живою, и въ награду за спасеніе своей дочери, обѣщалъ Дѣвкину сыну отдать за него дочь, а въ приданое дать полцарства. Назначили и день свадьбы.

Когда узналъ объ этомъ Дивій мужъ, далъ Ивану-царевичу волшебное колесо и гусли, велѣлъ ему одѣться старикомъ и идти въ заповѣднѣйшій лугъ, который находился недалеко отъ царства. При посредствѣ волшебнаго колеса, Иванъ-царевичъ выстроилъ золотой дворецъ и сталъ играть на гусяхъ волшебныя пѣсни.

Услыхала эти пѣсни царевна и посылаетъ свою няньку узнать: кто такъ хорошо играетъ.

Нянька пришла въ заповѣднѣй лугъ и увидала золотой дворецъ. Вошла она во дворецъ—во всѣхъ комнатахъ благоуханіе, изъ первой комнаты прошла во вторую, потомъ въ третью—никого нѣтъ. Наконецъ, въ послѣдней комнатѣ увидѣла прекраснаго юношу, играющаго на гусляхъ, и такъ заслушалась его пѣсенъ, что не могла сойти съ мѣста.

Между тѣмъ, царица ждала, ждала, не могла дожидаться няньки. Посылаетъ она другую и та также не возвратилась. Не вытерпѣла царица и пошла сама. Приходить во дворецъ, видитъ няньки ея сидятъ, а прекрасный юноша играетъ на гусляхъ. Царица тотчасъ же узнала въ немъ своего избавителя отъ змѣя, подошла къ нему и просила идти съ ней къ царю. Иванъ-Царевичъ и пошелъ. Пришли они къ царю и она рассказала, какъ онъ ее избавилъ отъ змѣя, а равно и о томъ, какъ Дѣвкинъ сынъ хотѣлъ ее зарѣзать. Царь такъ разсердился, что велѣлъ тотчасъ же отрубить голову Дѣвкину сыну, а Ивана Царевича женилъ на своей дочери.

Великоустюжскаго уѣзда, Вологодской губерніи.

Елена Прекрасная.

е въ которомъ царствѣ, не въ которомъ государствѣ, именно въ томъ, въ которомъ мы не живемъ, жилъ былъ царь съ царицей, а у нихъ была дочь Елена Прекрасная. Она была хороша, только въ томъ бѣда, —много башмаковъ изнашивала. Елена прекрасная каждую ночь уходила, потому и башмаковъ много изнашивала, а уходила она за тридевять земель въ тридесятое царство къ одному любовнику, и никто не могъ ее замѣтить.

Однажды царь сдѣлалъ заявленіе во всемъ своемъ царствѣ: не выщется ли такой человѣкъ, который усмотритъ, куда его дочь уходитъ? И вотъ нашелся одинъ пастухъ; приходитъ къ царю и говоритъ ему: ваше царское величество! я слышалъ ваше великое слово, будто бы ходитъ дочь ваша неизвѣстно куда, и никто усмотрѣть не можетъ. Я это дѣло могу разузнать— куда она ходитъ.

Отвѣчаетъ ему царь: ежели вы узнаете, то я за васъ ее замужъ отдамъ.

Наступаетъ вечеръ. Угостившись, пастухъ легъ отдохнуть на диванъ одной залы, но прикинулся нарочно, будто заснулъ. Вдругъ приходитъ Елена прекрас-

ная и говорить: прощай, мой другъ, я ужъ пошла, а ты едва ли не проспишь здѣсь на диванѣ. Пастухъ же, вставши, пошелъ за нею вслѣдъ. Долго они шли и дошли до лѣсу съ мѣднымъ листьемъ; пастухъ взявши сорвалъ одинъ листокъ и положилъ въ карманъ. Не далеко отошли еще и увидалъ пастухъ въ сторонѣ лѣса дерутся два чертенка. Подходить онъ къ нимъ и говорить: что, ребята, объ чемъ деретесь?—Дѣлимъ послѣ дѣда-прадѣда сапоги скороходы и не можемъ раздѣлить.—Такъ давайте, я вамъ раздѣлю?—Раздѣли пожалуйста!—А вотъ бѣгиге въ лѣсѣ,—который скоряе листье сосчитаетъ, того и сапоги. Черти побѣжали въ лѣсѣ считать листье, а онъ взялъ, надѣлъ сапоги и ушелъ. Черти и сейчасъ бѣгаютъ.

Вотъ доходятъ они до лѣсу съ серебрянымъ листьемъ. Пастухъ, взявши, сорвалъ листочекъ, опять положилъ въ карманъ и опять увидѣлъ—въ сторонѣ лѣса два чертенка дерутся. Пошелъ къ нимъ.—Ну что, ребята, объ чемъ деретесь?—Объ томъ, что послѣ дѣда-прадѣда дѣлимъ шляпу-невидимку и не можемъ раздѣлить.—Дайте, я раздѣлю. Бѣгите въ лѣсѣ, считайте листье; который скоряе сосчитаетъ, того и шляпа.—Черти убѣжали, а онъ надѣлъ шляпу и пошелъ рядомъ съ Еленой прекрасной.

Дошли они до лѣсу съ золотымъ листьёмъ. Взялъ онъ, сорвалъ листокъ и онять положилъ въ карманъ. И увидѣлъ въ сторонѣ лѣсу дерутся два чертенка, подошелъ къ нимъ и спрашиваетъ: что вы, ребята, дѣлаете?—Дѣлимъ послѣ дѣда-прадѣда саблю-саморубку, не можемъ раздѣлить.—Давайте, я вамъ раздѣлю.—Раздѣли, братъ, пожалуйста.—Бѣгите въ лѣсъ, считайте листьё, который скоряе сосчитаетъ, того и сабля. Взявши пастухъ саблю и отправился впередъ.

Пришли они къ ея любовнику. Этотъ сейчасъ ее принялъ, посадилъ за столъ и началъ угощать водкой, а пастухъ въ шляпѣ невидимкѣ сѣлъ съ нею рядомъ. Они занялись разнымъ разговоромъ. Налилъ любовникъ рюмку водки и потчуетъ свою любовницу, она отставила рюмку. Пастухъ взявши рюмку и выпилъ. Любовникъ онять сталъ потчивать: ну что же душечка, выкушайте рюмочку! Она взявши рюмку: ахъ, вы потчуете гостей простой рюмкой!—Да какъ же, я ее наливалъ!—Нѣтъ, должно быть не налили.

Посидѣли такъ, поразговаривали и стала Елена прекрасная собираться домой, отблагодарила за хлѣбъ за соль и за угощеніе и отправилась въ путь. Пошелъ за ней и пастухъ.

Вышли изъ того царства вонъ;—па-

стухъ пошелъ впередъ, пришелъ во дворецъ и легъ опять на тотъ диванъ, на которомъ спалъ раньше.

Является Елена прекрасная, подходитъ къ нему. А, душа моя, что-то высмотрѣлъ? Кажется, что проспалъ!—Раздѣвшись, она также легла спать.

Вставши утромъ рано, царь призываетъ къ себѣ пастуха. Является пастухъ.—Ну, что же, братъ, высмотрѣлъ, куда ходитъ моя дочь?—Высмотрѣлъ.—Въ это время и дочь является передъ родителемъ.—Ну вотъ, дочь моя, теперече узнали, куда ты ходишь!—Не можетъ быть, чтобы могъ кто усмотрѣть.—И спрашиваетъ она пастуха: ну скажи, братъ, коли усмотрѣлъ, какими мѣстами я шла?—Пастухъ вынимаетъ изъ кармана мѣдный листокъ и говоритъ: ну вотъ шли такимъ лѣсомъ, потомъ подалъ серебряный и золотой.—Ну еще когда вы были у своего любовника и потчивалъ онъ васъ водкой, вы взяли простую рюмку, потому что налитую я вышилъ.--Ну, братъ, молодецъ!

Царь выдалъ за пастуха свою дочь. Прожили они мѣсяць-другой. Вотъ однажды легли они спать и говоритъ Елена прекрасная своему мужу:—Супругъ мой любезный! расскажи, какимъ вы способомъ могли въ то время усмотрѣть, что я ходила за тридевять земель въ триде-

сятое царство?—Такимъ способомъ, что я самъ за вами ходилъ.

И написавши она къ старому любовнику письмо, чтобы явился онъ со всѣмъ своимъ войскомъ и выручилъ бы ее изъ объятія немилаго мужа. Старый любовникъ, прочитавши письмо и очень сожалѣя о томъ, въ зависти собралъ многочисленное войско и подступилъ подъ городъ. Пастухъ, узнавши объ этомъ, много не сомнѣвался, надѣлъ на себя сапоги скороходы, шляпу невидимку, взялъ саблю саморубку, устремился на непріятельскія войска и вскорѣ побилъ до единого война, едва только могъ спастись одинъ любовникъ. И возвратился пастухъ домой цѣлъ и невредимъ.

Опять зажилъ онъ въ лучшемъ видѣ и проживши послѣ того много времени благополучно. И былъ онъ одинъ разъ въ веселомъ видѣ и стала его спрашивать жена: скажите пожалуйста, супругъ мой любезный, какимъ способомъ могли вы побѣдить короля?—Онъ ей и разсказалъ: я имѣю сапоги скороходы, шапку невидимку, саблю саморубку, — хошь миллионъ воиновъ, и то могу побить. Тогда Елена прекрасная взявши тѣ драгоценныя вещи и ушла ночью. Пастухъ просыпается утромъ рано и не видитъ своей супруги; хватился своихъ драгоценныхъ

вещей—и ихъ также не было. Пошелъ, рассказалъ своему тестю о побѣгѣ его дочери и своей жены. Потужили, погоревали, да дѣлать было нечего.

И вставши пастухъ по одно утро, простился со своимъ тестемъ и пошелъ знакомой дорогой. Идетъ онъ мѣднымъ лѣсомъ и схватили его черти на дорогѣ. —Эй, стой, братъ! теперече отъ насъ не уйдешь!—Вотъ что, братцы! оставьте меня живаго, потому что я вашихъ вещей не имѣю; ими владѣетъ одинъ король; я пошелъ за ними, только на знаю, какъ ихъ достать.—Ступай, братъ, мы тебя научимъ. Когда придешь ты туда, подкупи одну дѣвку, а самъ тряпнись объ землю и превратишься лошадыю; увидаеть тебя король, велитъ поймать, а Елена прекрасная велитъ тебя изрубить. Когда тебя стануть рубить, эта бы дѣвка взяла одинъ кусокъ и зарыла бы противъ дворца, тогда ты превратишься въ яблонь. Эту яблонь Елена прекрасная прикажетъ срубить. Какъ стануть рубить, также первую щеику вели взять и бросить въ прудъ. Только дѣвка въ прудъ бросить, какъ ты превратишься лебедью. Король увидаеть тебя, начнетъ имать, раздѣнется нагой, поплыветъ за тобой въ прудъ, ты въ то время вылети, тряпнись объ землю, превратишься по прежнему въ человекъ и

возьмешь эти драгоценныя вещи, потому король постоянно на себѣ ихъ носить, а тутъ оставить на берегу.

Приходить онъ въ то царство, нашелъ и подкупилъ одну дѣвку горничную, чтобы она за нимъ слѣдила. Взявши, тряпнулся объ землю, превратился прекраснѣйшею лошадыю и давай бѣгать мимо дворца. Увидавши, король приказалъ поймать. Поймали лошадь и заперли въ конюшню. Елена прекрасная говоритъ: лошадь эта не даромъ! я ее приказываю изрубить!—Жалко было королю лошади, да дѣлать нечего, изрубили лошадь. На другой день король, вставши по утру рано, увидалъ презрядную яблонь и сказалъ о томъ Еленѣ прекрасной. Та, выслушавши его рѣчь, приказываетъ срубить яблонь и сожегчи, а пепелъ развѣять на вѣтеръ. Срубили яблонь. Какъ первая щепка отлетѣла, взявши эта дѣвка пристушила ногою, никто не замѣтилъ. И бросила ее въ прудъ. Яблонь сожгли, пепель развѣяли по вѣтру.

На другой день король пошелъ прогуливаться въ садъ и увидалъ—на прудѣ плавала лебедь. Подошелъ къ ней такъ близко, что только бы въ руки взять. Лебедь поотплыла на другое мѣсто. Король опять подошелъ, хочетъ схватить—лебедь опять отплыла. До того королю

влекательно было поймать лебедь, что онъ раздѣлся и поплылъ за нею въ прудъ. Лебедь отъ него все далѣе и далѣе. Когда король отплылъ далеко отъ берегу, лебедь стрепенулась и вылетѣла на берегъ, тряпнулась объ землю и сдѣлалась по прежнему добрымъ молодцомъ. Молодецъ взялъ, надѣлъ на себя сапоги скороходы, шляпу невидимку и саблю саморубку, короля этого убилъ, а самъ отправился во дворецъ къ Еленѣ прекрасной.

Та, увидавши его, очень испугалась. — Супруга моя любезная, не пугайтесь, я пришелъ за вами. — Елена прекрасная собралась и отправилась со своимъ супругомъ на родину. Прибыли они къ своему отцу и пастухъ представилъ ему дочь его а свою супругу. Съ того времени сталъ пастухъ жить да поживать да дѣтей наживать. Елена прекрасная не стала болѣе отъ него уходить, стала его любить.

Иванъ премудрый.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ у царя былъ сынъ Иванъ царевичъ. И какъ только онъ сталъ въ совершенныхъ лѣтахъ, сталъ онъ у папеньки проситься невѣсту искать. Поѣхалъ. Приѣзжаетъ къ ко-

ролю; у него три дочери, у этого короля. А ужь королю такъ хотѣлось, чтобъ Иванъ царевичъ взялъ которую-нибудь дочь; съ такой радостью его встрѣчаетъ. Всѣ такъ рады, кушать сѣли. Иванъ царевичъ и говоритъ своему дядкѣ: «дядька, поди узнай, гдѣ у королевенъ спальни!» Дядька сходилъ, узналъ. Кончился ужинъ. Поѣхалъ Иванъ царевичъ съ дядькой. «Какъ бы, говоритъ, подслушать, что обо мнѣ будутъ говорить!» Подвелъ дядька Ивана царевича къ ихъ спальнѣ.

Сошлись въ эту спальню всѣ три королевны и радуются. «Ахъ, какъ бы меня Иванъ царевичъ взялъ, я бы изъ одной рученочки напяла бы сорочку и порты». А другая говоритъ: «ахъ, какъ бы меня Иванъ царевичъ взялъ, я бы изъ одной мочечки напяла бы сорочку и порты». — Третья и говоритъ: «нашли же вы чѣмъ хвалиться! Какъ бы меня взялъ Иванъ царевичъ, я бы ему шесть сыновей родила, а седьмаго Ивана премудраго, по локти ручки въ золотѣ, по колѣнъ ноги въ серебрѣ и на каждомъ волоскѣ по жемчуженкѣ». — Иванъ царевичъ и говоритъ: дядька, слышишь, что онѣ говорятъ?... Теперь, говоритъ, я сватать буду.

Поутру приходитъ къ королю. «Мнѣ, говоритъ, большая ваша дочь очень нравится». Царь такъ радъ; у царей не брагу

варить, не вино курить, все готово; съиграли свадьбу. Попировали съ недѣлю. Онъ и говорить: «что-жъ, душечка, ты обѣщала изъ одной рученечки напрямъ сорочку и порты?» Развѣ это можно?!... Мало ли что въ дѣвицахъ говорится!— Онъ взялъ ее въ монастырь отправилъ; сватаетъ другую. Король отдалъ. Опять попировали; онъ и говорить: «ну, чтожъ, душечка, ты обѣщала изъ одной моченечки напрямъ сорочку и порты?»—Можно ли это сдѣлать? Мало ли что въ дѣвицахъ говорится!—Ну, онъ и эту въ монастырь отправилъ. Меньшую сватаетъ, послѣднюю дочь беретъ. Поѣхалъ съ этой къ своимъ родителямъ.

Пріѣхали домой, живутъ прекрасно, такъ хорошо. А тѣ сестры ее ненавидятъ: «мы, говорятъ, по недѣлѣ только жили, а она годъ. Всѣ силы употребимъ, да ее истребимъ». Такъ она годъ прожила, стала беременна. Тѣ злятся, а во дворецъ не смѣютъ взойти при царѣ. Государь уѣхалъ, онѣ пріѣзжаютъ къ ней... «Ахъ, милая сестрица! теперь вы въ тягости, надо вамъ хорошую бабушку... Здѣсь все скверныя; такая у насъ есть знакомая славная, и боли не будешь чувствовать.» Повѣрила она сестрамъ. «Милыя сестрицы! сдѣлайте милость, пришлите.» А у нихъ волшебница знакомая-то. Вотъ эта вол-

шебница къ ней приходитъ, дала ей порош-ка выпить, та безъ памяти и стала, родила двухъ сыновьевъ по локти ручки въ золотѣ, по колѣни ножки въ серебрѣ; на каждомъ волоскѣ по жемчужинкѣ. Волшебница взяла этихъ дѣтей къ себѣ, а вмѣсто нихъ понесла къ царю котенка да кутенка. «Что это ты принесла? Хоть бы простаго ребенка!»—Что-жь, батюшка, что родится, то и годится.—Государыня узнала, плакала, плакала. Государь долго сердился, долго его уговаривали. Наконецъ простилъ ее, страшно онъ любилъ ее; и всѣ въ государствѣ ее любили...

Черезъ нѣсколько времени она опять забеременѣла. Сестрицы еще больше ее ненавидятъ, что онъ опять съ ней живетъ. Какъ государя нѣтъ, онѣ опять приѣзжаютъ; такъ-такъ съ ней ласковы... «Вѣдь, ты тогда хорошо родила?»—Хорошо, говоритъ: никакой боли не чувствовала.—«Ну, мы тебѣ опять эту бабушку доставимъ!»—Я ужь, не знаю... «Нѣтъ, нѣтъ, непремѣнно; мѣнять негодится...» Опять эта волшебница приѣхала, дала ей порошка, она и заснула... Во снѣ родила двухъ сыновьевъ по локоть руки въ золотѣ, по колѣнъ ножки въ серебрѣ, на каждомъ волоскѣ по жемчужинкѣ; спрятала ихъ къ себѣ, положила лягушеночка да мышеночка... Опомнилась она. «Ну, что, го-

ворить, кто у меня родился?...» Лягушеночекъ да мышеночекъ!... «Ахъ, бабушка, милая! не родилъ ли ктонибудь въ нашемъ царствѣ, вмѣсто моихъ дѣтей бы взять?— «Какъ можно, какъ можно?»—Вымыла, поне-сла къ царю.-- Что ты еще принесла?— «Лягушеночка да мышеночка.»—Старая корзина! Зачѣмъ тебя несетъ?— «Показать, батюшка, показать!» Такъ эта царица плакала, плакала... Пріѣзжаютъ генеральши, сенаторши... Вы бы, говорятъ, бабуку перемѣнили...» Дамнѣ, говоритъ, сестрицы рекомендуютъ... «Да они васъ ненавидятъ.» Государя уговаривали, уговаривали... Государь опять простилъ ее; стала она выходить...

Черезъ нѣсколько времени она опять забеременѣла. «Хоть бы Господи далъ простаго ребенка!»—Опять ей эти сестры ту бабуку навялили, она положила вмѣсто дѣтей головню да звѣрка какого-то. «Бабушка! что у меня родилось?»—Головня, матушка, головня!—«Ахъ, Господи!...» Ну, что-жь?... Что родится, то и годится... Долго царь гиѣвался, въ послѣдній разъ простилъ... Вотъ она опять забеременѣла, родила Ивана премудраго... Ее вмѣстѣ съ этимъ Иваномъ премудрымъ засмолили, пустили по водѣ...

Растетъ Иванъ премудрый въ бочкѣ не по днямъ, а по часамъ; ужь такой премудрый, такой умный. Потянулся, уда-

рилъ въ дно, дно вылетѣло. Вышли на островъ. Ходятъ они по острову, вѣтеръ поднялся такой холодный... «Какъ, говорить, я озябла!»—Сейчасъ онъ огня досталъ, зажегъ... Вы, говорить, погрѣйтесь; а я пойду въ лѣсокъ, птички—звѣря поймать. Шель озеромъ, шель лугомъ, шель дальше; и видитъ — келейка. Взошелъ: нѣтъ никого, сейчасъ сталъ искать пропитанія; посмотрѣлъ въ печкѣ, нѣтъ ничего... «Постой, я подъ печку спрячусь!»—Залѣзъ, сидитъ подъ печкой... Входитъ старикъ сѣдой, сѣлъ на лавку, взялъ дубинку, ударилъ о земь. «Дубинка, развернись!» Сейчасъ откуда ни возмись кушанья-напитки... «Вотъ какъ бы мнѣ эту дубинку!»—Старикъ наѣлся, напился, поставилъ дубинку въ уголокъ, легъ спать, захрапѣлъ, спитъ крѣпкимъ сномъ. А Иванъ премудрый вышелъ, взялъ дубинку, бѣжитъ домой... Бѣжитъ назадъ тѣмъ же озеромъ, лугомъ. Идетъ мужичекъ... «Что ты несешь?»—Топорь!... Захочешь домъ построить, сейчасъ будетъ... А Иванъ премудрый дубинку ему показалъ... «Давай мѣняйся!» Помѣнялись. Старикъ идетъ шибко съ этой дубинкой. Иванъ царевичъ и говорить: «топорь! нельзя ли у старика у этаго отнять мою дубинку.»—Какъ, говорить, нельзя? Можно! Полетѣлъ топорь, отнялъ у старика дубинку.

Приходитъ Иванъ премудрый къ матери съ топоромъ и съ дубинкой, рассказываетъ матери. Мать такъ рада, молится Богу. Ложится Иванъ премудрый спать. приказываетъ топору и дубинкѣ, чтобы выстроили дворецъ точь-въ-точь такой, какъ у пашеньки. Утромъ просыпается во дворцѣ; прислуга готова, и все такъ, какъ у пашеньки во дворцѣ. Они только дивятся. На другую ночь ложится Иванъ премудрый спать, приказываетъ, чтобъ къ утру на островѣ была пристань готова... Встаетъ поутру; все готово.

На другой день плыветъ мимо острова корабль; и купцы дивятся: «птица тутъ не пролетала, теперь дворецъ, стоитъ.» Иванъ премудрый выходитъ на пристань. «Господа купцы, пожалуйте!»—А купцы дивятся, идутъ съ нимъ къ нему во дворецъ; онъ ихъ угостилъ, спрашиваетъ: «куда вы ѣдете и съ какими товарами?»—Идемъ мы въ Россію съ такими-то товарами; да вотъ, говорятъ, приказалъ намъ государь достать соболевъ, куницъ и лисицъ. «Да, у меня, говоритъ, есть!»—Легли спать. Иванъ премудрый и приказываетъ топору и дубинкѣ, чтобъ самые лучшіе были соболи, куницы и лисицы. Утромъ всталъ Иванъ премудрый, чай стали пить. Послѣ чаю, онъ и говоритъ: «ну, господа купцы! пойдите въ кабинетъ

смотрѣть звѣрей.» — Пошли, только дивятся эти кушцы. «Покупывали, говорятъ, и мы много, а такихъ не видали. Какъ, говорятъ, ваше имя и отечество?» — Иванъ Ивановичъ, говоритъ: я здѣсь съ маменькой живу. — И спрашиваютъ у него: «какже, говорятъ, цѣна?» — И, говоритъ, вамъ такъ дарю, только доведите меня до вашего государства.

Пробыли они у него еще сутки, поѣхали; и онъ съ ними. Корабль, какъ птица, летитъ; бывало двѣ недѣли ѣхалъ, а теперь двой сутки... Приѣхали; онъ распротился, ушелъ отъ нихъ.... Самъ оборотился мушкой, сѣлъ на правое плечо къ этимъ кушцамъ-то; сидитъ. Приходятъ они къ государю. «Не прикажите, говорятъ, насъ казнить, прикажите слово говорить.» — Говори! говори! — «На морѣ на островѣ матушка съ сыномъ живетъ, съ Иваномъ Ивановичемъ. И у нихъ вотъ эдакой же дворець, какъ у васъ. Мы, говоритъ, трои сутокъ тамъ выжили; такіе они благородные, ловкіе...» Господа кушцы! заворачивайте корабли, поѣдте! — Тетки тотчасъ выскочили. „Ахъ, что вы слушаете мужика простаго, деревенскаго... Поѣдте лучше съ нами за море; у насъ тамъ коты заморскіе!“ — Хорошо, говоритъ, завтра! — Кушцы подарилъ государю этихъ звѣрей, ушли домой... Иванъ премудрый и гово-

ригъ: „топоръ-дубинка! чтобъ былъ я дома!“ Сейчасъ перенесли его домой; ложится онъ спать. „Топоръ и дубинка! чтобъ завтра у меня были тѣ коты заморскіе!“

На другой день опять идетъ корабль мимо острова. „Господа купцы! пожалуйте ко мнѣ!“—Тѣ боятся: не было ничего, а тутъ все явилось... Зазвалъ онъ ихъ, угостилъ: они все дивятся на дворецъ, на котовъ заморскихъ: шерсть такъ на нихъ и стелется... Также и эти купцы трои сутки прожили, далъ онъ имъ соболей, лисицъ, куницъ еще лучше прежнихъ и поѣхалъ съ ними. Поплыли; тишина такая на морѣ, а корабль какъ птица летитъ... Купцы и думаютъ: „это, говорятъ, ангелъ, а не человекъ; святой, да и только...“ Приѣзжаетъ съ ними Иванъ премудрый, простился съ ними, оборотился мушкой, сѣлъ на голову купцу. Пошли купцы къ государю, приносятъ соболей, лисицъ, куницъ еще лучше того... Дивится царь. Купцы и говорятъ: „на островѣ на морѣ стоитъ дворецъ такой же какъ у васъ; и коты у нихъ есть заморскіе. Стоитъ посмотрѣть!“ Господа купцы, заворачивайте корабли, поѣдьте на островъ. — Опять эти тетки говорятъ: „ахъ, что это вы всякаго бородача слушаете! Поѣдьте лучше съ нами: въ саду у тетушки есть птицы райскія, поютъ пѣсни царскія.“

Покорно благодарю! Тогда, говоритъ, Ёздилъ смотрѣть котовъ заморскихъ, да ничего не видалъ!.. „Ну, тѣ могли убѣжать, а птички не убѣгутъ никуда! Поѣдемъ лучше съ нами...“ Ну, хорошо, говоритъ... Пошли кушцы домой. Иванъ премудрый и говоритъ: „топоръ и дубинка! чтобъ быть мнѣ у маменьки.“ Перенесли его на островъ; ложится онъ спать. „Топоръ и дубинка! чтобъ были у меня завтра птицы райскія, пѣли пѣсни царскія.“ — Просыпается утромъ, слышитъ: прелесть музыка. Слушали, слушали...

Потомъ опять плыветъ мимо острова третій корабль. Опять Иванъ царевичъ зазвалъ кушцовъ, далъ имъ соболей, куницъ, лисицъ. Прожили они у него три сутки, поѣхали; и онъ съ ними. Корабль, какъ птица, летитъ... Приѣхали; онъ простился, пошелъ отъ нихъ; потомъ обратился мухой, сѣлъ къ кушцу на голову. Приходятъ кушцы къ государю, подаютъ лисицъ, куницъ, соболей. Царь и говоритъ: „вотъ такъ соболи! прелесть!“ Это ли, говорятъ, мы видали! На морѣ на островѣ стоитъ дворецъ точно такой, какъ вашъ; живетъ въ немъ барыня съ сыномъ, Иванъ Иванычемъ. У нихъ и коты заморскіе, и птички райскія поютъ пѣсни царскія... „Ахъ, кушцы, заворачивайте корабли; я съ вами поѣду!“ — Опять эти тетки: „ахъ

какъ вы малодушны! Поѣдѣте лучше съ нами: у насъ есть шесть сыновей, что лѣпыхъ соколовъ по локоть ручки въ золотѣ, по колѣно ноги въ серебрѣ, на каждомъ волоскѣ по жемчужинѣ; они ужь не могутъ пропастъ, ихъ только въ полдни выпускаютъ на два часа.“—Царь и задумался про своихъ сыновей. «Хорошо, говоритъ, поѣдемъ.» Пошли кушцы домой. А Иванъ премудрый какъ ударить жаломъ одну въ глазъ, другую въ голову... «Ахъ, говоритъ, мнѣ въ голову ударило!...» Кровь побѣжала, завязала платкомъ. А Иванъ премудрый обратился мухой, полетѣлъ домой.

«Ну, маменька! напеките мнѣ шесть лепешекъ къ завтраму.» Вотъ она напекла ему шесть лепешекъ. Онъ и говоритъ: «топоръ и дубинка! чтобъ быть мнѣ тамъ въ самый полдень.» Принесли его туда; эта волшебница выпустила всѣхъ шестерыхъ. Ужь они бѣгали, бѣгали... По локти ручки въ золотѣ, по колѣна ножки въ серебрѣ, на каждомъ волоскѣ по жемчужинкѣ. Бросилъ онъ имъ одну лепешечку, потомъ другую, третью, всѣ... Они схватили, стали ѣсть. «Ахъ, говорятъ, какія вкусныя, прекрасныя; точно маменькины ручки пекли.» Увидали братца... «Сирячься, говорятъ, поскорѣе!» А эта волшебница и говоритъ: «а, Иванъ премудрый! и ты ко мнѣ захотѣлъ.»—Онъ и говоритъ: «то-

поръ и дубинка! порубите ее на мелнія части, побросайте все въ воду!»—Изрубили ее, побросали въ воду... Такъ все братья рады, что избавились отъ этой волшебницы.

«Топоръ и дубинка! чтобъ быть намъ около своего дому.» Тотчасъ все они очутились около своего дому. Вышла мать, все ихъ узнала. Они все ушли на колѣни: «маменька, маменька!»—Благодарите, говоритъ меньшаго... А государь туда къ нимъ и не ѣздилъ: одна тетка кривая, у другой голова распухла, какъ пивной котелъ.

Опять ѣдутъ купцы карабельщики; такъ удивляются. Выходитъ Иванъ премудрый, зазываетъ ихъ. «Пожалуйте!»—Братья людей-то не видали, удивляются... А купцы еще больше на нихъ смотрятъ. Пробыли три дня, приѣзжаютъ къ государю. «Ахъ, батюшка ваше царское величество! На морѣ на островѣ дворецъ точно такой же, какъ вашъ, и живутъ въ немъ шесть братьевъ, по локоть ручки въ золотѣ, по колѣнѣ пожки въ серебрѣ, на каждомъ волоскѣ по жемчужинѣ; а седьмой братъ—Иванъ премудрый. Есть тамъ и коты заморскіе и птицы райскія поютъ пѣсни царскія.» Ахъ, братцы, заворачивайте корабли, поѣдте!—А тетокъ ужь тутъ нѣтъ, лежатъ въ постели... Поѣхали.

Черезъ недѣлю приѣзжаютъ къ этому острову. Царь самъ удивляется... Выходятъ

къ нему навстрѣчу Иванъ премудрый съ братьями, съ маменькой... Царь шалъ на колѣни, съ радости заплакалъ... И послалъ царь тотчасъ указъ, чтобъ и духу ихъ (те-токъ-то) не было. Приѣхалъ государь обратно. Вышли его встрѣчать весь городъ, сенаторы; и ее подъ ручки повели... Иванъ премудрый и говоритъ: топоръ и дубинка! чтобъ все здѣсь было: и птицы райскія, и коты заморскіе!— Сколько было радости, и народу удивленье на эти рѣдкости и на царскихъ дѣтей!

Настасья прекрасная.

е въ которомъ царствѣ, не въ которомъ государствѣ, именно въ томъ, въ которомъ мы не живемъ, жилъ былъ царь, а у этого царя были сынъ да дочь: сынъ—Иванъ царевичъ, дочь—Марья царевна. И былъ у этого царя кругъ дворца прекраснѣйшій садъ; въ этомъ саду бесѣдка, а у бесѣдки стоялъ на часахъ одинъ солдатикъ очень красивый собой. И ходила въ этотъ садъ прогуливаться одна енеральская дочь. Влюбилась она въ этого солдатика; постоянно придетъ къ нему, посидитъ, поразговариваетъ и от-

правится домой. Царь это дѣло смѣтилъ, приходитъ къ солдату и говоритъ:—Слушай, служивый! должно быть, тебя любитъ эта енеральша?—Точно такъ, ваше царское величество, у насъ съ нею любовь происходитъ третій годъ.

Однажды царь прогуливался въ саду и явилась тутъ енеральша. Захотѣлось царю склонить ее къ себѣ въ любовницы, но она ни на что не соглашается. Царь разсердился на нее и говоритъ:—Ахъ ты, подлая! солдату.....!—Какъ я солдату.....? —Сейчасъ отправилась къ солдату, приходитъ и говоритъ ему:—Что же, служивый, вы какими словами похваляетесь, будто я вамъ.....? Солдатъ очень испугался, да отъ робости и сказалъ:—Да какъ же не....? Конечно.....! — Ну такъ хорошо! Сейчасъ отправилась домой и обсказала своему родителю. Тотъ приказалъ посадить солдата въ темницу. А была въ него давно влюблена Марья-царевна, но не могла найти способа съ нимъ сблизиться. Теперь же нашла легчайшій способъ: сдѣлала къ солдату подземный ходъ и стала ходить каждый день. Солдату отлично стало жить, только что не на волѣ.

Вотъ вздумалось царю женить своего сына. Стали свататься за тридцать земель въ тридешатое царство къ Настасѣ

прекрасной и та была согласна идти за царевича съ тѣмъ только, чтобы онъ отгадалъ одну загадку. Прислала она въ чемоданѣ саблю и нужно было отгадать: въ которомъ концѣ носокъ и въ которомъ рукоятка.

Приходитъ Марья царевна къ солдату и обсказываетъ ему объ этомъ дѣлѣ. Солдатъ говоритъ ей: простая штука отгадать: опустите чемоданъ въ молоко; въ которомъ концѣ рукоятка, тотъ и повернется кверху, такъ и отпишите, будетъ вѣрно. Опустили чемоданъ въ молоко, — вѣрно сбылось по-солдатову. Отписали туда обратно. И присылаютъ опять оттуда 12-ть голубей, и нужно узнать, который изъ нихъ старшій; голуби были сизые.

Марья царевна приходитъ къ солдату и говоритъ ему: опять пришла загадка: 12-ть голубей и нужно узнать, который изъ нихъ старшій. Солдатъ отвѣчаетъ: насыпьте пшеницы и пустите голубей; всѣ голуби будутъ клевать, а одинъ меньше; онъ будетъ ходить да ворковать кругъ ихъ, такъ вы его и замѣтите; будетъ вѣрно. Замѣтили голубя, отправили обратно, вдругъ оттуда письмо, чтобы самъ Иванъ царевичъ пріѣзжалъ. Иванъ царевичъ собрался въ путь и отправился. — Приходитъ Марья царевна къ солдату и говоритъ: — У насъ отправился далеко братецъ Иванъ. Отвѣчаетъ ей солдатъ:

— Ежели меня не будетъ тамъ, такъ ему не воротиться домой.—Ахъ! какъ же такъ! побъжай туда, я тебя отсюда выпущу...

Вышелъ солдатъ изъ темницы. Дала ему Марья-царевна денегъ на дорогу; солдатъ купилъ себѣ приличное платье, пошелъ по кабакамъ и набралъ себѣ 12-ть пьянницъ. Пьяницы и говорятъ:—Что прикажите, дѣлать?—

—Что дѣлать? ничего, только вино пить.

—Ахъ, братъ, житье важное!

Отправились въ путь дорогу. Много ли, мало ли отошли они мѣста, только солдатъ увидалъ; дерутся на дорогѣ два чертенка, дѣлать послѣ дѣда-прадѣда шляпу-невидимку и не могутъ раздѣлить. Солдатъ подошелъ къ нимъ и говоритъ: полноте вамъ драться, давайте, я вамъ раздѣлю.—Раздѣли, братъ, пожалуйста! Солдатъ взялъ ружье, зарядилъ порохомъ.—Вотъ я хлопну, такъ бѣгите; который этихъ порошинокъ больше насбираетъ, того и шляпа.—Хлопнулъ изъ ружья, черги побѣжали. Надѣлъ онъ шляпу-невидимку, пошелъ къ пьяницамъ и хлопнулъ одного шляпой. Пьяницы начали драться. Солдатъ снялъ шляпу.—Ребята, что вы, тише! Пьяницы начали другъ на дружку жаловаться:

— Онъ мнѣ далъ оплеуху!—Другой: онъ мнѣ далъ оплеуху, вотъ и драться стали. Солдатъ угостилъ ихъ водкой.

— Пошли далѣ. Опять на дорогѣ дерутся два чертѣнка. Солдатъ подошелъ къ нимъ. — Объ чемъ, ребята, деретесь? — Дѣлимъ скатерку-самоварку, два года не можемъ раздѣлить. — Давайте, я раздѣлю. — Раздѣли, братъ, пожалуйста. Солдатъ зарядилъ ружье, хлопнулъ изъ него. — Ну, слушайте, бѣгите, собирайте эти порошки, который скоряе собираетъ, того и скатерть. Черти убѣжали, солдатъ взялъ скатерку и ушелъ къ своимъ товарищамъ. Раскинули скатерку. Всего стало довольно и водки и кушанья.

Опять пошли впередъ. Идутъ дорогой и опять солдатъ видитъ: дерутся два чертѣнка. Подходить къ нимъ. — Объ чемъ ребята деретесь? Вотъ дѣлимъ послѣ дѣда-прадѣда коверъ-самолетъ, три года не можемъ раздѣлить. Солдатъ зарядилъ ружье, хлопнулъ изъ него. — Бѣгите скоряе, собирайте эти порошки, который скоряй собираетъ, того и коверъ. Черти убѣжали, а солдатъ взялъ коверъ-самолетъ и отправился къ своимъ товарищамъ. Угостили ихъ, раскинулъ коверъ. Сѣли они, полетѣли подобно изъ лука стрѣлѣ пущенной, сразу представились въ то царство, гдѣ была Настасья прекрасная, и спустились въ садъ. — Еще Ивана царевича и слуху не было. Солдатъ и говоритъ своимъ товарищамъ: — Слушайте, ребята, будутъ

васъ спрашивать, такъ вы отвѣчайте, каждый про себя: я большой-набольшой. Вдругъ изъ дворца увидали, что прилетѣлъ женихъ на коврѣ по воздуху; сказали Настасьѣ прекрасной, та пошла встрѣчать и говорить своимъ придворнымъ: однако, хитерь женихъ!—Приходятъ туда и видятъ: все пьяны. Начали спрашивать: кто изъ васъ большой? Все въ одинъ голосъ отвѣчаютъ: я большой-набольшой! такъ и не могла ничего добиться. Настасья прекрасная, приказала принять ихъ во дворецъ: потомъ сама я узнаю, кто изъ нихъ старшой!

Пьяницы пришли во дворецъ, начали тамъ пировать, а Настасья прекрасная приказала постлатъ въ комнату одну перину. Пьяницы уснули кто гдѣ, а солдатъ легъ на перину. Вдругъ ночью приходитъ Настасья взяла и отстригнула у солдата уголь у жулетки, а сама ушла.

Солдатъ, проснувшись и замѣтивъ это дѣло, взялъ у всехъ отстригъ углы у жулетокъ? Утромъ приходитъ Настасья прекрасная и спрашиваетъ: кто, господа у васъ большой. Пьяницы все въ одинъ голосъ отвѣчаютъ: я большой, я большой! Приходитъ она къ солдату. — Вотъ онъ надъ вами большой! Тутъ пьяницы ее спросили: почему вы замѣчаете?—Я вечеръ вотъ уголь отстригла у жулетки. Пьяницы

посмотрѣли: также и у нихъ нѣтъ угловъ.— Нѣтъ, это неправда; вотъ и у насъ угловъ нѣтъ. Настасья прекрасная видитъ: толку нѣтъ, приказала ихъ прогнать въ шею.

Солдатъ съ пьяницами отправился въ городъ и нанялъ квартиру. Вдругъ пріѣхалъ Иванъ царевичъ. Началась пушечная пальба, но всему городу стало извѣстно, что пріѣхалъ настоящій женихъ. Настасья прекрасная собралась и пошла встрѣчать со всѣмъ своимъ прислугамъ. Встрѣтили Ивана царевича, принесли во дворецъ и начали водить его по комнатамъ. Привели его въ одну комнату, въ которой между оконъ была рѣшетка вродѣ кошій, а на каждомъ кошѣ челоуѣчья голова. Вотъ и говоритъ Настасья Ивану царевичу: Иванъ царевичъ! вы двѣ загадки отгадали, такъ я согласна идти за васъ замужъ, только съ тѣмъ, что сошьете вы мнѣ платье подъ вѣноцъ такое точно, какое и я сошью, чтобы матерія одна была, ширина одна и длина и къ завтрашнему утру чтобы было готово.

Иванъ царевичъ пошелъ по портнымъ, по портнихамъ, только его дуракомъ называютъ: почему мы знаемъ, какое она сошьеть!—Идетъ онъ городомъ со своимъ адъютантомъ; попадаетъ имъ на встрѣчу старуха.— Что бабушка, не знаешь ли какойнибудь портнихи или портнаго хороша-

го?— Нѣтъ, родимые, не знаю; сходите, вотъ недавно пріѣхали какіе то пьяницы, спросите у нихъ, они народъ дошлый, небось и знаютъ.— Иванъ царевичъ отпра- вился на квартиру къ пьяницамъ, прихо- дить туда, тамъ пѣсни, пляска, драка, что такое и сочиняется! И спрошалъ у нихъ: послушайте, господа! кто изъ васъ боль- шой! Всѣ отвѣчаютъ: я большой и я боль- шой? Царевичъ посмотрѣлъ и отправился обратно, вдругъ солдатъ выбѣгаетъ за нимъ.— Вамъ что угодно, Иванъ царевичъ?— Вотъ, что братъ, землякъ, не можете ли пожалуйте сошить платье: какое царевна шьетъ, такое и мнѣ нужно. Всѣхъ, обошелъ портныхъ, никто не беретъ.— Что жъ, я возьмусь и сдѣлаю, только подпишите треть царства. Царевичъ переговорилъ со своимъ адъютантомъ.— Ну хорошо съ нашей сто- роны будетъ готово, только пожалуйте изготовьте къ завтрашнему утру. Царевичъ отправился къ себѣ на квартиру, а сол- датъ надѣлъ шляпу невидимку и пошелъ во дворецъ. Пришелъ туда, гдѣ платье шилось, только что его кончили. Солдатъ сидитъ, вдругъ является Настасья. И при- казалла одной фрелинѣ надѣтъ. Та надѣла и прошла по полу.— Ну гдѣ ему дураку сошить такое платье! Фрелина сняла платье, поло- жила въ сундукъ, а Настасья прекрасная ушла. По уходу ея, солдатъ взялъ платье

себѣ подъ пазуху и оиять сѣлъ.—Черезъ нѣсколько времени хватились платья, а его нѣтъ; оиять взяли скроили по той же мѣркѣ и съ той же матеріи давай шить скорѣй; сразу кончили.—Солдатъ отпра- вился домой. Утромъ является царевичъ и спрашиваетъ: что, изготовили?—У меня готово, какъ у васъ?—У насъ тоже.—Ну, такъ пожалуйста документъ, Царевичъ по- далъ документъ, а солдатъ ему платье.— Стунай, неси, только не кажи ей, пускай она напередъ свое покажетъ.

Царевичъ пришелъ къ Настасьѣ пре- красной.

— Ну что же, изготовили?—У меня готово.

— Такъ покажите.—Нѣтъ, вы напе- редъ покажите, потомъ и я покажу.—Ца- ревна надѣла платье и проишла по полу.— Ну вотъ у насъ какое! Царевичъ вынулъ свое—точно такое же.—Ну, Иванъ царе- вичъ хитеръ, только кто у тебя хитрича- етъ? Еще сдѣлай мнѣ башмаки, такіе же, какіе и я сдѣлаю. Иванъ царевичъ отвѣ- чаетъ: ну хорошо, приготавлию.

Распростившись съ Настасьей прека- сной, отправился оиять съ адъютантомъ по сапожнымъ мастерамъ, но ни одинъ не беретъ.—Чортъ ее знаетъ, какіе она со- шьетъ! Адъютантъ говоритъ царевичу: пойдемъ-ка оиять къ шьеницамъ. Приходятъ

къ пьяницамъ, спрашиваютъ большого, — всѣ въ одинъ голосъ: я большой, я большой! Солдатъ выходитъ опять къ Ивану царевичу.

— Что вамъ, Иванъ царевичъ, нужно?— Да вотъ что: нужны башмаки, не можете-ли пожалуйста сдѣлать?— Отчего, могу, только треть царства отишите; приносите утре ¹⁾ документъ—и получите башмаки.

Царевичъ отправился на квартиру; солдатъ пошелъ во дворецъ. Приходить туда, тамъ башмаки совсѣмъ сдѣлали, поставили на шкапъ. Солдатъ взялъ ихъ и отправился. Тамъ послѣ него хватились башмаковъ—нѣтъ. Что же такое? Не чортъ-ли у насъ уносить? давай опять кроить и шить новые: сразу изготовили.

Царевичъ приходитъ утромъ, приносятъ солдату документъ на треть царства, отдаетъ, а солдатъ ему вручаетъ башмаки.

— Слушай, неси, только не кажи, напередъ пускай она свои покажетъ.

Приходить царевичъ во дворецъ.— Изготовили-ли?— У насъ готово. — Ну такъ покажите-ка!— Нѣтъ, вы свои напередъ

¹⁾ Завтра.

покажите. Царевна вынула изъ шкапа башмаки.—Ну вотъ у насъ какіе!—Иванъ царевичъ вывязалъ изъ платка и подалъ свои башмаки. Царевна посмотрѣла и сказала:—Ну, хитеръ Иванъ царевичъ, только не знаю, кто у тебя хитричасть. Ну, теперь когда сдѣлалъ башмаки, такъ сдѣлай то, что я сдѣлаю въ сегодняшнюю ночь.

Царевичъ пошелъ и задумался очень тяжело; и говоритъ своему адъютанту: ну теперь куда пойдешь?—Пойдемъ опять къ цыганцамъ, они не помогутъ-ли?

Приходятъ туда. Вышелъ къ нимъ солдатъ.

— Что вамъ требуется, Иванъ царевичъ?

— Да вотъ что: Настасья прекрасная приказала сдѣлать въ сегодняшнюю ночь то, что она сдѣлаетъ; не можете-ли какъ нибудь устроить?—Отчего не могу, только пожалуйста документъ на треть царства, приходите утре.

Царевичъ отправился на квартиру, а солдатъ во дворецъ. Только подходитъ ко дворцу и видитъ тройка коней; и выводятъ Настасью прекрасную завязанную платкомъ. Фрелины съ причетами сажаютъ ее въ карету, и солдатъ съ ней сѣлъ. Кучеръ повезъ неизвестно и куда, только подѣхали къ морю, гдѣ стояла шлюпка

Настасья прекрасная вышла, сѣла въ шлюпку, и солдатъ сѣлъ тоже, поѣхала на островъ, который недалеко былъ отъ берегу; пріѣхала на островъ, сѣла и давай причитать. — Ахъ, другъ мой, выйди, простися со мною въ послѣдній разъ. Вдругъ море заволновалось и вышелъ оттуда водяной царь, съ нею поздоровался, также прослезился. — Ну, прощай моя дорогая любовница, не видатся намъ будетъ никогда! Царь легъ къ ней на колѣни, она начала у него искать въ головѣ и выдернула золотой волосокъ. Солдатъ захватилъ за волосье, цѣлую горсть вырвалъ. Царевна посидѣла со своимъ любовникомъ, простилась, сѣла въ шлюпку и поѣхала. Солдатъ также сѣлъ съ нею. Вдругъ видятъ: плывутъ въ морѣ два селеня. Царевна поймала одного, а другого солдатъ схватилъ, вышли они на берегъ, сѣли въ карету и поѣхали домой.

Встрѣтили царевну фрелины. Входить она въ залу въ веселомъ видѣ и солдатъ вошелъ съ нею, опустила селеня и приказала убрать какъ можно лучше. Взяли селеня, начали униживать разными лоскуточками; солдатъ тоже сталъ украшать своего. Тѣ, убравши селеня, опустили на полъ; солдатъ посмотрѣлъ: у него хуже убранъ селенъ; взявши, своего опустилъ, ихняго взялъ, завязалъ въ платокъ и отправился домой.

Утромъ рано является царевичъ. — Ну что, братъ, сдѣлали?—Сдѣлалъ. На тебѣ селезня и горсть золотого волоса, а мнѣ пожалуйста документъ. Царевичъ отдалъ документъ и пошелъ во дворецъ. Встрѣтила его Настасья прекрасная. — Ну, Иванъ царевичъ, сдѣлалъ ты то, что я сдѣлала?— Я не знаю, покажите напередъ, что вы сдѣлали. Царевна приказала опустить селезня.—Ну, у васъ есть-ли такая штука?— Царевичъ развязалъ узелъ и опустилъ своего селезня, гораздо превосходнѣе ихняго. — Ну хитѣрь Иванъ царевичъ, не знаю только, кто у тебя хитричаетъ. Потомъ вынимаетъ изъ кармана золотой волосокъ.—Ну, у васъ есть-ли такая штука?— Иванъ-царевичъ вынялъ и подалъ цѣлую горсть волосья.—Ну, Иванъ-царевичъ это послѣдняя тебѣ моя загадка, такъ давай, собирайся какъ можно скорѣе, поѣдемъ въ твое царство вѣнчаться. Царевичъ сразу въ походъ изготовился и отправился. А солдатъ не торожится домой, знай кутить со своимъ товарищамъ, много прокутилъ времени послѣ нихъ, потомъ сказалъ:—Ну, друзья, и намъ пора отправляться.—Рассчитались за квартиру честно-благородно, вышли за городъ, сѣли на коверъ самолетъ и сразу представились въ свое царство, еще Ивана-Царевича и въ слухахъ нѣтъ. Тутъ солдатъ наградилъ всѣхъ пьницъ

денегамъ; тѣ отправились по штейнскимъ домамъ: еще не все тамъ были забраны пьиницы; увидался со своимъ другомъ. Тѣ и спрашиваютъ:—Что братъ, гдѣ пропалъ, тебя не видать было?—Не говори братъ, были въ такомъ мѣстѣ — чортъ знаетъ, гдѣ и были!

Солдатъ въ это время опять нарядился въ солдатское платье и сѣлъ въ темницу. Приходитъ Марья-царевна и спрашиваетъ: благополучно-ли съѣздилъ и про брата тоже.

Приѣзжаетъ Иванъ-Царевичъ. Встрѣтили его съ пушечною пальбою и такъ какъ къ свадьбѣ все было готово, то на другой день и обвѣнчались. Отъ царя вышелъ милостивый манифестъ, чтобы всехъ плѣнныхъ изъ заключенныхъ мѣстъ освободить, а про солдата совсемъ забыли.

Марья-царевна и говоритъ своему отцу:—Дрожащій родитель! Что же вы всехъ плѣнныхъ освободили, а есть одинъ солдатикъ заключенъ въ темницѣ, — что же ему милости нѣтъ?—Охъ дрожайшам дочь! Ладно, что напомнула, а то я совсемъ про него забылъ.

Сейчасъ приказъ вышелъ: освободить солдата. А Марья-царевна заранѣе сказала ему: когда выйдешь на волю, являйся бы на свадьбу.—Солдатъ по выходѣ одѣлся какъ можно лучше и отправился во дворецъ

на свадьбу. Принять онъ былъ въ лучшемъ видѣ, наипаче отъ Марьи-царевны. Отошло вѣнчанье, съѣхались гости, и пошелъ ниръ на весь міръ. Какъ распировались, солдатъ подходитъ къ царю и подаетъ ему три документа. Царь, прочитавши про себя, обратился ко всѣмъ посѣтителямъ своего дому и началъ читать вслухъ. Прочитавши всѣ документа, проводилъ свадьбу. Послѣ свадьбы призываетъ къ себѣ сына.

— Ну, сынокъ мой любезный, вы отправляйтесь въ то царство къ своей сунругѣ, здѣсь тебѣ не принадлежитъ ничего, потому что ты самъ подписалъ три трети царства.

Царевичъ отправился съ Настасьей прекрасной въ ея царство, а старый царь отдалъ Марью-царевну замужъ за солдата. Солдатъ сталъ жить да поживать, царствомъ управлять.

Н. А. Иваницкій. Матеріалы по этнографіи Вологод. губ.

К о л д у н ь .

Жилъ былъ мужикъ; у него было три сына женатыхъ. Жилъ онъ долго и на деревнѣ слылъ за колдуна. Сталъ умирать и приказываетъ невесткамъ, чтобъ караулили его три ночи поочередно, а самого чтобъ его поставили въ холод-

ной избѣ и чтобъ невѣстки прями ему волну на кафтанъ; а креста не велѣлъ надѣвать ни себѣ, ни невѣсткамъ.

Вотъ въ ту ночь сѣла старшая невѣстка съ сѣрой волной и стала прядеть. Приходитъ полночь. Свекоръ и говоритъ изъ гроба: «невѣстка, ты тутъ?» Она испугалась, говоритъ: тутъ.— «Сидишь?»— Сижу.— «Прядешь?»— Пряду. «Сѣрну?»— Сѣрну.— «На кафтанъ?»— На кафтанъ. Онъ и двинулся къ ней. Во второй разъ онъ опять говоритъ: «невѣстка, ты тутъ?»— Тутъ.— «Сидишь?»— Сижу.— «Прядешь?»— Пряду. «Сѣрну?»— Сѣрну. «На кафтанъ?»— На кафтанъ. Она зажалась въ уголь; а онъ подвинулся еще на сажень.— Въ третій разъ двинулся, она молитвы не сотворила, онъ ее и задушилъ; а самъ легъ въ гробъ. Бабу снесли, а сыновья, по родительскому приказу, послали на вторую ночь вторую бабу. Съ ней тоже самое было; и другую задушилъ.

Третья поумнѣй была; сказала, что сняла крестъ, а сама оставила его на себѣ. И сѣла, прядетъ, а сама молитву творить. Приходитъ полночь. Свекоръ и говоритъ изъ гроба: «невѣстка, ты тутъ?»— Она говоритъ: тутъ. «Сидишь?»— Сижу.— «Прядешь?»— Пряду. «Сѣрну?»— Сѣрну.— «На кафтанъ?»— На кафтанъ. И другой разъ также; въ третій разъ какъ онъ

хотѣлъ на нее броситься; она на него крестъ; онъ упалъ и умеръ. Посмотрѣла она въ гробъ; а тамъ все деньги лежатъ. Свекоръ хотѣлъ ихъ съ собою взять или чтобъ тому достались, кто его перехитритъ. Вотъ эта невѣстка и стала богата.

Записано мною лично со словъ крестьянина Яринскаго уѣзда.

Колдунъ и его ученикъ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ старичекъ со старушкой; у нихъ былъ сынъ молодыхъ лѣтъ и состояніе ихъ очень бѣдное. И не знаютъ, куда отдать сына учиться какому нибудь ремеслу, лишь бы съ хлѣба сбыть. И пошелъ отецъ со своимъ сыномъ въ городъ, пришли въ городъ, но не могутъ ничего прискаты. Сидитъ отецъ противъ одной харчевни, самъ про себя думаетъ: хоть бы нечистый духъ взялъ моего сына въ ученіе! Только уснѣлъ это подумать, и выходитъ изъ этой харчевни старикъ.—Отдай, братецъ, мнѣ своего сына въ ученье?—Что жъ ты возьмешь за ученье?—Сто рублей возьму.

—Къ чему же ты научишь моего сына?—Ко всякому ремеслу могу обучить.—

А гдѣ твоя фатера?—Моя фатера тамъ за заставой домъ большой.—На долго ли ты возьмешь моего сына?—На три года, я ранѣе взять не могу его.

Отецъ отдалъ своего сына и неизвѣстно кому. Проходитъ годъ, другой, такъ и третій, время приходитъ, надо идти за сыномъ. Приходитъ въ этотъ домъ.—Гдѣ, говоритъ, мой сынъ?—Теперь тебѣ еще не время получить сына, завтрашній день можешь увидѣть его. Приходитъ на другой день.—Ну вотъ, говоритъ, если узнаешь, что твой сынъ, то твой и будетъ, а если не узнаешь, то навѣки разстанешься съ нимъ. И, говоритъ, завтрашній день выпущу двѣнадцать голубей; изъ двѣнадцати голубей узнавай своего сына. Сказалъ это и скрылся неизвѣстно куда. Вышелъ отецъ старикъ на лугъ, а на лугу гуляетъ голубокъ. Этотъ голубокъ какъ увидалъ старика, хлеснулся о сырую землю и сдѣлался прекраснымъ добрымъ молодцемъ.—Ты, говоритъ, батюшка, за мной?—Да, любезный сынъ, за тобой.—Смотри же, говоритъ, любезный батюшка, мой хозяинъ оборотитъ насъ двѣнадцати голубямъ, и замѣчай: я правое крылышко выставлю, и говори, что это мой сынъ. И потомъ онъ насъ оборотитъ двѣнадцати лебедямъ, изъ лебедя въ лебедь и въ одно перо. Ты, смотри, гляди, я лишь вдоль-то ар-

тили и пролечу. И говори, что это мой сынъ. Онъ тебѣ скажетъ: ступай куда хошь съ нимъ. Потомъ онъ насъ оборотитъ двѣнадцати молодцамъ, изъ молодца въ молодецъ, изъ лица въ лицо и платье одинаковое. Смотри, замѣчай: и будто что нечаянно уроню бѣлый шелковый платочекъ и стану поднимать, и говори, что это мой сынъ. Онъ и скажетъ: ступай куда хошь съ нимъ.

Такъ оно все и случилось. И взялъ отецъ своего сына домой. Приходятъ домой.

—Ну, старуха, не знаю, чему моего сына обучили.—Ахъ, любезный батюшка и матушка, не тужите обо мнѣ! вотъ что я тебѣ скажу, любезный батюшка. Я хлопнусь о сырую землю и сдѣлаюсь карею лошадыю, ты меня продавай, а узды съ меня не продавай и проси за меня сто рублей.

Приходятъ въ городъ. Сынъ стукъ о сырую землю и сдѣлался прекрасной карей лошадыю. Старикъ приводитъ его на конную.—Сколько стоитъ твоя лошадь?—Сто рублей.—Получи деньги.—Я, говоритъ, коня продаю, а узды не продаю.—На что намъ твоя такая дрянная узда?—Старикъ получилъ деньги и отдалъ коня. Только успѣлъ немного миль (sic) отойти, а сынъ его и догоняетъ.—Ну вотъ, говоритъ, и я, любезный батюшка. Завтра я оборочусь

опять сивой лошадыю, проси за меня опять сто рублей.—Оборотился сивой лошадыю и повелъ его отецъ на конную, все равно какъ и раньше, сто рублей взялъ.—Вотъ что, говорить, любезный батюшка, оборочусь я въ послѣдній разъ воронымъ жеребцомъ и тогда ты за меня проси триста рублей, а узды никакъ не продавай; если ты меня съ уздой продашь, то тебѣ меня вѣки вѣковъ не видать. Оборотился воронымъ жеребцомъ и старикъ опять эту же самую плохую надѣлъ узду. Попадаются ему встрѣчу купцы. Однако сторговаться не могли и привелъ онъ коня на конную. И ни откуда возмись является старикъ.—Что, дѣдка, продаешь коня?—Продаю.—Сколько стоитъ?—Триста рублей.—На, возьми деньги.—Я, говорить, коня то продаю, а узды не продаю.—А развѣ, говорить, безъ узды лошадь продается?—Выхватилъ у него поводъ и сѣлъ на коня. И давай его конь носить по болотамъ и лѣсамъ. А старикъ этотъ и былъ тотъ самый колдунъ учитель. И едва онъ могъ приворотить къ своей сестрѣ колдуньѣ. Привязалъ старикъ коня къ березѣ. И пришедши въ избу къ своей сестрѣ.—До того я ѣздилъ, что присталъ, дай мнѣ снокою. Она его напоила, накормила и спать уложила.—Ахъ, говорить, что онъ дѣлалъ! привязалъ коня и не напоилъ

его! Она подошла, отвязала этого коня и привела на рѣку поить. Только конь никакъ не пьетъ, дальше въ воду заходитъ да мордой фыркаетъ. Она понемногу и стала поводъ отпущать и говоритъ сама себѣ: вотъ хорошіе кони нашей худой воды не пьютъ, а вода такая черная. Вдругъ конь вырвалъ поводъ у старухи изъ рукъ и вдоль рѣки и поплылъ.

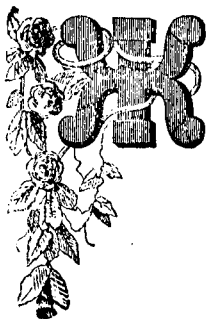
Узналъ колдунъ, что конь ушлымъ— за нимъ въ погоню. Оборотился опъ щукой, а конь ершомъ и—подъ камень. Какъ щука ни воровата, не могла ерша схватить. А этотъ ершикъ и ушлымъ въ турецкое государство и сталъ подъ плотъ. Черезъ нѣскольکو времени и идетъ горничная дѣвица за водою. Этотъ ершикъ оборотился золотымъ кольцомъ и—прямо въ ведро. Дѣвушка: ахъ, какое прелестное колячко, взяла его и надѣла на руку. Носитъ нѣскольکو времени, а царская дочь и говоритъ: гдѣ ты, горничная, нашла сіе кольцо?—Я нашла, говоритъ, сіе кольцо, когда ходила утромъ за водою, стала черпать воду и нашла его въ ведрѣ.—Ахъ, любезная, продай сіе кольцо!—Нѣтъ, ваше царское величество, кольца сего я не продамъ, а если вамъ угодно, извольте, я вашей милости такъ подарю его. И отдала эта дѣвица кольцо царской дочери. Живутъ такъ нѣскольکو времени, онъ днемъ коль-

цомъ, а ночью съ царскою дочерью добрымъ молодцомъ.

И вотъ узналъ какъ-то старикъ колдунъ, что ученикъ его находится въ турецкомъ государствѣ золотымъ кольцомъ у царской дочери на рукѣ. Приходитъ лично къ этому царю турецкому. — Отдайте, говорить, мнѣ сіе кольцо? — А царь отвѣчаетъ: я и знать не знаю, какое такое кольцо! — А у вашей дочери на рукѣ, говоритъ колдунъ. Призываетъ царь свою дочь. — Что это, говоритъ, любезная моя дочь, какое ты имѣешь чужое кольцо? отдай его сему старику. — Не отдамъ я сего кольца, скорѣе соглашусь лишиться жизни, чѣмъ съ симъ кольцомъ разстаться. Тогда колдунъ говоритъ: если вы мнѣ не отдадите кольца, то я все ваше царство сожгу, чтобы завтра было мнѣ отдано! — Вотъ наступила ночь. Хлопнулось кольцо объ полъ и оборотилось добрымъ молодцемъ. И говоритъ царской дочери: когда завтра придетъ старикъ, отдай ты ему окаянному меня, сними его съ руки и брось на полъ около самыхъ погъ. Тогда я рассыплюсь пшеницей и старайся пристунить нѣсколько зернетъ. А старикъ оборотится голубемъ и станетъ клевать эту пшеницу; когда всю приклюетъ, полетитъ и скажетъ: вѣки вѣковъ никогда не прилечу! Тогда ты отступи зернета и я опять у тебя буду кольцомъ на рукѣ.

Такъ все и случилось. И живутъ они опять по прежнему: онъ днемъ кольцомъ, а ночью съ ней добрымъ молодцомъ. Вотъ и говоритъ царская дочь своимъ родителямъ: любезные родители! я не могла себѣ найти болѣе достойнаго жениха какъ этотъ кавалеръ! Онъ днемъ кольцомъ, а ночью со мной добрымъ молодцомъ. Позвольте намъ съ нимъ принять законный бракъ.! А что, спрашиваетъ царь, можетъ онъ защитить мое царство?—Могу, говоритъ, ваше царское величество. — Какимъ же родомъ можешь ты сохранить мое царство?—Онъ хлеснулся объ полъ и еще прекраснѣе сдѣлался. И какъ бы невидимой силой сдѣлалъ показаніе, будто держитъ все царство на одной рукѣ и хранить оберегательство своей державы. Тогда царь сочеталъ ихъ законнымъ бракомъ, и стали царствовать и благодарить Бога. Вологодскаго уѣзда.

Ю л д у н ь я.

или-были двѣ сестры; одна бѣдная, другая богатая. Вотъ умираетъ богатая и говоритъ: „вотъ, говоритъ, сестра! я оставляю тебѣ домъ; какъ я умру, будешь ли сидѣть надо мной?“—Буду, говоритъ.—„Ну, говоритъ, смотри“ что я ни

буду дѣлать, ты все сиди.“—Вотъ умерла эта богатая сестра, а она была колдунья. Ей (бѣдной) надо сидѣть ночью. Вотъ сѣла она на первую ночь. Вдругъ въ 12 часовъ встаетъ она (колдунья) изъ гроба. „Сестра! ты сидишь?“—Сижу, говоритъ. —„Ну, сиди!“ — Потомъ опять говоритъ: „сестра, ты сидишь?“ — Сижу, говоритъ. —„Ну, сиди!“ Потомъ въ третій разъ говоритъ: „сестра, ты сидишь?“—Сижу, говоритъ. Пѣтухъ и зашѣлъ; она (колдунья) и пала ничкомъ.—Приходитъ бѣдная сестра къ батюшкѣ: «вотъ, говоритъ, какія дѣла дѣлаются.“—Ничего, говоритъ; вотъ я тебя благословлю и дамъ тебѣ пѣтуха; ночью и сядь на печку.

Вотъ сѣла она на вторую ночь. Въ 12 часовъ встаетъ эта колдунья изъ гроба. „Сестра, ты сидишь?“ Сижу, говоритъ. Вотъ колдунья пошла ее искать. „Сестра, ты сидишь?“—Сижу, говоритъ. Вотъ подходитъ она (колдунья) къ печкѣ. „Сестра, ты сидишь?“ Сижу, говоритъ. Какъ она (колдунья) за жердочку ухватила, чтобъ на печку взлѣсть, пѣтухъ увидалъ ее и зашѣлъ, она и упала.—Приходитъ бѣдная сестра къ батюшкѣ. „Нѣтъ, говоритъ, батюшка; страшно очень; я лучше отъ имѣнья откажусь.“—Ничего, говоритъ: ты поди сядь въ хлѣвъ, на жердь, гдѣ куры сидятъ.—Вотъ она пошла на третью ночь,

сѣла. Въ 12 часовъ встаетъ эта колдунья, идетъ туда, въ хлѣвъ. „Сестра, ты сидишь?“—Сизку, говоритъ. „Ну, сиди!“ А сама лѣзетъ, чтобъ ее ухватить. „Сестра, ты сидишь?“—Сизку, говоритъ. „Ну, сиди!“ А сама хотѣла ее схватить, да и поймала пѣтуха; онъ и запѣлъ. Она упала. (Когда пѣтухъ запѣлъ, тогда никто (нечистый) не смѣетъ). Сестра эта бѣдная и завладѣла всѣмъ имѣньемъ.

Лично мною записаны со словъ крестьянина в. Иваново.

Иванъ купецкой сынъ.

Или были два брата и имѣли они по двѣнадцати лавокъ и по трех-этажному каменному дому. У младшаго брата былъ мальчикъ годовъ пяти или шести. Младшій братъ померъ, а его молодая хозяйка вздумала ѣздить по театрамъ, познакомилась съ разными офицерами и пустилась въ распутное поведеніе. Такое время пришло, что весь товаръ измотала и лавки продала, осталась съ однимъ домомъ; и домъ продала и купила себѣ маленькую кимейку. Дошло до того, что ей своего сына нечѣмъ стало кормить. И приходитъ она къ своему брату.—Любезный братецъ! возьми моего сына, а твоего

племянника, — мнѣ его нечѣмъ стало кормить. Онъ и взялъ его. Живетъ мальчикъ у своего дяди, а мать его стала ходить тайно въ лавку и у своего сына выпросить то кусокъ сукна или ситцу, то матеріи какой дорогой; и все продасть и израсходуеть въ питейныхъ заведеніяхъ. Дядя это замѣтилъ и прогналъ своего племянника. Жилъ онъ у матери въ домѣ, а ей кормить его нечѣмъ. Опять приводитъ его къ своему брату. — Любезный братецъ! возьми моего сына, а твоего племянника, мнѣ никакъ кормить его нечѣмъ. Онъ по сожалѣнію взялъ и поставилъ обрывать лошадей и коровъ, а мать не стала его провѣдывать, потому что у сына ей взять нечего.

И вздумалъ этотъ дядя ѣхать на ярмарку и нагрузили двѣнадцать кораблей. И нужно плыть все озеромъ, а въ этомъ озерѣ никакъ нѣтъ пропуска: кто голову отдастъ, тотъ можетъ проѣхать. И племянника Иванушку съ собой взялъ. — Ну, господа корабельщики, прикащики, поѣзжайте прямо озеромъ, что Богъ дастъ! — До половины озера доѣхали, тутъ корабли и встали, — ни взадъ ни впередъ.

И говоритъ кунецъ: ну, корабельщики и прикащики, кидайте жеребей, кому изъ васъ бросаться въ озеро... — А намъ, говорятъ, какая надобность за твое богатство

бросаться? надо — бросайся самъ. — Ахъ, господа прикащики и корабельщики! мнѣ не жалко ни богатства, ни имущества, только жалко мнѣ своей жены молодой. Любезный племянникъ, Иванушка, я, говоритъ, тебя кину. — А кидай, дяденька, мнѣ одна смерти! Взялъ его дядя и кинулъ. Корабли пошли, а сей мальчикъ очутился въ водяномъ царствѣ въ прекраснѣйшемъ дворцѣ. И видитъ: лежитъ старикъ на кровати и покрыто его лицо бѣлымъ полотномъ. Подходитъ къ нему и говоритъ: здравствуй, дѣдушка любезный! — Здравствуй, сынокъ дорогой! Во всемъ я тебѣ довѣріе сдѣлаю, по вѣсѣмъ ты у меня садамъ ходи и по винограднымъ погребамъ, только ты у меня не ходи въ три комнаты, которыя я запрещаю тебѣ. Вотъ тебѣ отъ всѣхъ комнатъ ключи, а я полечу на Бѣлую Русь.

Старикъ улетѣлъ, а Иванъ остался одинъ. Пошелъ гулять по садамъ и по винограднымъ погребамъ, и напился въ одномъ погребѣ разныхъ винъ. И говоритъ: что такая за тайность, пойду, посмотрю первую комнату. Подходитъ къ мѣдной двери и отпираетъ мѣднымъ ключемъ. Отперъ двери и видитъ: сидитъ дѣвица. — Ахъ, Иванъ, купецкой сынъ! приголубь меня, приласкай меня, посиди у меня на колѣняхъ. Сѣлъ онъ къ ней на колѣни, а

она напустила на него сонъ и улетѣла сама неизвѣстно куда.

Черезъ нѣсколько времени возвращается старикъ и Иванъ ему въ ноги.— Что ты, говоритъ, любезный сынъ мой, Иванъ, кланяешься?—И виновать передъ тобой: изъ-за первой двери опустилъ у тебя первую дѣвицу.—Ну, говоритъ, прощаю на первый разъ вину твою.—И вотъ онятъ улетѣлъ старикъ.—А что, говоритъ молодецъ, смерть такъ смерть, пойду, посмотрю, — за второю дверь. Подходить къ серебряной двери и отпираетъ серебрянымъ ключемъ. И видитъ: еще лучше первой сидитъ дѣвица.—Ахъ, Иванъ, купецкой сынъ! приголубь меня, приласкай меня, посиди у меня на колѣняхъ! Сѣлъ онъ къ ней на колѣни, а она напустила на него сонъ и улетѣла неизвѣстно куда.

Вернулся старикъ, а Иванъ ему въ ноги.— Что, сынъ мой любезный, кланяешься?—Какъ же мнѣ не кланяться, какъ я виновать передъ тобой! опустилъ у тебя другую дѣвицу изъ серебряной двери...—Ну ужъ, говоритъ, едва ли я теперь тебя оставляю живого...—Пожалуйста прости, дѣдушка! виновать передъ тобой!—Ну смотри же, и вторую вину прощаю, только въ третью комнату никакъ не ходи.

И улетѣлъ онятъ старикъ.—Пойду,

говорить Иванъ, погуляю еще по разнымъ садамъ. Взошелъ въ одну бесѣдку и видитъ: виситъ патреть необыкновенной красоты. Пойду, говоритъ, взгляну въ ту комнату, — смерть, такъ смерть! Подходить къ золотой двери и отперъ ее. Видитъ: сидитъ дѣвица необыкновенной красоты. — Ахъ, говоритъ, Иванъ, купецкой сынъ, подойди, приголубь, приласкай меня, сядь ко мнѣ на колѣни. Я — Марья-Царевна. Сѣлъ онъ къ ней на колѣни, а она напустила на него сонъ и улетѣла сама неизвестно куда.

Прилетаетъ старикъ и опять Иванъ кланяется ему въ ноги. — Много бѣдъ ты надѣлалъ, я теперь тебя убью, говоритъ старикъ. — Сдѣлай милость, прости, любезный дѣдушка! — Ну, если хочешь живымъ быть, такъ ступай на берегъ озера, онѣ всѣ три теперь тамъ купаются. Двѣ одѣлись, летѣть хотятъ, а Марья царевна изъ воды выходитъ. Ты ее никакъ не трогай, а возьми у нея только золотокрылое платье.

Старикъ какъ велѣлъ, онъ такъ и сдѣлалъ. Взялъ золотокрылое платье и приносить прямо къ старику и Марья-царевна за нимъ идетъ. — Ну, говоритъ, любезный сынъ, всѣ я вины твои тебѣ прощаю. Вотъ и подруга тебѣ твоя милая, и гуляй ты съ ней вездѣ по всѣмъ садамъ

и винограднымъ погребамъ. А старикъ самъ опять улетѣлъ. Вотъ Марья-царевна и говоритъ: ты купецкой сынъ, а я царская дочь. Просись у старика, не обвиняетъ ли онъ насъ съ тобой...

Прилетѣлъ старикъ, а Иванъ ему въ ноги.— Что, сынъ мой любезный? чего, Иванушка, кланяешься?— Какъ же мнѣ не кланяться, дѣдушка,—мнѣ охота жениться.—А ты бы мнѣ давно сказалъ, я бы тебѣ любую невѣсту изъ любого государства принесъ, какая тебѣ нужна.— Ахъ, дѣдушка, мнѣ никакой кромѣ не нужно, какъ Марьи-царевны.—Ахъ, Ваня, Ваня! она не будетъ твоя, улетитъ отъ тебя, крѣпко хитра, обманетъ тебя.— А Иванъ все кланяется въ ноги.—Сдѣлай милость, обвинчай насъ!—Старикъ не могъ отступить, соединилъ ихъ законнымъ бракомъ. И стали они жить.

Марья-царевна ему и говоритъ: ты хоть и мой мужъ, а все-таки купецкой сынъ, а я царская дочь. Просись у старика на свой городъ къ своему дядѣ на бѣлый свѣтъ.

И сталъ Иванъ просить у старика опустить его.—Ахъ, Ваня, Ваня, она не будетъ твоя, улетитъ отъ тебя, крѣпко хитра; обманетъ тебя.—Сдѣлай милость, опусти!—Старикъ не могъ отговориться.— Ну, смотри же, говоритъ, что я тебѣ

скажу, такъ ты сдѣлай по моему. И взялъ старикъ Марью-царевну, козамъ увертѣлъ, ремнямъ увилъ и посадилъ на коверъ самолетъ и далъ орла-птицу. И сказалъ Ивану: не давай ты ей до тѣхъ поръ свѣту, пока не станетъ орелъ крыльямъ махать. И полетѣли. И летятъ они часъ или полтора, и какъ она ни молится и что не говоритъ, онъ все не даетъ свѣту.— Ну, любезный другъ, послѣднее мое стаеъ дыханіе, дай мнѣ хоть самый малый свѣтъ!.. Онъ возжалѣлся надъ ей и далъ ей самый малый прѣсвѣтъ. Какъ ей далъ прѣсвѣтъ, коверъ самолетъ на островъ упалъ на океанской и орла-птицы не стало, и Марья-Царевна улетѣла. И остался онъ одинъ.

Ходить онъ по этому острову и глядитъ, въ которую сторону она полетѣла. И нашелъ тутъ лодочку. Переплылъ море и закричалъ: батюшка, дѣдушка, помоги мнѣ! Прилетѣлъ къ нему старикъ.— Я вѣдь говорилъ тебѣ, что она не будетъ твоя, улетитъ отъ тебя. Она теперь крѣпко далеко за тридевятъ земель, въ тридесятѣ царствѣ, въ двѣнадцатѣ государствѣ у своего отца и у баушки.— Сдѣлай милость, дѣдушка, помоги мнѣ въ моей бѣдѣ!— Ну, садись же, говоритъ, на меня.— Сѣлъ на него Иванъ и перенесъ его старикъ всѣ моря и всѣ океаны и поднесъ его подъ самое подъ ея государство.

А Марья-царевна здумала въ успрятки играть и выбираетъ себѣ жениха. Кого она найдетъ, тому голова долой, а кого не найдетъ, то будетъ его невѣстой. И говоритъ старикъ: вотъ тебѣ бѣлый шелковый платочекъ; на этомъ платочкѣ завязаны три узелочка. Выйдешь ты въ чистое поле гулять, развяжи сперва этотъ, потомъ другой и третій узелокъ. Ну, ступай, теперъ больше не видать меня. Идетъ онъ во дворецъ и идутъ съ нимъ два молодца деревенскіе. Онъ и спрашиваетъ ихъ: куда вы, добрые молодцы, идете?—Съ царевной въ успрятки играть. А ты куда?—И я тоже. И пришли всѣ трое къ ей во дворецъ. Марья-царевна выходитъ и спрашиваетъ: что вамъ нужно, добрые молодцы?—Съ вамъ, ваше царское величество, въ успрятки поиграть. — Если я не отгадаю, то ваша буду супруга, а если отгадаю, то вамъ голову долой. Согласны-ли?—Согласны.— Ну, успрятывайтесь.

Вышли они на крыльцо и спрашиваютъ другъ дружку: ты куда пойдешь? Одинъ говоритъ: я въ сѣно зарочусь, а другой: я къ коровѣ подъ ясли лягу. А ты куда, добрый молодецъ?—А я въ чистое поле разгуляюсь. Вышелъ онъ въ поле, развязалъ первый узелокъ и летитъ орелъ-птица. — Садись на меня, Иванъ,

купецкой сынъ. Сѣлъ на него и этотъ орель-птица вылетѣлъ на самый надъ домъ, потомъ спустился и говорить: я не слуга тебѣ. Идетъ онъ во дворецъ и тѣ два молодца идутъ. Она и спрашиваетъ: гдѣ же вы были?—Извольте отгадывать. Сейчасъ посмотрѣла въ волшебное зеркало и говорить: одинъ лежалъ въ сѣнѣ зарывшись, другой у коровы подъ яслями, а ты молодой взлеталъ на птицѣ надъ моимъ дворцомъ.—Тѣмъ двумъ и голова долой, а Иванъ говорить: ну что же дѣлать? Смерть, такъ смерть. И вышелъ тутъ старикъ отецъ Марьи-Царевны. Дай, говорить, ему еще разъ усирятаться.—Ну, ступай.

Вышелъ онъ въ чистое поле, развязалъ другой узелокъ и бѣжить лѣвъ-звѣрь.— Садись на меня. И ушелъ съ нимъ подъ домъ.— И это отгадала Марья-царевна. Попросилъ за него отецъ старикъ, чтобы еще разъ ему усирятаться. Вышелъ онъ въ поле, развязалъ третій узелокъ и бѣжить щука. И ушла съ нимъ на дно морское и сѣла подъ камень. Выплыла и говорить: ну, мы теперь тебѣ не слуги. И это отгадала Марья-Царевна.— Ну, дочь моя любезная, говорить царь, дай ему четвертый разъ усирятаться. Вышелъ онъ на дворъ и спустился на бадѣ въ колодезь. И приходитъ горничная дѣвушка за

водою и увидала его. — Ахъ, Иванъ купецкой сынъ, я тебѣ помогу! Вытащила его изъ колодца, стукнула въ лобъ, онъ и сдѣлался маленькой рыбкой. Бросила рыбку на ноль и сталъ онъ опять добрымъ молодцемъ. — Ступай теперь. Приходить онъ во дворецъ. — Ну, отгадывай, говоритъ. Сколько Марья-Царевна ни смотрѣла въ зеркало и баушка въ волшебной книгѣ — не могли отгадать. Выходитъ старикъ отецъ и говоритъ: вотъ твоя нареченная невѣста. — Не супруга-ли? спросилъ Иванъ, купецкой сынъ. Тутъ Марья-царевна его узнала. И стали они жить да поживать да добро наживать. Кадниковскаго уѣзда.

Проклятая царевна.

Ѣло было въ святки. Какъ въ прежнее время, такъ и нонѣче, молодцы и дѣвушки собираются на посидѣнки. Отъ одного селенія версть съ полдесятка шли молодцы въ ночное время на посидѣнку. На половинѣ дороги попалась имъ баня, выстроенная для мытья льну. Одинъ и говоритъ: кто осмѣлится въ эту баню зайти и взять съ каменки камень, тому рубль серебра! И выискался одинъ изъ

этой артели. Вошелъ въ баню, взялъ съ каменки камень, вышелъ.— Вотъ, говоритъ, ребята, вы чего боитесь, и бросилъ этотъ камень въ сторону и неизвѣстно, куда онъ улетѣлъ. А товарищъ ему подалъ рубль.— Ну, говоритъ, господа, пойдѣте въ заведеніе, я васъ, говоритъ, попотчую на этотъ рубль. И издержали они рубль.

Время прошло, кончились посидѣнки, приходитъ этотъ человѣкъ домой. Только успѣлъ онъ разболочкись, поѣсти и лечь спать, какъ ему на ухо и шепчетъ кто-то: принеси мой камень! гдѣ его взялъ, тутъ и положи!— Онъ сперва думалъ, что это шутка, но дѣло дошло до того, что ни днемъ ни ночью не стало давать покоя. Дѣлать нечего, надо идти искать камень. Долго искалъ онъ его, однако нашелъ и какъ только хотѣлъ положить этотъ камень на каменку, схватываетъ его за руку неизвѣстно кто.— Ты, говоритъ, добрый молодецъ, долженъ быть моимъ мужемъ, а я твоей женою!— Какъ, говоритъ, такъ! я тебя не знаю.— А если ты меня не согласишься взять въ замужество, во вѣки не выйдешь изъ сей бани.— И сдѣлали условіе, въ какое время сыграть свадьбу. И пошелъ онъ изъ бани. Сказываетъ своимъ родителямъ: такъ и такъ, моя судьба въ банѣ, а если бы не дать обѣщанія, то долженъ лишиться жизни. Ро-

дителямъ прискорбно, да дѣлать нечего, надо ѣхать за невѣстой въ баню, а родственники ничего не предъявляютъ. Взяли съ собой священника съ крестомъ вперёдъ всѣхъ и входятъ въ эту баню. Сидитъ разряженная дѣвица одна себѣ и покрыто ея лицо. Священникъ взялъ ее за руку и повелъ изъ бани вонъ. И все не открывается, пока не подошли къ налою. Тутъ она скинула съ себя покрывало и—прекрасная красавица! Священникъ сталъ ее спрашивать: какая ты есть?—Я прокля́нная царская дочь: отецъ и мать меня проклинали; если они скажутъ, что я не ихняя дочь, я должна жисть кончить, а когда скажутъ: наша дочь, я буду жива и здорова и находиться въ ихнемъ царствѣ со своимъ супругомъ. — Живо сдѣлали донесеніе. Истинно, наша дочь, говорятъ. И прибыли отецъ и мать на свадьбу. И этотъ добрый молодецъ изъ бѣднаго сословія сдѣлался наслѣдникомъ всего царства и сталъ со своей супругой жить да богатѣть.

Мальчикъ съ пальчикъ.

Жили были старикъ да старуха, дѣтей у нихъ не было. Вотъ разъ старуха капустку рубила и отрубила себѣ пальчикъ, отрубила и бросила его за печку. Черезъ нѣсколько времени вдругъ и услышала: за печкой кто-то заговорилъ. Заглянула старуха и увидала тамъ мальчика съ пальчика.

Вышелъ мальчикъ изъ-за печки и спрашалъ: гдѣ, гдѣ¹⁾, батюшка? Старуха отвѣчаетъ: пашетъ.—Давай-ка, гдѣ, я снесу ему позавтракать да пособию попахать. Старуха наклала въ корзину блиновъ и подала мальчику. Понесъ онъ отцу блины. Идетъ бороздой, а его не видно, только сврхъ его корзину видать. Вдругъ доѣхала лошадь до мальчика, остановилась и стала у него изъ корзины блины ѣсть. Подошелъ старикъ, заглянулъ подъ корзину, а тамъ мальчикъ.

Подалъ мальчикъ отцу блины, а самъ улѣзъ въ ухо лошади и сталъ пахать, а отцу наказалъ: если кто будетъ меня покупать, ты продавай, а я къ вамъ возвращусь назадъ.

¹⁾ Говорить.

Вотъ немного пондравя¹⁾ ѣдетъ баринъ мимо. Увидалъ баринъ, что одна лошадь пашеть и подозвалъ мужика къ себѣ.— Какъ же, говоритъ, у тебя лошадь-то одна пашеть?—У меня, гть, вѣдь не одна пашеть, а тутъ есть мальчикъ.—А гдѣ же онъ?—Да вотъ, гть, въ ухѣ сидитъ, онъ и правитъ.—Продай мнѣ, гть, этого мальчика?—Купи.

Старикъ и продалъ мальчика за триста рублей. Баринъ посадилъ мальчика въ карманъ и поѣхалъ дальше. Ѣдетъ путемъ дорожкой, а мальчикъ прогрызъ въ карманѣ у барина дырку и выскочилъ.

Была ночь. Дѣваться мальчику некуда, онъ и легъ подъ кустикъ спать. Вдругъ и идутъ два вора къ попу быковъ воровать и разговариваютъ. Услыхалъ мальчикъ и сталъ прощаться къ ворами: поймите²⁾, гть, ребята, и меня съ собой!-- Они сперва не видѣли, гдѣ и есть, а потомъ и разморѣли—мальчикъ.—Куда, говорятъ тебя, этакую дрянъ, тамъ еще наварзаешь³⁾, такъ намъ не расчитаться съ тобой!-- Поймите, ребята, я пригожусь. Вотъ его и поняли, пришли къ попу, мальчикъ въ щолку пролѣзъ и отперъ имъ. Отперъ, а они некоторый нейдутъ—боятся, чтобы попу не услы-

1) Погодя.

2) Понять—взять съ собою.

3) Варзать—шалить, портить.

шалъ, стоять у воротъ да перепираются¹⁾). И надумали послать за быкомъ мальчика. Мальчикъ пошелъ съ большой веревкой. Оба быка стояли въ одномъ клѣвѣ одинъ черный, а другой бурый. Мальчикъ имъ и кричитъ: котораго быка вести-то? чернаго или бурога?—А тѣ и говорятъ: не кричи, не кричи! веди котораго нибудь!—Онъ накиннулъ на бурога быка веревку да къ нимъ конецъ и проволокъ, они и вытащили быка со двора, отвели за поле да и давай колоть. Закололи да и стали дѣлить между собой говядину. Раздѣлили говядину, а мальчику отдали шкуру. Мальчикъ завертѣлся въ шкуру да тутъ и уснулъ. Вдругъ бѣжитъ голодный волкъ, схватилъ шкуру да лино²⁾ съѣлъ.—Утромъ волкъ побѣжалъ за овцамъ, а мальчикъ у него въ брюшинѣ и кричитъ: эй, пастухъ, пастухъ! волкъ-оть у тебя овцу хватаетъ! Пастухъ услышалъ и прогналъ волка. Такъ и на другой день: волку гдѣбы разжиться говядинкой, мальчикъ закричитъ, лино слышаютъ. Волкъ видитъ, что дѣло не ладно и сталъ мальчика упранивать: вылѣзь изъ меня!—Нѣтъ, гть, не вылѣзу, а свези меня къ отцу на повѣтъ, такъ вылѣзу. Разказалъ мальчикъ гдѣ отецъ живетъ и поѣхали къ отцу. Бѣжитъ

¹⁾ Стоять въ нерѣшительности—не зная, идти или нѣтъ.

²⁾ Лишь.

волкъ прямо на сарай, а мальчикъ и закричалъ: батюшка да матушка! бѣгите да волка сѣраго бейте, на повѣть прибѣжалъ!

Выскочили старики, убили волка. Мальчикъ изъ волка и вышелъ.—Кожу выдѣлали да сошили мальчику изъ нея тулупъ, а мясо бросили. И тепере живутъ по прежнему — мальчикъ въ тулупѣ, а старикъ да старуха радуются.

Дурень — бабинъ сынъ.

одной бабы былъ сынъ дурачекъ и нанялся онъ въ работники къ одному мужику. Разъ онъ съ хозяиномъ поѣхалъ въ городъ горохъ продавать и на проселкѣ встрѣтили они такъ много воротъ, что дурачекъ наконецъ разсердился и выругался въ слухъ, чтобъ васъ было во сто разъ больше! Хозяинъ, услышавши такое пожеланіе, схватилъ кнутъ и пребольно отстегалъ дурачка по спинѣ. Дурачекъ заплакалъ и ушелъ къ своей матери жаловаться. Мать ему и говоритъ: а ты бы сказалъ лучше: чтобъ вамъ всѣмъ сквозь землю провалиться! Дурачекъ побѣжалъ къ воротамъ въ свою деревню и видитъ: вѣзжаетъ чрезъ ворота свадьба;

онъ остановился посередь дороги и какъ гаркнетъ: чтобъ вамъ всѣмъ сквозь землю провалиться! Поѣзжане соскочили съ лошадей и опять отстегали дурачка кнутами. И опять пошелъ дурачекъ къ матери жаловаться, а мать ему и говоритъ: «а ты бы захватилъ съ собою скрипку, да поигралъ бы, да попѣлъ, видя такое веселье!» Дуракъ принялъ къ сердцу наставленіе своей матери и, выходя изъ дому, захватилъ съ собою скрипку. И видитъ онъ, что съ краю деревни загорѣлся овинъ. Побѣжалъ онъ къ этому овину и началъ подлѣ него играть на скрипкѣ, припѣвая и приплясывая. Тутъ его опять больно избили и пошелъ онъ снова жаловаться матери.—«А ты бы, говоритъ ему мать, лучше взялъ лопату да и покидалъ бы снѣжку въ огонь, чтобы тотъ потухъ!» Дурень въ слѣдующій разъ пошелъ по деревнѣ съ лопатой. Видя, что подлѣ одного дома, на улицѣ, свинью опаливаютъ и вспомнилъ уроки своей матери, дурачекъ началъ загребать лопатою снѣгъ и кидать на костеръ, такъ что мигомъ потушилъ его. Но выбѣжавшіе хозяева за это такъ больно его избили, что послѣ этого случая онъ безъ матери никуда уже одинъ и не ходилъ.

Про трехъ сыновей.

Жили были три брата: два умныхъ, а третій дуракъ, а у нихъ былъ отецъ. Захотѣлъ большой братъ поискать счастья, выпрошалъ у отца сто рублей и пошелъ путемъ дорожкой. И попадаетъ ему настрѣчу старичекъ и спрашиваетъ у его: куда молодецъ пошелъ?—А пошелъ искать счастья.—Старикъ и говоритъ ему: пойдешь, у меня есть счастье. Есть у меня козелъ. Только скажи ему: топни всѣмъ ногамъ, сейчасъ и будетъ грудa денегъ. Молодецъ отдалъ старику сто рублей, взялъ козла и повелъ его. Дошелъ онъ до килы и пришлось ему тутъ ночевать. Постучалъ онъ и вышла старуха.—Кто тамъ?—А я, баушка, пусти переночевать. Старуха говоритъ: бѣги, мы радѣшеньки. Вотъ онъ привязалъ козла къ столбу, а самъ легъ на полати и называетъ старухѣ: ты, старуха, не говори козлу: топни всѣмъ ногамъ.

Когда молодецъ уснулъ, старуха и говоритъ старику: скажемъ козлу, чтобы топнулъ ногамъ?—Ну, говори, сказалъ старикъ. И сказала старуха, козелъ топнулъ и стала грудa денегъ. Старикъ и старуха испугались и начали деньги оби-

ратъ. Вотъ старикъ сходилъ къ сусѣду, купилъ козла и привязалъ его къ столбу, а того козла спряталъ.

По утру всталъ молодецъ, взялъ козла и пошелъ домой. Пришелъ домой и говоритъ отцу: собирай, батюшка, всѣхъ гостей и сусѣдей. Отецъ собралъ, посадилъ всѣхъ за столъ, а молодецъ поставилъ козла на постилу и говоритъ: козелъ, тощи всѣмъ ногамъ! А козелъ и не топаетъ. Онъ по другой разъ говоритъ и по третій, все козелъ стоитъ. Вотъ онъ его и давай пинать, а отецъ глядѣлъ, глядѣлъ, да какъ зачалъ сына за волосье навзгать и потомъ прогналъ его въ пастухи.

Черезъ нѣсколько времени второй сынъ говоритъ отцу: батюшка! дай и мнѣ сто рублей денегъ, и я пойду искать счастья.

Вотъ онъ пошелъ и встрѣчается ему старикъ. — Куда молодецъ пошелъ? — А вотъ пошелъ искать счастья. — Купи у меня скатерку развернушку? Только скажешь: скатерка, дай попить и поѣсть, все она и дастъ. Купилъ онъ скатерку и пошелъ домой. Подошелъ къ той самой килейкѣ и выпросился ночевать. Поужиналъ, легъ спать и сказалъ хозяину: не говори, скатерка, дай попить и поѣсть, а самъ уснулъ. Старуха ночью и говоритъ: старикъ! давай, скажемъ! — Ну, давай, го-

вори!—Вотъ старуха и сказала: скатерка! дай пошить и поѣсть! сейчасъ на столѣ и очутились всякіе пироги и вино. Вотъ они поѣли, завернули скатерку и убрали, а на мѣсто этыя положили свою.

Вотъ по утру молодецъ всталъ, взялъ скатерку и пошелъ домой. Приходитъ и велитъ отцу собрать всеѣхъ родныхъ и сусѣдей. Собрали, посадили за столъ, молодецъ и говоритъ: скатерка, дай пошить и поѣсть! А она и не шевелится. Вотъ онъ другой разъ и третій, а она все молчитъ. Отецъ и этого сына отправилъ въ пастухи.

Того же часу и говоритъ младшій сынъ дуракъ: давай и мнѣ сто рублей, и я пойду искать счастья.—Куда ты, дуракъ, пойдешь? А тотъ и заплакалъ. Отецъ подалъ ему сто рублей. Дуракъ обрадовался, взялъ деньги и пошелъ.

Дорогой настигъ старичка и разговорились они. Старикъ и говоритъ: у меня есть плетка, ты только ей скажи: плетка щелкни! Взялъ дуракъ плетку и пошелъ.

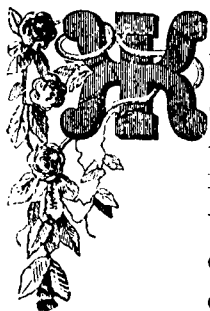
Дошелъ до килы, гдѣ жили старикъ со старухой и выпросился ночевать. И наказываетъ старику, чтобы тотъ не говорилъ: плетка щелкни! Самъ уснулъ, а старуха и говоритъ: старикъ, давай, скажемъ!—Полно, дура, молчи!—Нѣтъ, скажемъ!—Ну, говори!—Вотъ старуха и ска-

зала: шетка, щелкни! Шетка и давай ихъ со старикомъ щелкать. Старикъ на улицу, и она на улицу. Разбудилъ молодца и просить остановить шетку. А молодецъ и говоритъ: ладно, только отдаси козла? Старикъ забожился, что отдамъ.—А скатерку отдаси?—И скатерку отдамъ, только уйми. Молодецъ сказалъ: шетка, въ сумку! она сейчасъ и отстала.

Приходитъ дуракъ домой и велить отцу собрать гостей и сусѣдей. Отецъ собралъ и посадилъ всѣхъ за столъ. Дуракъ поставилъ козла на постилу и сказалъ: топни всѣмъ ногамъ! Козель топнулъ и очутилась груда денегъ. Положилъ скатерку и сказалъ: скатерка, дай поить и поѣсть! и сейчасъ явились на столѣ разные пироги и вино.

Отецъ и говоритъ: ну, Ванька, я въ тебѣ этого не думалъ! Гости, довольны-ли?—Такъ ужъ довольны!—Такъ вотъ еще хочу показать одну штуку! Всѣ говорятъ: покажи! Онъ и сказалъ: ну-ка, шетка, щелкни! Вотъ она и давай всѣхъ щелкать. Всѣ выскочили на улицу, и она на улицу и не даетъ имъ покою. Онъ сказалъ: отстань! она сейчасъ и отстала.

Иванушко-дурачокъ.

Иль-быль старикъ со старухою; у нихъ было три сына: двое - умные, третій - Иванушко-дурачокъ. Умные-то овецъ въ полѣ пасли, а дуракъ ничего не дѣлалъ все на печкѣ сидѣлъ да мухъ ловилъ. Въ одно время наварила старуха аржаныхъ клѣцокъ, и говоритъ дураку: «на-ка, снеси эти клѣцки братьямъ; пусть поѣдятъ.» Налила полной горшокъ и дала ему въ руки; побрѣлъ онъ къ братьямъ. День былъ солнечной; только вышелъ Иванушко за околицу, увидалъ свою тѣнь съ боку, и думаетъ: «что это за человѣкъ? со мной рядомъ идетъ; ни на шагъ не отстаютъ; вѣрно клѣцокъ захотѣлъ!» И началъ онъ бросать на свою тѣнь клѣцки, такъ всѣ до единой и повыкидалъ; смотри, а тѣнь всё съ боку идетъ: «эка ненасытная утроба!» сказалъ дурачокъ съ сердцемъ, и пустилъ въ нее горшкомъ—разлетѣлись черенки въ разныя стороны. Вотъ приходитъ съ пустыми руками къ братьямъ; тѣ его спрашиваютъ: «ты, дуракъ, зачѣмъ?» — Вамъ обѣдъ принёсъ. «Гдѣ-же обѣдъ? давай живѣе.» — Да вишь, братцы, привязался ко мнѣ дорѣгою незнамо-какой человѣкъ, да и всѣ поѣлъ! «Какой-такой

человѣкъ?» — Вотъ онъ! и теперь рядомъ стоитъ! Братья ну его ругать, бить, колотить; отколотили и заставили овецъ пасти, а сами ушли на деревню обѣдать. Принялся дурачокъ пасти: видитъ, что овцы разбрелись по полю, давай ихъ ловить да глаза выдирать; всѣхъ переловилъ, всѣмъ глаза выдолбилъ, собралъ стадо въ одну кучу, и сидитъ себѣ радѣхонекъ, словно дѣло сдѣлалъ. Братья пообѣдали, воротились въ поле: «что ты, дуракъ, натворилъ? отчего стадо слѣзное?» — Да почто имъ глаза-то? Какъ ушли вы, братцы, овцы-то врозь разсыпались; я и придумалъ: сталъ ихъ ловить, въ кучу собирать, глаза выдирать; вѣдъ какъ умаялся! «Постой, еще не такъ умаешься!» говорятъ братья, и давай угощать его кулаками; порядкомъ таки досталось дураку на орѣхи.

Ни много, ни мало прошло времени; послали старики Иванушка дурачка въ городъ къ празднику по хозяйству закупать. Всего закупилъ Иванушкѣ: и столъ купилъ, и ложекъ, и чашекъ, и соли; цѣлой возъ навалилъ всякой всячины. Ѣдетъ домой, а лошаденка была такая, знать, неудѣлая, везетъ — не везетъ! «А что, думаетъ себѣ Иванушко, вѣдь у лошади четыре ноги, и у стола тожъ четыре; такъ столъ-отъ и самъ добѣжить!» Взялъ столъ и выставилъ на дорогу. Ѣдетъ-Ѣдетъ,

близко ли, далеко ли, а вордны такъ и вьются надъ нимъ да все каркають. «Знать сестрицамъ поѣсть покушать охота, что такъ раскричались!» подумалъ дурачокъ; выставилъ блюдо съ ѣствами нѣземъ и началъ подчивать: «сестрицы-голубушки! кушайте на здоровье.» А самъ все впередъ да впередъ подвигается. Ёдетъ Иванушко перелѣскомъ; по дорогѣ все пни обгорѣлые. «Эхъ, думаетъ, ребята-то безъ шапокъ; вѣдь озябнуть сердечные!» Взялъ - ионадѣвалъ на нихъ горшки да корчаги. Вотъ доѣхалъ Иванушко до рѣки, давай лошадь поить, а она не пьетъ. «Знать бѣзъ соли не хочетъ!» и ну солить воду. Высыпалъ полонъ мѣшокъ соли, лошадь все не пьетъ. «Что-жъ ты не пьешь, волчье мясо! развѣ за даромъ я мѣшокъ соли высыпалъ?» Хватилъ ее полѣномъ, да прямо въ голову, и убилъ на повалъ. Остался у Иванушки одинъ кошель съ ложками, да и тотъ на себѣ понёсъ. Идетъ; ложки назади такъ и брякають: брякъ, брякъ, брякъ! а онъ думаетъ, что ложки-то говорятъ: «Иванушко дуракъ!» бросилъ ихъ, и ну топтать да приговаривать: «вотъ вамъ Иванушко дуракъ! вотъ вамъ Иванушко дуракъ! Еще вздумали дразнить негодныя!» Воротился домой и говоритъ братьямъ: «все некушилъ, братики!» — Спасибо, дуракъ, да гдѣ-жъ у тебя закушки-то? «А столъ-отъ бѣжить,

да знать отсталъ, изъ блюдъ сестрицы кушаютъ, горшки да корчаги ребятамъ въ лѣсу на головы понадѣвалъ, солью-то поиво лошади посолилъ, а ложки дразнятся—такъ я ихъ на дорогѣ покинулъ.»—Ступай, дуракъ, поскорѣе! собери все, что разбросалъ по дорогѣ. Иванушко пошелъ въ лѣсъ, снялъ съ обгорѣлыхъ иней корчаги, повышибалъ днища и надѣлъ на батоги корчаги съ дюжину—всякихъ: и большихъ, и малыхъ. Несетъ домой. Отколотили его братья; поѣхали сами въ городъ за покупками, а дурака оставили домовничать. Слушаетъ дуракъ, а пиво въ кадкѣ такъ и бродитъ, такъ и бродитъ. «Пиво, не броди! дурака не дразни!» говоритъ Иванушко. Иѣтъ, пиво не слушаетъ, взялъ да и выпустилъ все изъ кадки, самъ сѣлъ въ корыто, по избѣ разъѣзжаетъ да пѣсенки расиѣваетъ.

Приѣхали братья, крѣпко осерчали, взяли Иванушка—зашили въ куль и потащили къ рѣкѣ. Положили куль на берегу, а сами пошли пролубъ осматривать. На ту пору ѣхалъ какой-то баринъ мимо на тройкѣ бурыхъ; Иванушко и ну кричатъ: «садятъ меня на воеводство судить да рядить, а я ни судить, ни рядить не умѣю!»—Постой, дуракъ! сказалъ баринъ; я умѣю и судить, и рядить; вылѣзай изъ куля! Иванушко вылѣзъ изъ куля, зашилъ туда

барина, а самъ сѣлъ въ его повозку и уѣхалъ изъ виду. Пришли братья, спустились куль подъ ледъ, и слушаютъ, а въ водѣ такъ и буркаетъ. «Знать бурка лодитъ!» проговорили братья и побрели домой. На встрѣчу имъ, откуда ни возьмись, ѣдетъ на тройкѣ Иванушко, ѣдетъ да прихвастываетъ: «вотъ-ста какихъ поймалъ я лошадушекъ! а еще остался тамъ сивко — такой славной!» Завидно стало братьямъ; говорятъ дураку: «зашивай теперь насъ въ куль да спускай поскорѣй въ пролубь! Не уйдетъ отъ насъ сивко...» Опустилъ ихъ Иванушко-дурачокъ въ пролубь и погналъ домой пиво допивать да братьевъ поминать. Былъ у Иванушка колодець, въ колодець рыба елець, а моею сказкѣ конецъ.

Вологодской губернии изъ сборника Афонасьева стр. 83.

Про волдянку беляночку.

Жилъ былъ старикъ да старуха, а дѣтей у нихъ не было. Пошли старикъ да старуха въ лѣсъ по грибы и нашли тамъ волдянку белянку, принесли домой, положили въ горшечекъ и закрыли волошникомъ. Черезъ часъ вдругъ въ горшечкѣ подъ волохомъ заговорило: дѣдуш-

ка да бабушка, откройте! Отокрыли, а тамъ—дѣвушка Аннушка.

Вототка живетъ Аннушка и растеть не по годамъ, а по часамъ, въ сутки, въ двои ужъ большая выросла. Пошли дѣвки въ лѣсъ по грибы и стали упрашивать, чтобы отпустили съ ними и Аннушку. А дѣдушка да баушка говорятъ: куды! какъ да заблудитесь! — Нѣтъ, не заблудимсе, опустите. И опустили Аннушку.—Шли они да и заблудились эти дѣвицы и пришли къ еги-бабиной избушкѣ. Еги-баба и закричала: фу, фу, фу! русскій духъ! слыхомъ не слыхано, видомъ не видано самъ на домъ пришелъ, съѣмъ, гть, то-перъ!—А дѣвки и говорятъ: ой ты баушенькя! ты бы накормила да напоила, втожно-бы и ѣла!—Еги-баба затопила печь, заварила завару и давай дѣвокъ кормить. Иныя дѣвки ѣдятъ, да въ пазушку кладуть, а Анна все ѣла сыроста дѣ чиста. Отѣли, еги-баба и говоритъ: подайте мою завару! Всѣ подали завару, а Аннушкѣ и нечего отдать. Еги-баба отпустила дѣвокъ домой, а Анну оставила у себя. Пришли дѣвицы домой и сказали, что еги-баба не отпускаетъ Аннушку. Затужили старикъ да старуха, да дѣлать нечего, не воротишь.

А еги-баба подала Аннушкѣ лошадье коныто, да и говоритъ: ищи въ головѣ да приговаривай. Та и стала искать въ головѣ

да приговаривать: спи глазокъ, спи другой, спи ушко, спи другое, спи ручка, спи другая, спи ножка, спи другая! Еги-баба и уснула, а дѣвица вышла на крыльцо, да и плачетъ.

Вдругъ бѣжитъ стадо кдней.—О чемъ красная дѣвица плачешь? Да вотъ еги-баба домой не опускаетъ.—Садись на меня да держись за уши, такъ я тебя домой доведу.

Дѣвица только сѣла, а еги-баба и завозилась. Видитъ, что дѣло не ладно, сѣла въ ступу и погналась за Аннушкой. Только бы схватить, а лошадь и сунулась къ старику на повить. А старикъ былъ тутъ и съ ружьемъ; собрался идти въ лѣсъ искать Аннушку. Увидалъ онъ сперва коня съ дѣвицей, потомъ еги-бабу въ ступѣ съ помеломъ и выстрѣлилъ въ нее изъ ружья. Тутъ еги-баба и ноги протянула. Закопали ее на задворье и палку на могилѣ поставили, а коня повели въ анбаръ къ овсу къ цѣльному сусѣку. Аннушка и старики и топере живутъ по прежнему, всего наживають да Анну наряжаютъ, да взамужъ обѣщаютъ.

Котокъ золотой лобокъ.

Взялъ старикъ со старухой близъ лѣсу въ худой избенкѣ. Разъ старуха и посылаетъ старика въ лѣсъ: ступай, говоритъ, старикъ, наруби дровъ, я хоть печку истоплю да кашу наварю. Взялъ старикъ топоръ и пошелъ въ лѣсъ дрова рубить. Подходить къ цню, только ударилъ по нему топоромъ, какъ выскочилъ котокъ золотой лобокъ и крикнулъ: меня кота будишь, мнѣ спать не даешь! что тебѣ, старикъ, надо?—Старикъ не зналъ что сказать, думалъ, думалъ, наконецъ и придумалъ: избенку надо-бы, избенка у насъ плоха стала...—Ступай домой, говоритъ котокъ, будетъ у васъ новая изба...

Приходитъ старикъ домой и видитъ: стоитъ большая новая изба. Вышла къ нему на встрѣчу старуха и говоритъ: домъ-то у насъ богатый, да дровецъ нѣтъ, поди, наруби дровъ. Пошелъ опять старикъ въ лѣсъ, стукнулъ топоромъ въ пень, выскочилъ котокъ и говоритъ: меня кота будишь, мнѣ спать не даешь! чего тебѣ, старикъ, надо?—Старуха дровецъ проситъ, сказалъ старикъ.—Хорошо, иди домой, будутъ у васъ дровца. Приходитъ старикъ домой и видитъ: около его дома цѣлые костры

дровъ навалены. А старуха вышла изъ дому и говоритъ: всего-то у насъ много, только хлѣба нѣтъ, поѣсть нечего.

Взялъ опять-старикъ топоръ и пошелъ въ лѣсъ. Стукнулъ топоромъ о пень... и т. д. чего тебѣ надо?—Муки старуха просить, ѣсть, говорить, нечего.—Хорошо, ступай домой, будетъ у васъ мука.—Приходитъ старикъ домой и видитъ: хлѣба полные амбары навалены. Вышла старуха и говоритъ старику: всего-то у насъ много, только сидѣть не на чемъ. Взялъ старикъ... и т. д. чего тебѣ надо?—Мебели просить старуха, сидѣть, говорить, не на чемъ.—Ступай съ Богомъ домой, будетъ у васъ и мебель.—Приходитъ старикъ домой и видитъ: мебелью весь домъ устроенъ. Старуха опять и говоритъ: всего-то у насъ много, только одѣжки нѣтъ, надѣть нечего.

(Котъ даетъ старику и старухѣ одежду. Тогда старуха заявляетъ желаніе сдѣлаться царицей, а чтобы старикъ былъ царемъ. И это исполняется. Наконецъ, старуха посылаетъ мужа къ коту, чтобы тотъ сдѣлалъ ее Богородицей. На это котъ ничего не отвѣтилъ и ушелъ въ пещь. Старикъ вернулся домой и вмѣсто дворца нашелъ прежнюю ветхую избушку и жену свою въ прежнемъ видѣ).

Записано мною лично въ Кадниковскомъ уѣздѣ Вологодской губерніи.

Ивановъ цвѣтъ.

жилъ въ одномъ городѣ богатый трактирщикъ, у котораго было много служащихъ, или какъ ихъ зовутъ—половыхъ. Однажды половые разговорились между собою о томъ, какъ можно сдѣлаться богатымъ и знатнымъ. Одинъ и говоритъ: я знаю средство сдѣлаться богатымъ.—Что же ты не испытаетъ его, коли знаешь? спрашиваютъ другіе.—Боюсь, опасно.—По крайней мѣрѣ разскажи намъ, въ чемъ это средство заключается.—Нужно, говоритъ, достать Ивановъ цвѣтъ, т. е. цвѣтокъ папоротника, который разцвѣтаетъ только въ ночь на Ивановъ день. Кто этотъ цвѣтокъ добудетъ, отъ того никакой кладъ не укроется и онъ можетъ все сдѣлать, что захочетъ. — Ладно, попробуемъ! сказалъ одинъ изъ половыхъ по имени Сидорка.

И вотъ, когда настала канунъ Иванова дня, поздно вечеромъ, Сидорка отправился въ лѣсъ къ знакомому кусту папоротника. Въ полночь онъ увидѣлъ, что на папоротникѣ разцвѣлъ цвѣтокъ. Сидорка сорвалъ его и побѣжалъ домой. И вдругъ онъ видитъ большой огненный шаръ катится ему прямо подъ ноги. Сидорка понялъ, что это дьявольское навожденіе и

закричалъ: чуръ меня! Шаръ тотчасъ же пропалъ. Пошелъ онъ дальше. Долго шелъ, наконецъ, увидалъ вдали огонекъ. Пошелъ на огонекъ и подошелъ къ избушкѣ. Заглянулъ въ нее и видитъ на печи лежитъ старый-престарый старикъ. И говоритъ ему старикъ: тебѣ одному не справиться съ Ивановымъ цвѣткомъ, я тебѣ помогу въ этомъ. Слѣзъ старикъ съ печки, взялъ ножикъ и разрѣзалъ у Сидорки на ладони кожу, всунулъ подъ нее цвѣтокъ и въ ту же минуту заростилъ рану. Потомъ взялъ со стѣны сумочку, подалъ ему и сказалъ: городъ, въ которомъ ты живешь, окруженъ врагами и тебѣ, чтобы освободить его, стоитъ только сказать: ранецъ, ранецъ, задай врагамъ танецъ! Когда же захочешь, чтобы все прекратилось, то скажи: ребята въ сумку!

Только, что это вымолвилъ старикъ, какъ Сидорка очутился у города. Городъ дѣйствительно былъ окруженъ непріателемъ. Увидавши враговъ, Сидорка закричалъ: ранецъ, ранецъ, задай врагамъ танецъ! И вылѣзло изъ ранца войска видимо-невидимо, напало оно на враговъ и прогнало ихъ отъ города. Послѣ этого Сидорка былъ встрѣченъ царемъ съ большимъ почетомъ, произведенъ въ фельд-маршалы и находился при царѣ до самой его смерти. Вѣльскаго уѣзда Вологодской губерніи.

Степанъ Богатый.

Жилъ былъ Степанъ Богатый; не имѣлъ ни двора, ни кола, ни куриного пера. Только и зналъ, что шатался въ лѣсъ за грибами. Наварить, поѣсть и опять пойдетъ въ лѣсъ. Вотъ его лисичка признала и говоритъ: «что ты, Степанъ Богатый, не женишься?» — Да на комъ мнѣ, Лиса Васильевна, жениться? За меня никто не пойдетъ. — «Да женись; я тебѣ царскую дочь высватаю.» — За меня и крестьянская не пойдетъ. А хочешь, такъ посватай! — Черезъ долгое время нашла Лиса Васильевна кощѣчку и побѣжала къ царю. «Ваше величество, пожалуйста мѣрки!» На что тебѣ? — Степану Богатому мѣдь мѣрять. Царь далъ мѣрку. Мѣрка была съ щербинкой. Лиса Васильевна положила въ щербинку кощѣчку, приноситъ царю мѣрку обратно. Царь посмотрѣлъ, увидѣлъ въ щербинкѣ кощѣчку: «и въ правду онъ мѣдь мѣрять».

Прошло много времени; нашла Лиса Васильевна серебряный; прибѣгаетъ къ царю. «Ваше величество! пожалуйста мѣрки!» На что тебѣ? — Степану Богатому серебро мѣрять.» Царь далъ. Въ мѣркѣ была щербинка; она опять въ щербинку

положила питачекъ; отнесла царю. «И въ правду онъ серебро мѣрялъ.» — Черезъ долгое время нашла Лиса Васильевна золотой, прибѣгаетъ къ царю. «Ваше величество, пожалуйте мѣрки!» На что тебѣ? «Степану Богатому золото мѣрять!» Взяла мѣрку, положила въ щербинку золотой.

Приходитъ къ царю, приносить мѣрку, благодарить. Царь беретъ мѣрку въ руки, стукнулъ, вылетаетъ золотой... «Сколь вашъ Степанъ Богатый богатъ?» Скоро съ вами поровняется! Приказалъ Степанъ Богатый доложить: не отдадите-ли вы свою дочку за него? Царь согласился. Лиса Васильевна назначила въ какой день свадьба. Тамъ собираются, а она Степану Богатому сказала, чтобъ онъ послѣднюю лошаденку утопилъ въ болотѣ, выпачкался бы и пришелъ на свадьбу. А сама пошла къ царю.

Приходитъ день свадьбы. Лиса Васильевна всѣ мѣста избѣгала. «Ахъ, какъ онъ долго не ѣдетъ! Какъ онъ долго не ѣдетъ!» И сама побѣжала ему на встрѣчу. Онъ идетъ весь въ грязи, шутъ шутомъ. Сама бѣжить къ царю и говоритъ: «ваше величество! несчастье случилось.» — Какое? — «Степана Богатаго всѣ десять каретъ, всѣ лошади потонули въ болотѣ; а Степана Богатаго какъ-то Богъ спасъ. Дайте ему во что одѣться! Вотъ его умыли, одѣли

и привели посадили. Ему царь далъ самое лучшее платье. Онъ все и глядитъ самъ на себя. Царь и *отвѣчаетъ* (говорить): «ахъ, что это, Лисанька, онъ самъ на себя глядитъ?» Онъ, говоритъ, такого дряннаго платья никогда не нащивалъ! «Ну, говоритъ, у меня нѣтъ лучше.» Такъ и повѣнчали ихъ въ этотъ день. Ну, вотъ они гуляютъ. Царь и говоритъ: «ну, говоритъ, зятюшка, нынче у меня и завтра у меня, когда же у тебя?» Степанъ Богатый молчитъ. Вотъ царь опять говоритъ: «ну, любезный зятюшка, нынче у меня и завтра у меня; когда же у тебя?» Степанъ Богатый все молчитъ.

Вотъ Степанъ Богатый и говоритъ своей Лисѣ Васильевнѣ: какъ мнѣ быть?— «Ну, говоритъ, какъ скажетъ онъ тебѣ еще разъ, ты его и попроси: «милости просимъ, батюшка, ко мнѣ!» Вотъ черезъ нѣсколько времени царь опять говоритъ Степану Богатому: «ну, любезный зятюшка! нынѣ у меня и завтра у меня, когда же у тебя?» Онъ ему отвѣчаетъ: «милости просимъ, батюшка, ко мнѣ!» Собрались они. Лисица и говоритъ Степану Богатому: «куда я, говоритъ, пойду, туда и ты поѣзжай!» Вотъ они и ѣдутъ за ней.

Вотъ Лисица подходитъ. Пасутъ стадо коровъ. Она и спрашиваетъ: пастушки, чьи вы?— Пастухи отвѣчаютъ: «барина

Цыгарина». Лисица имъ говоритъ: не говорите, что вы барина Цыгарина, а скажите, что Степана Богатаго. А то ѣдетъ царь Громъ и царица Молонья; царь Громъ громомъ побьетъ; царица Молонья молоньей пожжетъ!» Вотъ подъѣзжаетъ царь, спрашиваетъ: чьи вы, пастухи?— «Степана Богатаго».

Подходитъ лисица: пасутъ стадо овецъ. Она и спрашиваетъ: «пастушки, чьи вы?»— Барина Цыгарина! Не говорите, что вы барина Цыгарина; а то ѣдутъ царь Громъ и царица Молонья; царь Громъ громомъ побьетъ; царица Молонья молоньей пожжетъ. Скажите, что вы Степана Богатаго.» Вотъ подъѣзжаетъ царь, спрашиваетъ: пастухи, чьи вы? «Степана Богатаго.»

Подходитъ лисица: стерегутъ стадо лошадей. «Пастухи, чьи вы?» Барина Цыгарина. «Не говорите, что вы барина Цыгарина; скажите, что вы Степана Богатаго. А то ѣдетъ царь Громъ и царица Молонья; царь Громъ громомъ побьетъ, царица Молонья молоньей пожжетъ!»—Вотъ подъѣзжаетъ царь, спрашиваетъ: пастухи, чьи вы?—«Степана Богатаго.»

Вотъ приходятъ она (лисичка) въ домъ къ барину Цыгарину. А у барина Цыгарина все было *парадно*: жена была имянинница. Эта барыня Цыгарыня сидитъ у себя въ комнатѣ. Вотъ она (лисичка)

вбѣжала къ ней въ комнату. «Ахъ, говоритъ,—барыня Цыгарыня! что же, говоритъ.—«Ѣдетъ царь Громъ и царица Молонья.»—Куда же, говоритъ, намъ дѣться? «Да подите, говоритъ, я васъ хоть въ душло спрячу; покамѣстъ царь проѣдетъ.» Они спрятались въ душло. Она (лисица) и людямъ сказала, чтобъ они не говорили, что они барина Цыгарина.

Пріѣзжаетъ царь, спрашиваетъ: чьи вы люди? «Степана Богатаго.» Вошли въ комнаты; лисица распорядилась: накрыто на столъ и поданы всякія закуски, закуски. Лисица предложила царю прогуляться по Степана Богатаго зеленому саду. Садъ былъ такъ пространствомъ великъ на 120 десятинъ. Вотъ они ходили, ходили; и пришли къ этому душлу. Баринъ Цыгаринъ и барыня Цыгарыня сидятъ въ этомъ душлѣ; имъ и душно стало; они и кричатъ. Царь и спрашиваетъ: «что, говоритъ, здѣсь за люди кричатъ?»—А лисица и говоритъ: это, говоритъ, у насъ тутъ черти живутъ. Прикажите, ваше величество, огня принести и это душло сжечь.—Принесли огня, сгорѣло это душло. И остался Степанъ Богатый при всемъ этомъ богатствѣ.

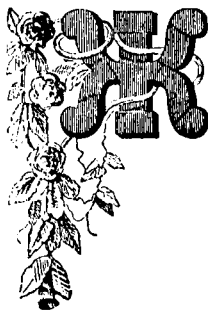
З м ѣ я.

Въ одной деревнѣ былъ жена-
тый мужикъ и съ нимъ жила
его мать старуха. Сынъ и
невѣстка не влюбилн ста-
руху и часто ее ругали и
бранили. Однажды въ самый
Христовъ день пришли они
отъ обѣдни и сѣли за столъ
разговляться. Сынъ за что-то осердился
на мать и сказалъ: лучше бы я змѣю ви-
дѣлъ за столомъ, чѣмъ тебя!

Черезъ нѣсколько времени жена его
пошла въ погребъ за молокомъ и видитъ—
на кадучкѣ сидитъ огромная змѣя. Какъ
только змѣя увидѣла бабу, тотчасъ же
вспрыгнула на нее и обвилась вокругъ ея
шеи. Никакими усилями не могли отор-
вать змѣи отъ шеи бабы. Такъ змѣя и
жила на ней, питаясь молокомъ изъ ея
грудей. Если баба придетъ въ баню мыться,
змѣя сползетъ съ нея и сядетъ на пото-
локъ у дверей, а какъ только баба нойдетъ
она тотчасъ же опять вспрыгнетъ ей на
шею. Такъ баба и умерла со змѣею.
Записано мною лично въ Вологодск. уѣздѣ деревня Оларево.

Иванъ глиняный.

Жилъ старикъ со старухой. Однажды старикъ сказалъ старухѣ: старуха, принеси-ка мнѣ глины, я слѣплю мальчика, такъ онъ будетъ намъ замѣсто сына. Старуха принесла глины, размочила ее и они стали лѣпить, слѣпили и положили въ печку сохнуть, а старуха сѣла у печки прядь. Прядетъ она, вздремнула и уронила клубокъ съ веретенцемъ въ голбоцъ. Встала и хотѣла было идти за нимъ, какъ вдругъ слышитъ изъ печки: мама, отвори! Старуха отворила печку и оттуда вышелъ Иванъ по прозванью глиняный и сказалъ: я схожу, мама, за клубкомъ, и пошелъ. Старуха сѣла и дожидаетъ. Выходитъ изъ голбца Иванъ глиняный и говоритъ: мама, мама, какую я тебѣ сказку скажу: былъ я въ голубцѣ, съѣлъ я клубокъ, да веретенце и тебя съѣмъ съ пряслицемъ!

Съѣлъ свою мать и пошелъ на улицу. Видитъ—отецъ дрова рубить, подошелъ и говоритъ: тятя, тятя, какую я тебѣ сказку скажу: былъ я въ голбцѣ, съѣлъ я клубокъ да веретенце, мать съ пряслицемъ, и тебя съѣмъ съ топоромъ. Съѣлъ отца и пошелъ по улицѣ. На встрѣчу ему

идуть дѣвки съ ведрами.—Дѣвки, дѣвки, какую я вамъ сказку скажу: былъ я въ голбцѣ, съѣлъ я клубокъ да веретенце, мать съ пряслицемъ, отца съ топоромъ и васъ съѣмъ съ ведрами! Съѣлъ дѣвокъ и пошелъ дальше. Попадаются ему бабы съ граблями. (Слѣдуетъ та же сказка; затѣмъ онъ съѣдаетъ мужиковъ съ косами, мужика съ дровами въ лѣсу и, наконецъ, натывается на медвѣдя). Какъ тутъ быть? Слыхалъ онъ, что медвѣдь очень силенъ. Началъ онъ было сказку свою, но медвѣдь не испугался и заворчалъ. Иванъ глиняный струсилъ и спрятался за толстое дерево. Но медвѣдь поймалъ его и сталъ мять; мять, мять, да и раздавилъ. И выкатились изъ него; клубокъ да веретенце, старуха съ пряслицемъ, старикъ съ топоромъ, дѣвки съ ведрами, бабы съ граблями, мужики съ косами и мужикъ съ дровами. Увидѣвши медвѣдя, и всѣ начали бить его чѣмъ попало. Медвѣдь испугался и убѣжалъ, а они возвратились всякъ къ своему мѣсту, покатился и клубокъ съ веретенцемъ за своей старухой.

Страшный ребенокъ.

или были мужикъ да баба. Жили они богато, только дѣтей у нихъ не было, а дѣтей имѣть имъ очень хотѣлось. Вотъ баба и пошла къ колдуну и рассказала про свое горе и просила помочъ ей чѣмънибудь. Колдунъ и далъ ей два корешка и сказалъ: съѣшь эти корешки въ полночь съ мягкимъ хлѣбомъ и станешь беременна. Баба съѣла корешки и вскорѣ дѣйствительно забеременѣла.

Какъ-то мужику понадобилось ѣхать въ городъ и баба осталась въ домѣ одна. Наступилъ вечеръ. Бабѣ стало страшно одной, она и пошла къ сосѣдямъ, чтобы позвать когонибудь ночевать къ себѣ, но никого не могла найти. Дѣлать было нечего, вернулась домой и легла на печь. Въ полночь у ней родился ребенокъ. Она спеленала его и положила къ себѣ на колѣни. И видитъ: ребенокъ смотритъ на нее такъ, словно съѣсть хочетъ. Испугалась она, положила ребенка въ зыбку, а сама стала молиться Богу. Вдругъ слышитъ, кто то постучался у окна. Баба обрадовалась и спрашиваетъ: кто тамъ?—Странникъ. Баба побѣжала отпирать. Странникъ вошелъ въ избу и улѣзъ на печь. За нимъ

улѣзла и баба и спряталась за него. И видитъ она: выскочилъ ребенокъ изъ зыбки и тоже лѣзетъ на печь и говоритъ: я тебя съѣмъ! Но старикъ перекрестилъ его и ударилъ по головѣ. Ребенка не стало, а на полу очутились два корешка. Старикъ взялъ корешки, сжегъ ихъ на огнѣ и пошелъ вонъ изъ избы.

К о л д у н ь .

Въ одномъ захолустномъ селѣ сторожъ при церкви былъ колдунъ. Церковь и сторожка, въ которой онъ жилъ съ женою и двумя дѣтьми, мальчикомъ и дѣвочкой, стояли наотставу отъ селенія. Жена прожила съ нимъ много лѣтъ, а не знала, что мужъ ея былъ колдунъ и чернокнижникъ. И вотъ когда онъ почувствовалъ приближеніе смерти, то сказалъ женѣ: я чувствую, что скоро помру и тогда ты не оставайся при мнѣ дома ночевать, а иди въ деревню. — Дѣйствительно, вскорѣ онъ умеръ. Но жена не послушалась и осталась дома съ покойникомъ.

Въ полночь мальчикъ проснулся и говоритъ матери: мама! тятя глаза открылъ! — Полно, дитятко, спи! отвѣчала мать. Но мальчикъ опять говоритъ: мама! тятя вста-

встаетъ!— Полно, дитятко, перекрестись да спи!— Наконѣцъ мальчикъ закричалъ; ой, мама! тятя идетъ къ намъ.

Мать открыла глаза и видитъ: покойникъ дѣйствительно всталъ и, скрестивши руки на груди, съ оскаленными зубами, идетъ къ нимъ. Не зная, что дѣлать, женщина обратилась съ молитвою о помощи къ Алексію человѣку Божію, во имя котораго была построена ихняя церковь. И вдругъ явился старецъ въ свѣтломъ одѣяннн съ жезломъ въ рукахъ и сказалъ: не бойся, раба божія! Покойникъ же при появленіи старца тотчасъ упалъ на ноль. И до самаго утра старецъ стоялъ между покойникомъ и постелью женщины и ея дѣтей. Утромъ колдуна похоронили и въ могилу его вбили три осиновыхъ кола.

Записано мною лично въ Кадниковскомъ уѣздѣ.

Три покупки.

е въ которомъ царствѣ не въ которомъ государствѣ жилъ былъ царь, а у царя были три сына. Разъ и говоритъ своимъ сыновьямъ государь: даю я вамъ по сту рублей, подите и купите всѣ по штукѣ, кому что нужно. И отправились братья въ путь дорожку и дошли до столба.

И написано на столбѣ и показываютъ руки на всѣ три стороны, въ которыя стороны все были дороги. И помли братья по разнымъ дорогамъ: старшій прямо, средній въ право, а младшій влево.

И приходитъ старшій братъ въ городъ, подходитъ къ рынку и видитъ: сидитъ мужчина, а у него стоятъ три коляски. И спрашиваетъ старшій братъ: сколько стоятъ твои коляски? Мужчина отвѣчаетъ: эти двѣ тридцать рублей, эта одна сто рублей.—Почему же эта дороже? Потому, что эта коляска можетъ въ часъ объѣхать весь бѣлый свѣтъ. Подалъ старшій братъ деньги и отправился домой со своей покупкой.

Средній братъ входитъ въ городъ и видитъ: сидитъ вѣкошница ¹⁾, а у нея лежатъ три зеркала. И спрашиваетъ: сколько стоятъ эти зеркала? — Эти два сорокъ рублей, а это зеркало одно сто рублей.—Что за особенность въ этомъ зеркалѣ?—А въ него посмотришь и увидишь, что гдѣ дѣлается на бѣломъ свѣтѣ. Подалъ деньги за зеркало и отправился домой.

Третій братъ тоже входитъ въ городъ и видитъ: лежатъ на лавочкѣ яблоки. И спрашиваетъ онъ: много-ли стоятъ эти

¹⁾ Вѣкошница—мелочная торговка, продающая свой товаръ съ вѣка, крышки отъ короба.

яблоки? Отвѣчаетъ торговецъ: эти яблоки по двадцать рублей, а это одно сто рублей. — Почему же это дороже? Потому что кто бы не былъ у васъ въ семьѣ или гдѣ на бѣломъ свѣтѣ нездоровъ какой либо болѣю, можешь вылѣчить одной частью отъ этого яблока. Подаль деньги торговцу за яблоко и отправился домой.

И встрѣтились всѣ три брата и приходятъ домой и кажутъ своему отцу покупки и рассказали, у кого для чего существуетъ.

Черезъ нѣсколько времени вышли афишки по всѣмъ правленіямъ, не токма по городамъ, что не въ которомъ царствѣ не въ которомъ государствѣ жилъ былъ царь, у него была больная дочь, которая нѣсколько годовъ лежитъ въ постелѣ, и государь объясняетъ, что, кто можетъ вылѣчить мою дочь, за того отдаю ее замужъ.

Вотъ и стали собираться наши три брата. Посмотрѣлъ средній братъ въ зеркало и увидѣлъ, въ какомъ государствѣ больная, сѣли въ коляску и отправились въ это государство. И въѣхали въ городъ и сейчасъ донесли государю, что пріѣхали лѣкаря изъ иныхъ земель. Государь велѣлъ допустить ихъ до своей больной дочери. Младшій братъ вырѣзалъ изъ своего яблока часть и подаль больной.

Она съѣла эту выточку ¹⁾ и сейчас почувствовала легче, черезъ трое сутоки выздоровѣла и отгадайте; за котораго слѣдуетъ ее отдать? За меньшова, потому что у меньшака ²⁾ яблока убыло, у тѣхъ не убыло,

Три копѣчки.

Жилъ-былъ купецъ именитый (богатый); въ одно время приходитъ къ нему невѣдомый человекъ и наймывается въ работники. Проработалъ годъ и проситъ у купца расчету; тотъ ему даетъ заслуженное жалованье, а работникъ беретъ за свою работу только одну копѣчку, идетъ съ ней къ рѣкѣ и бросаетъ въ воду. «Если, говоритъ, я служилъ вѣрой и правдой, то моя копѣйка не утонетъ!» Копѣчка утонула. Онъ опять пошелъ къ тому-же купцу работать; проработалъ годъ, купецъ даетъ ему денегъ, сколько надо, а работникъ опять беретъ одну копѣчку, идетъ съ ней къ рѣкѣ на старое мѣсто и бросаетъ въ воду. Копѣчка утонула. Пошелъ въ третій разъ къ купцу работать; проработалъ годъ, купецъ даетъ

¹⁾ Вырѣзку.

²⁾ Меньшакъ—младшій.

ему денегъ еще больше прежняго за усердную его службу, а работникъ беретъ опять одну копѣечку, идетъ съ нею къ рѣкѣ, и бросаетъ ее въ воду; глядь—всѣ три копѣечки поверхъ воды! Онъ взялъ ихъ и пошелъ вдоль по дорогѣ въ свое мѣсто. Вдругъ ему попадается купецъ—къ обѣднѣ ѣдетъ; онъ даетъ тому копѣечку и проситъ свѣчу образамъ поставить. Купецъ вошелъ въ церковь, даетъ изъ кармана своего денегъ на свѣчи, и какъ-то обронилъ ту копѣечку на полъ. Вдругъ отъ той копѣечки огонь возгорѣлъ; люди въ церкви изумились, спрашиваютъ: кто копѣечку обронилъ? Купецъ говоритъ: «я обронилъ, а мнѣ ее далъ на свѣчу какой-то работникъ.» Люди взяли по свѣчѣ и зажгли отъ той копѣечки. А работникъ тѣмъ временемъ продолжалъ свой путь впередъ. На дорогѣ попадается ему другой купецъ—на ярмарку ѣдетъ; работникъ вынимаетъ изъ кармана копѣечку, отдаетъ купцу и говоритъ: «купи мнѣ на эту копѣечку на ярмаркѣ товару.» Купецъ взялъ, накупилъ себѣ товару, думаетъ: чего бы еще искупить? и вспомнилъ про копѣечку. Вспомнилъ и не знаетъ, чего бы на нее купить. Попадается ему мальчикъ, продаетъ кота и проситъ за него ни больше, ни меньше, какъ одну копѣечку; купецъ не нашелъ

другаго товару и кушилъ kota. Поплылъ онъ на корабляхъ въ иное государство торгъ торговать; а на то государство напалъ великій гнусь. Стали корабли въ пристани; котикъ то и дѣло изъ корабля выбѣгаетъ, гнусь поѣдаетъ. Узналъ про то царь, спрашиваетъ купца: «дорогъ-ли этотъ звѣрь?» Купецъ говоритъ: «не мой этотъ звѣрь; мнѣ велѣлъ его купить одинъ молодецъ»—и нарочно молвилъ, что стоитъ трехъ кораблей. Царь отдалъ три корабля купцу, а котика себѣ взялъ. Воротился купецъ назадъ, а работникъ вышелъ на рынокъ, нашелъ его и говоритъ: «кушилъ ли ты мнѣ на копѣечку товару?» Купецъ отвѣчаетъ: «нельзя потаить—купилъ три корабля!» Работникъ взялъ три корабля и поплылъ по морю. Долго ли, коротко ли—приплылъ къ острову: на томъ островѣ стоитъ дубъ; онъ взлѣзъ на него ночевать и слышитъ: внизу подъ дубомъ хвастается Ерахта своимъ товарищамъ, что вотъ завтра среди бѣла дня украдетъ онъ у царя дочь. Товарищи ему говорятъ: если ты не утащишь, то мы тебя всего желѣзными прутьями изхлещемъ!» Послѣ того разговора они ушли; работникъ слѣзъ съ дуба и идетъ къ царю; пришелъ въ палаты, вынулъ изъ кармана послѣднюю копѣечку и зажегъ ее. Ерахта прибѣжалъ къ царю,

и никакъ не сможетъ украсть его дочери; воротился ни съ чѣмъ къ братьямъ, а они давай его хлестать желѣзными прутьями; хлестали-хлестали и бросили въ невѣдомо мѣсто! А работникъ женился на царевнѣ и сталъ себѣ жить поживать, добра наживать.

Работникъ.

Въ одной деревнѣ жилъ мужъ съ женой и дожили они до глубочайшей бѣдности: больше стало жить нечѣмъ. И говоритъ мужикъ бабѣ: ну, баба, я пойду поряжусь къ богатому мужику въ работни- ки. Пошелъ и порядился, взялъ задатку 15 руб. и скоро прожилъ эти деньги, пошелъ порядился къ другому и у другого взялъ 15 руб., и эти прожилъ, пошелъ къ третьему и у третьяго порядился, взялъ 15 руб. и эти прожилъ.

И пришлось мужику сходить къ обѣднѣ. Пришли и тѣ мужики богатые въ церковь. Жили они между собою дружно и завели разговоръ; одинъ другому началъ сказывать: вотъ что, братцы, я этта ¹⁾ порядилъ работника какого, да вонъ онъ

¹⁾ Недавно.

стоитъ!—Да какъ же, и я его порядилъ! Третій: и у меня порядился! Поговорили мужики промежъ себя, работнику ничего не сказали, а онъ слышалъ ихніе разговоры, приходитъ домой и говоритъ своей женѣ: ну баба, я теперь пойду и поряжусь работать къ чорту.

Пошелъ въ лѣсъ и попадается ему чортъ навстрѣчу, спрашиваетъ: куда мужикъ пошелъ? Отвѣчаетъ ему мужикъ: въ лѣсъ дрова рубить. — Такъ вотъ что: порядись ко мнѣ въ работники. Мужикъ отвѣчаетъ ему: съ удовольствіемъ, очень радъ.—Такъ приходи завтра въ такое-то мѣсто, объ цѣнѣ нечего разговаривать, я цѣной не обижу.

Пришелъ мужикъ къ чорту работать. Чортъ напоилъ его водой.—Ну, ступай, ложись спать, у меня ни одинъ работникъ до троихъ сутокъ не работаетъ.— Вотъ прожилъ мужикъ трои сутки; на четвертая всталъ его хозяинъ по утру рано, разбудилъ работника: ну-ка, работникъ, пойдемъ въ лѣсъ, нужно срубить три осины толщиною вершковъ въ 16-ть, длиною шести сотенъ и сдѣлать черезъ рѣку лавы.

Вотъ взяли по топору и пошли въ лѣсъ; у чорта топоръ былъ вѣсомъ фунтовъ въ 30-ть. Пришли въ лѣсъ и начали рубить осину; чортъ какъ началъ хва-

стать—съ разу половину пересѣкъ, а мужикъ не можетъ и корки сбить. Срубили они осину, очистили прутья, нужно тащить ее. Чортъ и говоритъ своему работнику: ну, братъ, давай, потащимъ осину на рѣку; взялъ подъ комель, а мужикъ не даетъ ему, говоритъ: отойди, чахотный, прочь, гдѣ тебѣ унести, ступай, берись подъ вершину. — Дѣлать нечего, чортъ пошелъ къ вершинѣ, поднялъ вершину и давай подбираться. Мужикъ кричитъ: молодецъ хозяинъ, давай еще маленько!— Чортъ поднадалъ¹⁾, осину всю и поднялъ. Мужикъ влѣпилъ топоръ въ осину, самъ сѣлъ на комель. — Ну, хозяинъ пошелъ!— Чортъ попёръ осину, до того, что присталъ²⁾. Ну, казакъ, давай, отдохнемъ! - Ну, какой тебѣ отдыхъ, давай, тащи, уродъ! Дѣлать нечего, не хочется чорту поддаться мужику, пошли опять впередъ. Притащили осину на рѣку. Чортъ и говоритъ работнику: ну, казакъ, давай, кидай!—Нѣтъ, хозяинъ, стой, дай перебраться, у насъ съ тобой не на одномъ плечѣ. И свернулся мужикъ съ комля. - Ну, хозяинъ, кидай!—Чортъ бросилъ осину и самъ свалился. — Что же ты, хозяинъ?—Я присталъ, ступай ты объдай, а я отдохну здѣсь.

¹⁾ Подвинулъ на себя.

²⁾ Усталъ.

Мужикъ приходитъ обѣдать и спрашиваетъ его чертовка: что, братъ, гдѣ оставилъ хозяина?—Онъ, чахоточный, притащилъ бревно, свалился, на рѣкѣ лежить, ноги только не околѣеть.

Работникъ пообѣдалъ и легъ спать на повѣти въ сани. Чортъ пришелъ домой и жалуется своей хозяйкѣ: ну, баба! ноть такъ работникъ! Я то ли не едренъ, онъ меня втрое едренѣе, надо его уже ночью убить, а то жить намъ будетъ плохо.

Мужикъ выслушалъ чоровы разговоры, дожидъ до вечера, поужиналъ, пошелъ спать. Въ сани положилъ ступу и окуталъ тулупомъ, а самъ легъ на сѣно. Вотъ чортъ всталъ ночью, взялъ сорокъ чудовъ палицу и пошелъ бить казака. Подошелъ къ санямъ и брякнулъ по ступѣ такъ сильно, что ступа прискочила ударилась въ верхъ стропила. Чортъ съ радостью пошелъ къ себѣ въ избу и говоритъ своей женѣ: ну, баба, такъ треснулъ казака; нани онъ вверху вылетѣлъ. А казакъ, вставши утромъ рано, пошелъ преспокойно въ избу. Чортъ увидалъ казака, очень испугался и говоритъ ему: что, казакъ, не знаешь, что такъ шибко треснуло вечеръ на дворѣ? А казакъ отвѣчаетъ: тебя надавало съ хорошей-то постройкой, — должно быть лопнула стропила.

И говоритъ чортъ своей женѣ: ну,

жена, давай уѣдемъ изъ дому вонъ, пус-
сай здѣсь живетъ работникъ одинъ. За-
брали они всѣ деньги—онъ въ одинъ мѣ-
шокъ, а чертовка въ другой. А казакъ
къ чорту въ мѣшокъ и залѣзъ. Потацилъ
чортъ мѣшокъ; казакъ разрѣзалъ мѣшокъ
и видитъ, что чортъ тащитъ ихнимъ по-
лемъ и сталъ говорить: стой, братъ, хо-
зяинъ, тебѣ отъ меня не уйти!—Въ испугѣ
чортъ не понялъ того, что мужикъ си-
дитъ въ мѣшкѣ и бросилъ мѣшокъ.—Да-
вай, баба, кидай и ты! И чертовка бро-
сила свой мѣшокъ и побѣжали неизвѣстно
куда. Мужикъ, взявши мѣшки съ день-
гами, пригацилъ домой и первое его было
дѣло — заплатить долгъ богатымъ мужи-
камъ, потомъ завелся хозяйствомъ и сталъ
жить въ лучшемъ видѣ, а чортъ къ му-
жику не показался ногой.

II. А. Иваницкій. Матеріалы по этнографіи Волог. уѣзда

Про чорта и пастуха.

Въ одной деревнѣ чортъ все
творовалъ скотину. Вотъ и по-
рядился такой пастухъ, что
ужъ не дастъ чорту украсть
чтонибудь, порядился на три
дня по сту рублей на день.—
Выгоняетъ онъ въ первый
разъ скотину, чортъ и выхо-
дитъ изъ озерка.—Пастухъ! давай, гово-

рить, мнѣ самолучшую корову! — А пастухъ говоритъ: нѣтъ еще, погоди, не дамъ! — А ты что дѣлаешь? спрашиваетъ чортъ пастуха. Пастухъ говоритъ: вью веревки. — На что веревки? — А море морщить, да васъ чертей въ одно мѣсто корчить. Чортъ сейчасъ и бросился въ озерко, тамъ пересказалъ своему дѣдушкѣ: охъ, говоритъ, какой теперь сталъ пастухъ, не даетъ мнѣ и скотины-то! Онъ веревки вьетъ, хочетъ море морщить, да насъ чертей въ одно мѣсто корчить. — Дѣдушка подумалъ да и говоритъ: видно удалый пастухъ! иди-ка съ нимъ врядки побѣгай.

Вышелъ чортъ изъ озерка и говоритъ пастуху: давай въ рядки бѣгать! — А пастухъ отвѣчаетъ: охота мнѣ врядки бѣгать! у меня есть младѣнъ двухъ дѣнъ, и тотъ тебя обгонитъ. А гдѣ же онъ? — А вотъ пойдемъ, такъ укажу. — А пастухъ зналъ заячье лежище въ одномъ кустѣ и привелъ чорта къ лежищу. — Вотъ лѣзь въ кустъ, онъ выскочитъ такъ и бѣгай съ нимъ врядки! — Чортъ сунулся въ кустъ, выгналъ зайца и зачалъ бѣгать. Только заяцъ бѣгаетъ какъ попало, туды да сюда, а чортъ кричитъ: врядки, врядки!

Опять чортъ пошелъ къ своему дѣдушку и сталъ рассказывать: ой, дѣдушка, говоритъ, у него есть младѣнъ двухъ дѣнъ, и тотъ меня обогналъ, а самъ онъ со мной

още и не бѣгалъ. Намъ бы такого порядить въ работники, такъ чѣббы онъ намъ и надѣлалъ!—Такъ иди, поряжай, не порядится-ли?

Вышелъ чортъ на берегъ, а пастухъ тутъ и стоитъ. — Пастухъ, порядись къ намъ въ работники, говоритъ чортъ:— Порядите. — И порядился къ чорту за 300 руб. на годъ. Оставалось ему еще два дня въ пастухахъ прожить, и уговорились они съ чортомъ заранѣе, что чортъ выйдетъ на берегъ встрѣтить.

На четвертый день приходитъ пастухъ, чортъ его и встрѣтилъ и повелъ лѣсомъ. Привелъ на мѣсто и пошли они на другой день дерево рубить. Пришли къ толстущей осинѣ. Сталъ чортъ рубить осину и живо срубилъ. И спрашиваетъ чортъ: всю ли вдругъ нести или мелкимъ потащимъ? — Всю вдругъ унесемъ, говоритъ пастухъ. Навалилъ онъ на чорта комель, а самъ держится сзади за прутья. Тащить да тащить чортъ, такъ что въ поту весь. Оглянется на работника и спрашиваетъ: что, не усталъ? — Нѣтъ, не усталъ.—А я такъ сильно усталъ.—Иди подъ комель, а я стану подъ вершину.—А я не знаю здѣсь дороги, такъ давай повернемся, ты иди подъ вершиной впередъ. Навалилъ на чорта всю осину, а самъ сѣлъ на комель.

Не дотащили осину, бросили и пошли оба домой. Пришли и говорить чортъ своему дѣдушкѣ: ой, дѣдушка, это намъ не работникъ, онъ меня замаеть: я въ поту тащу, а онъ все идетъ въ леготѣ; надо его разсчитать, а нѣтъ, такъ зарѣзать.

Пастухъ это слышалъ, положилъ на свою кровать корыто и закрылъ его, а самъ легъ подъ кровать. Чортъ ножикъ наточилъ, бѣжитъ и началъ корыто рѣзать, а пастухъ подъ кроватью хрипитъ, будто онъ зарѣзанъ.

Ушелъ чортъ въ избу, а работникъ и идетъ къ нему. Старый чортъ и говоритъ: намъ тебя не надо, разсчитаемъ тебя. Разсчитали его, отдали деньги за весь годъ, пастухъ и пошелъ. Пошелъ, только не знаетъ, какъ изъ лѣсу выйти, заблудился совсѣмъ. Трои сутки блудился, увидалъ дуплю, влѣзъ на нее, чтобы посмотреть, не видно ли гдѣ жила и провалился въ дуплю.—Просидѣлъ онъ тутъ трое сутокъ, не ѣвши, и думаетъ, что ужъ смерть.

Вдругъ слышитъ: народъ кругъ дупли заговорилъ. Какой-то мужикъ подошелъ да и колонулъ но дуплѣ обухомъ. А пастухъ и забучалъ, будто что улей. Мужикъ и давай рубить дуплю, подрубилъ дуплю, а пастухъ какъ закричить; охъ ты! мой домъ рубить! я тебѣ дамъ, постой-ка! Му-

жикъ испугался и—унеси Господи! а ко-
ней тройку тутъ и оставилъ. Пастухъ вы-
лѣзъ, сѣлъ на коней и поѣхалъ домой.

Шотемьскаго уѣзда Вологодской губернии.

Диво-дивное, чудо-чудное.

Жилъ-былъ богатой кунецъ съ
купчихою; торговалъ дороги-
ми и знатными товарами и
каждой годъ ѣздилъ съ ними
по чужимъ государствамъ. Въ
нѣкое время снарядилъ онъ
корабль, сталъ собираться въ
дорогу, и спрашиваетъ жену:
«скажи, радость моя, что тебѣ изъ иныхъ
земель въ гостинецъ привезти?» Отвѣ-
чаетъ купчиха: «я у тебя всѣмъ довольна;
всего у меня много! а коли угодить да по-
тѣшить хочешь, купи мнѣ «диво-дивное,
чудо-чудное». — Хорошо; коли найду—куп-
лю. Поплылъ кунецъ за тридевять земель
въ тридесятое царство, присталъ къ ве-
ликому, богатому городу, распродалъ всѣ
свои товары, а новые закупилъ, корабли
нагрузилъ; идетъ по городу и думаетъ:
гдѣ бы найди диво-дивное, чудо-чудное?
Попался ему навстрѣчу незнакомой ста-
ричокъ, спрашиваетъ его: «что такъ при-
здумался, раскручинился, доброй моло-
децъ?» — Какъ мнѣ не кручиниться! отвѣ-

чаетъ купецъ; ищю я купить своей женѣ диво-дивное, чудо-чудное, да не вѣдаю— гдѣ. «Эхъ, ты давно бы мнѣ сказалъ! Пойдемъ со мной; у меня есть диво-дивное, чудо-чудное—такъ и быть, продамъ». Пошли вмѣстѣ; старичокъ привелъ купца въ свой домъ и говорить: «видишь ли—вонъ на дворѣ у меня гусь ходитъ?»— Вижу. «Такъ смотри-же, что съ нимъ будетъ... Эй, гусь, подь сюды!» Гусь пришелъ въ горницу. Старичокъ взялъ сковороду и опять приказываетъ: «эй, гусь, ложись на сковороду!» Гусь лёгъ на сковороду; старичокъ поставилъ ее въ печь, изжарилъ гуся, вынулъ и поставилъ на столъ. «Ну, купецъ, доброй молодець! садись, закусимъ; только костей подъ столъ не кидай, всё въ одну кучу собирай». Вотъ они за столъ сѣли, да вдвоемъ цѣлаго гуся и сѣли. Старичокъ взялъ оглоданныя кости, завернулъ въ скатерть, бросилъ на полъ и молвилъ: «гусь! встань, встrepенись и поди на дворъ». Гусь всталъ, встrepенулся и пошелъ на дворъ, словно и въ печи не бывалъ! «Подлинно, хозяинъ, у тебя диво-дивное, чудо-чудное!» сказалъ купецъ, сталъ торговать у него гуся и сторговалъ за дорогія деньги. Взялъ съ собой гуся на корабль и поплылъ въ свою землю. Приѣхалъ домой, поздоровался съ женой, отдаетъ ей гуся и сказываетъ, что

съ той птицею хоть всякой день некуш-
ленное жаркое ѣшь! Зажарь ее—она оиять
оживеть! На другой день купецъ пошелъ
въ лавки, а къ купчихѣ полюбовникъ при-
бѣжалъ. Такому гостю, другу сердечному,
она куды какъ рада! Вздумала угостить
его жаренымъ гусемъ, высунулась въ окно
и закричала: «гусь, подь сюды!» Гусь при-
шелъ въ горницу. «Гусь, ложись на ско-
вороду!» Гусь не слушаетъ, не идетъ на
сковороду; купчиха осердилась и ударила
его сковородникомъ—и въ ту-жъ минуту
однимъ концомъ сковородникъ прильнулъ
къ гусю, а другимъ къ купцовой женѣ,
и такъ плотно прильнулъ, что никакъ
оторваться нельзя! «Ахъ, миленькій дру-
жокъ! закричала купчиха, оторви меня
отъ сковородника; видно, этотъ прокля-
той гусь завороженъ!» Полюбовникъ об-
хватилъ купчиху обѣими руками, хотѣлъ
было отъ сковородника оторвать, да и самъ
прильнулъ... Гусь выбѣжалъ на дворъ,
на улицу, и нотащилъ ихъ къ лавкамъ.
Увидали прикащики, бросились разнимать;
только кто до нихъ ни дотронется—такъ
и прилипнетъ! Сбѣжался народъ на то
диво смотрѣть, вышелъ и купецъ изъ
лавки, видитъ: дѣло-то не ладно: что за
друзья у жены проявились? «Признавайся
говорить во всемъ; не то на вѣкъ такъ—
сольнувшись — останешься!» Нечего дѣ-

лать, повинилась купчиха; купецъ взялъ тогда — рѣзнялъ ихъ, полюбовнику шею накостилялъ, а жену домой отвелъ да изрядно поучилъ, приговаривая: вотъ тебѣ диво-дивное; вотъ тебѣ чудо-чудное.

Про солдата.

Вышелъ солдатъ со службы, идетъ и думаетъ: служилъ я царю 25 лѣтъ, а не выслужилъ и двадцати пяти рѣпъ и никакой на рукавѣ нашивки нѣтъ!—Видитъ—идетъ ему навстрѣчу старикъ. Поровнялся съ нимъ старикъ и спрашиваетъ: о чемъ, служивый, думаешь?—Думаю о томъ, что служилъ царю 25 лѣтъ, а не выслужилъ и двадцати пяти рѣпъ и никакой на рукавѣ нашивки нѣтъ!—Такъ чего же тебѣ надо?—Хоть бы научиться въ карты всѣхъ обыгрывать, да никто бы меня не обидѣлъ.—Хорошо, я дамъ тебѣ карты и сумочку: тебя никто не обыграетъ и не обидитъ.

Взялъ солдатъ отъ старика карты и сумку и пошелъ. Приходитъ онъ въ деревню и просится ночевать. Ему и говорятъ: здѣсь у насъ тѣсно, а вонъ въ томъ новомъ дому ночевать нельзя. — Отчего

нельзя?—Да такъ.—Пустите меня въ тотъ домъ?—Иди.—Купилъ солдатъ свѣчку да и полуштофъ водки, вошелъ въ домъ и усѣлся. Сидитъ, карты перебираетъ; рюмочку выпьетъ и карточку положитъ. Въ самую полночь вдругъ двери отворились и бѣсенокъ за бѣсенкомъ полѣзли въ комнату; набралось ихъ пропасть и стали плясать. Солдатъ смотритъ и дивится. Но вотъ одинъ бѣсенокъ подскочилъ къ солдату и ударилъ его хвостомъ по щекѣ. Всталъ солдатъ и спрашиваетъ: ты что это въ шутку или вправду?—Какія шутки! отвѣчаетъ бѣсенокъ.—Тогда солдатъ крикнулъ: въ сумку! и всѣ черти полѣзли въ сумку, ни одного не осталось.

На утро солдатъ видитъ: хозяева дома несутъ гробъ. Вошли въ комнату, хозяинъ и говоритъ: во имя Отца и Сына и Св. Духа?—Аминь! отвѣтилъ солдатъ.—Да ты развѣ живъ? спрашиваютъ его.—Какъ видишь!

Солдатъ такъ полюбился хозяевамъ, что они оставили его у себя пожить и женили на своей дочери. И зажилъ солдатъ богато и съ женой согласно. Черезъ годъ родилась у него дочь. Надо ребенка крестить, а матери крестной нѣтъ, — никто къ солдату нейдетъ. Вышелъ онъ на большую дорогу и думаетъ: какая женщина встрѣтится первая, та и пусть бу-

детъ крестною матерью. Только что успѣлъ онъ это подумать, видитъ, идетъ старая старуха и худая-прехудая, кости да кожа. Солдатъ и говоритъ ей: бабушка! у меня дочь родилась, а крестить никто не идетъ. — Такъ что-же, я окрещу, идите въ церковь, я сейчасъ приду.

Принесъ солдатъ младенца въ церковь и кума пришла, сняла съ плеча косу и положила у порога, а когда окрестили ребенка, взяла опять косу и пошла. Солдатъ и говоритъ ей: кума! зайди поздравить крестницу! — Хорошо, вы идите и приготовляйтесь, а я сейчасъ приду.

Пришелъ солдатъ домой, приготовилъ все, скоро пришла и кума. Опять сняла съ плеча косу, положила у порога и сѣла за столъ. Когда отпировали, она встала и говоритъ: кумъ, проводи меня! Солдатъ одѣлся и пошелъ провожать куму. Вышли они въ сѣни, она и говоритъ: кумъ! хочешь-ли научиться ворожить?—Какъ-бы не хотѣть!—А ты знаешь-ли, кто я? Я—смерть. Если тебя позовутъ къ больному и ты увидишь, что я стою у него въ головахъ, не берись лечить, а когда буду стоять въ ногахъ, то берись; спрысни больного разъ холодной водой, онъ и выздоровѣетъ. Прощай!

Въ этотъ годъ въ той деревнѣ сдѣлалось столько больныхъ разными болѣз-

нями, что нашъ солдатъ, прослывшій за знахаря, едва успѣвалъ переходить изъ одной избы въ другую и всѣхъ вылѣчивалъ. Случилось, что заболѣлъ царь, а слухъ о солдатѣ, что онъ хорошо лѣчитъ, разнесся уже по всему государству. Вотъ его и призываютъ къ царю. Входитъ солдатъ къ царю, поглядѣлъ и видитъ: его кума стоитъ въ головахъ. — Плохо дѣло! говоритъ солдатъ. Однако велѣлъ принести скамейку и положить на нее царя. Когда это сдѣлали, солдатъ и давай вертѣть скамейку съ царемъ, кума-же его стала бѣгать кругомъ, стараясь быть въ головахъ у царя и до того добѣгала, что устала и остановилась. Тогда солдатъ повернулъ къ ней царя ногами, вспрыснулъ его водой и царь сдѣлался здоровъ.

Пошла смерть отъ царя, а солдатъ за ней, схватилъ ее и говоритъ: не уйдешь! — Охъ, кумъ, кумъ! я тебѣ сказала, что когда стою въ головахъ, то не берись лѣчить, а ты по своему дѣлаешь. Ну, я тебѣ за это припомню! — Ты это, кума въ шутку или вправду говоришь? — Какія тутъ шутки! — Такъ въ сумку! крикнулъ солдатъ и смерть залѣзла въ сумку. Пришелъ солдатъ домой и бросилъ сумку на чердакъ.

Черезъ годъ времени приходитъ къ солдату Микола милостивый, и говоритъ:

служивый, отпусти смерть! Народу стараго на землѣ много, онъ просить смерти, а смерти нѣтъ. — Пусть пролежитъ еще два года, тогда и отпущу, сказалъ солдатъ.

Прошло два года. Солдатъ выпустилъ смерть изъ сумки и говоритъ: каково, кума въ сумкѣ? — Ну, кумъ, будешь ты просить смерти, я не приду къ тебѣ. — Обо мнѣ кума не безпокойся, я и самъ на тотъ свѣтъ приду!

Вотъ солдатъ живетъ да поживаетъ; въ карточки играетъ да водочку попиваетъ; жена и дочь у него ужъ умерли, а онъ все живъ. Однажды, играя въ одномъ домѣ въ карты, онъ услышалъ, что скоро придетъ антихристъ, и станетъ людей мучить. Солдатъ испугался и отправился на тотъ свѣтъ. Шель, шель, шель, наконецъ, приходитъ къ лѣстницѣ, которая тянулась до неба и сѣлъ тутъ отдохнуть; потомъ, собравшись съ силами, полѣзъ по лѣстницѣ. Лѣзъ, лѣзъ, лѣзъ и прилѣзъ какъ есть къ самому раю. — А у дверей рая стоятъ апостолы Петръ и Павелъ. Солдатъ и говоритъ имъ: святые апостолы Петръ и Павелъ, пустите меня въ рай! — А ты кто такой? спрашиваютъ его. — Я солдатъ. — Нѣтъ, тебя въ рай не пустимъ, ты самъ отказался отъ рая; иди туда, вонъ тебѣ рай! — И указали ему на

адъ. Солдаты пошелъ къ аду, у ада стоятъ два бѣсенка. Солдаты и говорятъ: святые апостолы Петръ и Павелъ въ рай меня не пускаютъ; пустите вы меня въ адъ?— Иди, говорятъ ему бѣсенки, и пропустили его въ адъ.

Приходитъ солдатъ въ адъ; отвели ему тамъ особую комнату. Онъ настрогогалъ спичекъ, наколотилъ ихъ въ стѣну, развѣсилъ свою амуницію и легъ отдыхать. Отдохнувши, насбиралъ толстыхъ палокъ и понадѣлалъ изъ нихъ ружей, наловилъ чертей, составилъ изъ нихъ роту и началъ ихъ обучать военному искусству. Если который изъ чертей залѣнится, то его и палкой и подзатыльниковъ надаетъ и всѣхъ чертей въ аду изуродовалъ.

Узналъ сатана, что солдатъ, который долженъ быть въ раю, живетъ у него въ аду, и захотѣлъ его душою завладѣть. Приходитъ къ солдату и говоритъ: давай играть въ карты! — Давай, говоритъ солдатъ. — Только съ такимъ условіемъ: если я тебя обыграю, то ты будешь мой, а если ты меня, то я тебѣ отдамъ грѣшную душу. Солдатъ согласился и они усѣлись играть. Играютъ, играютъ и все солдатъ выигрываетъ. — Нѣтъ, говоритъ сатана, больше играть съ тобой не буду, ты, пожалуйста, у меня всѣ души выиграешь.

Узнали и бѣсы, что это тотъ самый солдатъ, у котораго они сидѣли въ сумкѣ, и рѣшились его выгнать изъ ада. Наговорили на него сатанѣ, что онъ мучить чертей и никому покою не даетъ своимъ солдатскимъ ученьемъ; и сатана далъ приказаніе по аду, чтобы выгнали тотчасъ же солдата. Окружили черти комнату солдата и объявили ему приказъ сатаны. Дѣлать было нечего. Взялъ солдатъ свою амуницію и двѣ выигранныя имъ у сатаны души (это были души его жены и дочери) и пошелъ. Только вышелъ онъ изъ своей комнаты, видитъ всѣ черти выстроились въ рядъ, заиграла музыка и запалили изъ ружей. — Э, чертовское отродье! Обрадовались, что я пошелъ, и всѣхъ ихъ выругалъ.

Приходитъ онъ опять къ раю и говоритъ: святые апостолы Петръ и Павелъ, пустите меня въ рай!—Да вѣдь ты отказался отъ рая,—говорятъ ему,—ступай въ адъ.—Да я тамъ былъ!—Такъ еще сходи.—Да пропустите вотъ хоть эти двѣ грѣшныя души.—Ну, пусть онѣ идутъ, сказали апостолы и отворили ворота. Солдатъ поставилъ впереди душу жены, самъ всталъ по за нею, а позади себя поставилъ душу дочери. Такъ всѣ трое и вошли въ рай. И до сихъ поръ живутъ они да поживаютъ въ раю, ни нужды ни горя не знаютъ.

Кузьма скоробогатый.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣ-
которомъ государствѣ жилъ
старикъ со старухой, а у нихъ
былъ сынъ по имени Кузьма,
по прозванью Скоробогатый!
Когда старикъ и старуха по-
мерли, не захотѣлось Кузьмѣ
сидѣть дома, а захотѣлось по
землѣ походить, свѣта бѣлаго посмотреѣть.
Вотъ собрался онъ въ путь-дорогу, взялъ
краюшку хлѣба, косарь, да ножикъ, сѣлъ
на лошадь задомъ напередъ и поѣхалъ
странствовать. Ёдетъ онъ день, ёдетъ два,
а все версты не можетъ отѣхать. На-
скучило ему и усталъ онъ сидѣть, слѣзъ
съ лошади и легъ на землю отдохнуть.
Видитъ, на лошадь его сѣло нѣсколько
мухъ да пауковъ. Разсердился на нихъ.
Кузьма, хватилъ ножомъ по лошади и
убилъ восемь пауковъ и нѣсколько мухъ,
только ножикъ его переломился на двѣ
части: одна часть прилипла къ языку ло-
шади, другая попала ей въ ротъ, да тамъ
и пропала.

Отдохнувъ, Кузьма поѣхалъ дальше.
Видитъ, среди дороги стоитъ столбъ, а на
немъ надпись. Сошелъ Кузьма съ лошади
и сталъ читать надпись. На столбѣ было
наисано: «всякій проѣзжающій, какой бы

ни былъ богатырь, долженъ подписать здѣсь свое имя и прописать свою храбрость». Кузьма пожелалъ подписаться на столбѣ и вотъ какъ онъ написалъ: «слушайте и читайте, что я вамъ расскажу: здѣсь проѣзжалъ богатырь Кузьма по прозванію Скоробогатый, который однимъ взмахомъ по восьми науковъ побиваетъ, а маленькой сошки, мухъ и счету нѣтъ». Написалъ и поѣхалъ дальше.

Черезъ нѣсколько времени подѣв-
жаютъ къ этому столбу два богатыря: Ерусланъ Лазаревичъ и Алеша Поповичъ. Прочитавши надпись, они удивились, что существуетъ на свѣтѣ такой богатырь и захотѣли его догнать. Догнали его скоро, и видятъ: лошадь у него не богатырская, а простая кляча, самъ онъ не вооруженный ничѣмъ и сидитъ не по русски, но когда вспомнили его храбрость, то, подѣхавъ къ нему, поклонились ему до земли и просили принять ихъ въ число меньшихъ братьевъ. Кузьма съ важностью отвѣчалъ имъ на это, что согласенъ считать ихъ меньшими братьями и поѣхали они вмѣстѣ.

Ѣдутъ и видятъ на пути городъ. Не доѣзжая до него остановились и отпустили лошадей своихъ въ зеленый лугъ. Царь этого города, узнавши о пріѣздѣ богатырей, выслалъ противъ ихъ войско въ

50 человѣкъ. Ерусланъ Лазаревичъ подошелъ къ старшему названному своему брату и спрашиваетъ: кому идти противъ нихъ? Кузьма сказалъ: о такое пустое войско мнѣ рукъ не стоитъ марать, иди ты и приколи ихъ. Ерусланъ Лазаревичъ выѣхалъ и побилъ все войско. Царь выслалъ вдвое больше, но и это войско побилъ Алеша Поповичъ. Царь, видя, что съ богатырями трудно справиться, вздумалъ помириться и послалъ князей своихъ и бояръ къ Кузьмѣ, какъ къ старшему богатырю, съ подарками и съ просьбою пожаловать къ нему во дворецъ.

Пришли къ Кузьмѣ князья и бояре и сказали: сильный и храбрый богатырь Кузьма Скоробогатый! не вели насъ казнить, а позволь слово выговорить.—Говорите, отвѣчалъ Кузьма. Тогда они сказали: царь нашъ, узнавъ, что вы богатыри сильные, храбрые и воинственные, просить у васъ прощенія и приглашаетъ къ себѣ во дворецъ. Тогда Кузьма вмѣстѣ съ братьями поѣхалъ къ царю во дворецъ. Царь встрѣтилъ ихъ съ низкими поклонами и повелъ въ свои хоромы, а потомъ сдѣлалъ для нихъ большой пиръ. Кузьма съ братьями такъ были довольны приемомъ и угощеніемъ царя, что согласились остаться жить у него при дворцѣ.

У царя этого была дочь красавица

изъ красавицъ, первая во всемъ свѣтѣ. Панъ китайскій посваталъ ее за своего сына, а царь не хотѣлъ отдать и отказалъ. Панъ китайскій, разсердившись за это на царя, объявилъ ему войну. Царь послалъ сказать Пану китайскому, что онъ нисколько не боится его, потому что у него при дворѣ есть такіе богатыри, что однимъ взмахомъ восьми побиваютъ. Панъ китайскій послалъ войско въ триста тысячъ человѣкъ, а царь противъ него выслалъ одного Кузьму Скоробогатаго, который выѣхалъ на своей худой лошаденкѣ и ничѣмъ ни вооруженный, только одинъ косарь былъ воткнуть за поясомъ. Увидавъ такое огромное войско, Кузьма сначала было струсилъ, но потомъ оправился. Войско Пана китайскаго расположилось на широкомъ зеленомъ лугу. Подъѣхавъ къ войску, Кузьма сошелъ съ лошади, привязалъ ее къ березѣ, а самъ сѣлъ на камень и сталъ натачивать свой косарь. Панъ китайскій выслалъ противъ Кузьмы одного китаецъ, который былъ похрабрѣе всѣхъ, и велѣлъ ему дѣлать то же, что станетъ дѣлать Кузьма. Выѣхалъ китаецъ, сѣлъ на другой камень противъ Кузьмы и также сталъ натачивать свой ножъ. Потомъ Кузьма подошелъ къ китаецу и поклонился ему до земли. Тоже сдѣлалъ и китаецъ. Кузьма въ это время ударилъ

его косаремъ по шеѣ и китаецъ упалъ мертвый. Когда это увидѣли китайцы, то бросились на него. Кузьма вскочилъ на лошадь, но позабылъ ее отвязать отъ березы и давай хлестать что было силы. Гдѣ взялась и сила у лошади: поднялась на дыбы, вырвала березу съ корнемъ и понеслась на китайцевъ. Китайцы подъ нею падали какъ снопы, давили другъ друга, а береза ихъ хлестала и била. И такъ было побито все войско.

Царь китайскій, узнавъ о разбитіи своего войска, поскорѣе заключилъ съ царемъ миръ и заплатилъ ему большую дань. Кузьму царь встрѣтилъ съ почетомъ и въ благодарность за побѣду женилъ на своей дочери. Когда же царь умеръ, Кузьма сдѣлался наследникомъ его царства и сталъ жить да поживать и меньшихъ своихъ братьевъ не забывать.

Кумъ разбойникъ.

илъ въ одной деревнѣ бѣдный крестьянинъ. У него родился сынъ и пошелъ онъ по своимъ сосѣдямъ звать когонибудь въ кумовья. Вышелъ на дорогу и встрѣтился съ разбойникомъ; пригласилъ его къ себѣ въ кумовья и тотъ согла-

силея. Когда окрестили младенца, кумь подарилъ ему много денегъ, такъ что отецъ изъ бѣдняка сталъ богатымъ человѣкомъ и открылъ на эти деньги лавку и постоянный дворъ. Когда мальчикъ выросъ и началъ выбѣгать на улицу, ребяташки и стали дразнить его, что отецъ крестный у него разбойникъ и даже отца попрекали, что онъ разжился на разбойническія деньги. Мужикъ не полюбилось это, онъ пошелъ въ судъ и объявилъ, что кумъ его — разбойникъ. Судьи пріѣхали въ домъ крестьянина съ солдатами и велѣли крестьянину пригласить кума къ себѣ въ гости. Разбойникъ и его товарищи, предвидя опасность, напоили солдатъ пьяными и заперли ихъ въ сѣноваль. Когда же судьи захотѣли схватить кума за столомъ, онъ выстрѣлилъ три раза изъ пистолета въ потолокъ. Комната наполнилась дымомъ и онъ въ это время выбѣжалъ на дворъ и затѣмъ скрылся со своими товарищами въ лѣсу. Долго ихъ искали, но не могли найти, между тѣмъ они подожгли постоянный дворъ и лавку и мужикъ сталъ такимъ же бѣднякомъ, какъ и прежде.

Черезъ годъ послѣ этого разбойникъ приходитъ къ мужикъ и спрашиваетъ: какъ тотъ поживаетъ и каково живетъ его крестникъ? и попросилъ, чтобы привели и показали ему мальчика. Когда маль-

чикъ пришелъ, разбойникъ сказалъ, что принесъ ему въ подарокъ красный колпакъ и сталъ примѣрять колпакъ на голову своего крестника. — Какъ разъ впору! сказалъ онъ, и разрубилъ мальчику топоромъ голову. Записано мною лично въ Кадниковскомъ уѣздѣ со словъ крестьянъ.

Калѣкинъ сынъ.

Жилъ одинъ богатый купецъ по имени Марко. Онъ былъ знакомъ и гостился со всѣми знатными вельможами и даже съ самимъ царемъ. Когда у него родилась дочь, онъ созвалъ къ себѣ гостей и во время пира сказалъ имъ: я со всѣми знакомъ и ко мнѣ ходятъ въ гости всѣ, не бывалъ только Іисусъ Христось. Гости на это сказали ему: постели бархатные ковры при входахъ въ комнаты, такъ онъ и придетъ. — Марко тотчасъ-же приказалъ постлать бархатные ковры при входѣ въ каждую комнату. Вскорѣ по этимъ коврамъ пришелъ бѣдно-одѣтый странникъ (это былъ Іисусъ Христось) и попросился переночевать. Увидѣвъ его, Марко сказалъ: какъ ты смѣешь входить сюда, когда у меня гости? и велѣлъ ему идти на задній дворъ.

Ночью къ страннику явился ангелъ и сказалъ, что у калѣки убогаго родился сынъ. Странникъ на это отвѣтилъ, что этотъ сынъ женится на дочери купца Марко.—Разговоръ этотъ подслушала служанка и передала Марку.—Не будетъ этого никогда! сказалъ Марко, — неприлично знатной купеческой дочери выходить за калѣкина сына! и приказалъ взять у калѣки родившагося ребенка и бросить въ снѣгъ. Но ребенокъ не умеръ отъ холода: снѣгъ вокругъ его растаялъ и выросли цвѣты.

Случилось, что мимо этого мѣста, гдѣ лежалъ ребенокъ, проѣзжали купцы; услыхавъ плачь, они подняли ребенка, взяли его и привезли въ городъ. А такъ какъ они были знакомы съ Маркомъ, то остановились у него и рассказали о своей находкѣ. Марко упросилъ ихъ продать ему ребенка и, когда купцы уѣхали, велѣлъ слугамъ своимъ, засмоливъ бочку, положить въ нее ребенка и бросить въ море. Бочка долго плавала въ морѣ и, наконецъ, ее прибило волнами къ одному очень бѣдному монастырю. Изъ монастыря въ это время пришелъ за водой монахъ. Увидѣвъ бочку и услыхавъ въ ней плачь ребенка, онъ созвалъ прочихъ монаховъ. Вытащили на берегъ бочку, разбили, вынули ребенка и взяли его въ монастырь.

Съ этого времени монастырь сталъ

богатѣть. Когда мальчикъ выросъ, его поставили пѣть на клиросѣ. Голосъ у него былъ такъ пріятенъ, что не только изъ ближайшихъ окрестностей, но и изъ дальнихъ мѣстъ пріѣзжали послушать его пѣнія и помолиться въ монастырѣ. Въ числѣ богомольцевъ пріѣхалъ однажды въ этотъ монастырь и купецъ Марко. Увидѣвъ мальчика онъ узналъ его и сталъ просить настоятеля монастыря продать ему этого мальчика. Настоятель долго не соглашался, но, наконецъ, продалъ его за большія деньги. Купивъ мальчика, Марко послалъ его съ письмомъ къ своей женѣ съ приказаніемъ убить посланнаго. Дорогою мальчика встрѣтилъ странникъ и, распросивъ его обо всемъ подробно, взялъ отъ него письмо, положилъ сначала на одну руку, потомъ на другую и возвратилъ.—Придя въ домъ Марка, мальчикъ подалъ письмо женѣ Марка, которая, прочитавъ его, велѣла немедленно обвинять посланнаго на своей дочери. Когда Марко пріѣхалъ и спросилъ жену: убили ли того молодого человѣка, съ которымъ было послано письмо, жена изумленная, сказала, что въ письмѣ было написано, напротивъ, какъ можно скорѣе обвинять его на нашей дочери, а не убить. Марко попросилъ письмо и въ немъ дѣйствительно оказалось, что было написано такъ, какъ говорила

жена. Дѣлать было нечего. Но Марко, желая во что бы то ни стало погубить калѣкина сына, приказалъ своимъ рабочимъ на фабрикѣ вскипятить большой котелъ воды и наказалъ при этомъ, что когда ночью придетъ человекъ, бросить его въ этотъ котелъ, не смотря ни на что, даже если бы онъ сталъ называть себя хозяиномъ. Затѣмъ онъ позвалъ своего зятя и сказалъ ему, чтобы онъ сходилъ ночью на фабрику посмотреть за рабочими, не лѣнятся ли они. Но дочь Маркова уговорила своего мужа не ходить до утра и онъ послушавшись ее, не пошелъ. Марко, желая посмотреть, какъ бросятъ въ котелъ ненавистнаго зятя, самъ отправился въ полночь на фабрику. Рабочіе увидѣвъ его, схватили и, не смотря на то, что онъ кричалъ, называя себя хозяиномъ, бросили его въ котелъ съ кипящей водой, гдѣ онъ и умеръ. А калѣкинъ сынъ сдѣлался наследникомъ своего тестя и обладателемъ всего его богатства.

Баба и Волкъ.

оѣхала баба въ лѣсъ за дровами, а на встрѣчу ей волкъ. И хочетъ волкъ съѣсть лошадь.— Не тронь лошади! говоритъ, я за это тебѣ *потоубауку* скажу. Любопытно стало волку узнать *потоубауку* и онъ не тронулъ лошади.

Баба благополучно привезла домой дрова. На другой день опять поѣхала за дровами. Волкъ опять вышелъ и хотѣлъ съѣсть лошадь. Баба обѣщала сказать волку *теплушку*, только бы онъ не тронулъ ея лошади. Волкъ опять оставилъ. На третій день снова тоже. Баба обѣщала сказать волку *крѣпушку*. Такимъ образомъ баба навозила дровъ, натопила жарко свою избушку и лежитъ на печи. Пришелъ волкъ и требуетъ лошади или же объясненія *потаубауки*—*Потомъ баба въ лѣсъ не поѣдетъ*, вотъ что значитъ *потоубаука*, сказала баба, лежа на печи. Очень осердился волкъ и убѣжалъ въ лѣсъ, но вспомнилъ, что баба обѣщала объяснить ему *теплушку*, воротился и требуетъ лошади или же объясненія *теплушки*.—*Тепло бабѣ на печи лежать*—вотъ что значитъ

теплушка, отвѣчала баба, продолжая лежать на печи. Осердился волкъ болѣ прежняго и убѣжалъ въ лѣсъ, но голодъ скоро заставилъ вернуться за лошадыю. Снова постучался онъ у воротъ и требуетъ у бабы лошади или же объясненія *крѣпушки*. — *Крѣпко у бабы ворота заперты* — вотъ что значитъ крѣпушка, отвѣчала баба.

Воротился волкъ въ свой лѣсъ голодный и съ досады заплакалъ. Такъ баба запаслась дровами на цѣлую зиму, а волку жаловаться на бабу было нельзя: она ему всѣ три слова объяснила.

НѢМЫЯ ДОЧКИ.

Жилъ старикъ со старухой, а у нихъ были три дочки и всѣ три нѣмыя, да и умомъ то ихъ Богъ обидѣлъ. Вотъ старуха захворала и умерла. Остался одинъ старикъ и думаетъ: что я буду дѣлать съ нѣмыми? Развѣ жениться мнѣ? По крайней мѣрѣ когда умру, такъ у моихъ дочерей будетъ мать, авось она ихъ какънибудь пристроить.

Женился старикъ на молодой и хитрой бабѣ, но недолго пожилъ и умеръ. Осталась мачиха съ нѣмыми падчерицами

и стала думать, какъ бы ихъ съ хлѣба долой сбыть. Подумала и порѣшила отдать замужъ. Стала она жениховъ прискивать да дочекъ наряжать. Прискала жениха и говоритъ дочкамъ: сегодня придетъ женихъ, такъ вы при немъ ничего не говорите, а то онъ какъ узнаетъ, что вы нѣмыя, ни которую изъ васъ не возьметъ: сидите да молчите.

Пришелъ женихъ. Мать посадила его за столъ, а рядомъ съ нимъ ту дочку, которая была всѣхъ покрасивѣе; другая сѣла на лавку, а третья на полати. Стала баба угощать жениха; подала на столъ щей, а говядину въ блюдѣ оставила на шесткѣ и сама сѣла съ нимъ за столъ. Въ это время вскочила на шестокъ кошка и стала ѣсть говядину. Увидала это съ полатей третья дочка и закричала: мачиха, мачиха! коха-то мяхо ѣсть! Вторая, которая сидѣла на лавкѣ, и говоритъ ей: мохи ты, мохи! А третья перекрестилась да и сказала: слава тебѣ Бохи, что я-то промохала! Женихъ какъ услышалъ это, вышелъ изъ-за стола и бѣгомъ домой, а къ дѣвкамъ больше ни одинъ женихъ и не посватался.

Ванька-дуракъ.

Дилъ старикъ со старухой, у нихъ былъ сынъ — Ванька-дуракъ. Пошелъ дуракъ въ лѣсъ и попалась ему на встрѣчу маленькая собачка. И захотѣлось дураку ее поймать, и давай за нею бѣгать. Собачка отъ него въ лѣсъ и онъ за нею; собачка и залѣзла подъ корень одного дерева, и дуракъ полѣзъ за нею и увидѣлъ тамъ котелъ съ деньгами, запомнилъ это мѣсто и пошелъ домой. Приходитъ и говоритъ своему отцу: вотъ что, батюшка пойдёмъ-ка въ лѣсъ: я тамъ нашелъ котелъ съ деньгами. Старикъ послушалъ дурака, взялъ запрягъ лошадь и поѣхали. Приѣхали въ лѣсъ — вѣрно нашли котелъ, навалили на телѣгу и поѣхали домой. Старикъ и заказываетъ своему сыну: Ванька, никому не сказывай, что нашли деньги. — Дураку гдѣ утернѣтъ, чтобы не сказать! пошелъ на улицу гулять и увидалъ его конь. — Ванюха, поди-ка сюда! — Дуракъ подошелъ къ коню, конь и сталъ спрашивать; Ванька, скажи: куда давеча ѣздили съ отцомъ? — Куда? въ лѣсъ за деньгамъ. — Полно врать, дуракъ! — Ну право не вру. — Конь этому все-таки не повѣрилъ. — Дуракъ пришелъ домой и го-

ворить ему отецъ: Ванька, поди, ужъ сказаль кому нибудь про деньги?—Сказаль поцу.—Давай его бранить отецъ.—Ну, не брани, батька, поцъ не скажетъ, я пойду оторву ему голову. И пошелъ дуракъ къ поцу. Поцъ въ то время возилъ навозъ, рабочихъ у него не было. Пришелъ дуракъ и оторвалъ поцу голову; туловище успряталъ подъ солому: былъ возъ привезенъ, а голову принесъ домой и бросилъ на вышку! И сказываетъ своему отцу: ну, батька, топерече поцъ не скажетъ, я ему оторвалъ голову.—Ой, Ванька, дуракъ, дуракъ! Куда-жъ дѣвалъ голову-то?—Принесъ домой и бросилъ на вышку...

Взявши, старикъ зарѣзалъ козла и положилъ на то мѣсто козлячью голову, а попову голову обралъ. Вотъ черезъ нѣсколько часовъ хватились поца, а его и слѣдъ простылъ. Это всѣмъ на удивленье: куды дѣвался поцъ?

И пошелъ Ванюха мимо попова дому и увидала его попадья; начала спрашивать:—Ванька, не видалъ ли моего поца?—Какъ не видалъ! давеча оторвалъ ему голову.—Ой, Ванька, перестань тебѣ врать!—Не вру! поди, посмотри: на назму лежитъ въ соломѣ.

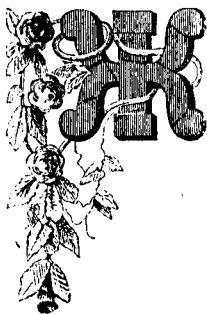
Пошли развалили солому и нашли

туту поца безъ головы, и начали спрашивать у дурака: куды дѣвалъ голову?— Куды дѣвалъ? снесъ домой и бросилъ на вышку.

И пошли къ Ванькѣ въ домъ искать поцову голову, долго искали, не нашли, а нашли козлячью и кажутъ Ванькѣ: эта Ванька?—Нѣтъ, не эта.— Такъ мы не можемъ другой найти, ступай, ищи самъ.— Ванька влѣзъ на вышку и давай ходить взялъ козлячью голову и бросилъ на повѣть: на вотъ, обирайте!—Тѣ посмотрѣли, покачали головой.—Нѣтъ Ванька, не эта, этоть не нашего приходу.

Записано мною лично въ Кадниковскомъ уѣздѣ.

Иванушка дурачекъ.

или были старикъ со старухой; у нихъ былъ одинъ сынъ Иванушка-дурачекъ. Старикъ померъ, а старуха разъ и послала Иванушку въ лѣсъ за грибамъ. Поди, Ваня, сходи за грибамъ, наберешь грибовъ, —наваримъ, да поминки сдѣлаемъ.—Ну, ладно, я пойду, мама. Взялъ пестерку большую и пошелъ въ лѣсъ, набралъ не грибовъ, а поганокъ-дехтериковъ да мухоморовъ полную пестерку и пошелъ домой. Идетъ онъ дорогой, а мужикъ сѣтъ

горохъ. Ваня и сказалъ ему: дядя! выросъ бы у ты горохъ не билле монхъ грибовъ! Мужикъ на это осердился и давай дурака теревить

Пришелъ онъ домой и плачетъ. Мать спрашиваетъ его: объ чемъ ты, Ваня плачешь? Онъ и рассказалъ. Мать ему говоритъ: дуракъ! ты не такъ сказалъ! Ты бы сказалъ: дядюшка! носить тебѣ—не выносить, возить тебѣ не вывозить, вотъ бы онъ тебя и похвалилъ.—Ну ладно, мама.—пошелъ опять, а ему на встрѣчу несутъ покойника. Поравнялся съ нимъ да и говоритъ: дядюшки, носить-бы вамъ—не выносить, возить-бы вамъ--не вывозить!—И опять дурака оттеревили.

Пошелъ домой, плачетъ. Мать спрашиваетъ: объ чемъ ты, Ваня, плачешь? Онъ и рассказалъ. Дуракъ! ты не ладно сказалъ! ты бы шѣлъ: святой Боже, вотъ бы тебя и похвалили.—Ну ладно, я пойду, мама, свою. Идетъ, а ему на встрѣчу свадебный поѣздъ. Онъ и зашѣлъ: святой Боже! Дружка выскочилъ и давай теревить дурака. Опять пошелъ домой дуракъ и плачетъ. Мать и спрашиваетъ его: о чемъ Ваня, плачешь?—Мама, я иду, ѣдетъ свадьба, я и зашѣлъ святой Боже, а они ну меня теревить!—Ой ты, дуракъ! ты бы взялъ гармонію, игралъ бы да плясалъ бы, вотъ бы тебя и похвалили.—Ну, ладно.

Идетъ, а у мужика горитъ овинъ, онъ и началъ играть въ гармонию и плясать. Увидалъ его мужикъ и давай теревить.

(Потомъ онъ заливаешь свинью, которую начали палить. Мать говоритъ: ты бы сказалъ: этимъ-то кусочкомъ о Христовѣ дни не стыдно разговѣться. Дуракъ пошелъ и натолкнулся на человѣка, отправляющаго естественную надобность, сказалъ, что велѣла мать, и былъ опять побитъ. Мать говоритъ: ты бы плюнулъ да отошелъ. Дуракъ встрѣчаетъ поца съ крестомъ и плюетъ. Мать говоритъ: ты бы сказалъ: батюшка, благослови меня! Наконецъ онъ попадаетъ на медвѣдя, просить у него благословенія и медвѣдь его разрываетъ).

Кощей безсмертной.

ывало - живало — въ нѣкоторомъ государствѣ былъ-жилъ царь и царица; у нихъ родился сынъ Иванъ-Царевичъ. Няньки его качаютъ, никакъ укачать не могутъ; зовутъ отца: „царь-великой государь! поди, самъ качай своего сына.“

Царь началъ качать: „спи, сынокъ! спи. возлюбленной! вырастишь большой, со-сватаю за тебя Непаглядную Красоту,

трехъ мамокъ дочку, трехъ бабокъ внучку, девяти братьевъ сестру“. Царевичъ уснулъ и проспалъ трое сутокъ; пробудился—пуще прежняго расплакался. Няньки качаютъ, никакъ укачать не могутъ; зовутъ отца: „царь-великой государь! поди, качай своего сына“. Царь качаетъ, самъ приговариваетъ: „спи сынокъ! спи, возлюбленной! вырастишь большой, сосватаю за тебя Ненаглядную Красоту, трехъ мамокъ дочку, трехъ бабокъ внучку, девяти братьевъ сестру.“ Царевичъ уснулъ, и опять проспалъ трое сутокъ; пробудился, еще пуще расплакался. Няньки качаютъ, никакъ укачать не могутъ: „поди, великой государь! качай своего сына“. Царь качаетъ, самъ приговариваетъ: „спи, сынокъ! спи, возлюбленной! вырастишь большой, сосватаю за тебя Ненаглядную Красоту, трехъ мамокъ дочку, трехъ бабокъ внучку, девяти братьевъ сестру.“ Царевичъ уснулъ, и опять проспалъ трое сутокъ. Пробудился и говоритъ: „давай батюшка, свое благословеніе; я поѣду жениться.“--Что ты, дитятко! куда поѣдешь? ты всего девятисуточной! „Дашь благословеніе—поѣду, и не дамъ—поѣду!“—Ну, поѣзжай! Господь съ тобой! Иванъ-царевичъ срядился и пошелъ коня доставать; отошелъ немало отъ дому и встрѣ-

тилъ стараго человѣка. „Куда, молодецъ, пошелъ? волей, али неволей“?—Я съ тобой и говорить не хочу! отвѣчалъ царевичъ, отошелъ немного и одумался: «что-же я старику ничего не сказалъ? стары люди на умъ наводятъ.» Тотчасъ настигъ старика: „постой, дѣдушка! про что ты меня спрашивалъ“?—Спрашивалъ: куда идешь, молодецъ? волей, али неволей? „Иду я сколько волею, а вдвое неволею. Былъ я въ малыхъ лѣтахъ, качалъ меня батюшка въ выбкѣ, судилъ за меня высватать Ненаглядную Красоту, трехъ мамокъ дочку, трехъ бабокъ внучку, девяти братьевъ сестру.“—Хорошъ молодецъ, учливо говоришь! Только пѣшему тебѣ не дойти—Ненаглядная Красота далеко живетъ. „Сколь далеко?“—Въ золотомъ царствѣ, поконѣцъ свѣту бѣлаго, гдѣ солнышко восходитъ. „Какъ-же быть-то мнѣ? Нѣтъ мнѣ молодцу по плечу коня иеѣзжалаго, ни плеточки шелковой-недержалой.“ - Какъ нѣтъ! у твоего батюшки есть тридцать лошадей—всѣ какъ одна; поди домой, прикажи конюхамъ напоить ихъ у синя моря: которая лошадь напередъ выдвинется, забредетъ въ воду по самую шею, и какъ станетъ пить—на синемъ морѣ начнутъ волны подыматься, изъ берега въ берѣгъ колыхаться, ту и бери! „Спасибо на до-

бромъ словѣ, дѣдушка“! Какъ старикъ научилъ, такъ царевичъ и сѣдлалъ; выбралъ себѣ богатырскаго коня, ночь переночевалъ, поутру рано всталъ, растворилъ ворота и собирается ѣхать. Проговорилъ ему конь человѣческимъ языкомъ: «Иванъ царевичъ! припади къ землѣ; я ты (тебя) трижды пихну». Разъ пихнулъ, и другой пихнулъ, а въ третій не сталъ: «ежели въ третій пихнуть, насъ съ тобой земля не снесетъ!» Иванъ-царевичъ выхватилъ коня съ цѣпей, осѣдлалъ, сѣлъ верхомъ— только и видѣлъ царь своего сына! Ёдетъ далекимъ-далеко, день коротается, къ ночи подвигается; стоитъ дворъ что городъ, изба что теремъ. Приѣхалъ на дворъ— прямо ко крыльцу, привязалъ коня къ мѣдному кольцу, въ сѣни да въ избу, Богу помолился, ночевать попросился. «Ночуй, доброй молодецъ! говоритъ ему старуха; куды ты Господь понесъ?» — Ахъ ты, старая сука! неучливо спрашиваешь. Прежде напоѣ-накорми, на постелю повали, втѣпоръ и вѣстей спрашивай. Она его накормила-напоила, на постелю повалила и стала вѣстей выпрашивать. «Былъ я, бабушка, въ малыхъ лѣтахъ, качалъ меня батюшка въ выбкѣ, сулилъ за меня Ненаглядную Красоту, трехъ мамокъ дочку, трехъ бабокъ внучку, девяти братьевъ

сестру. — Хорошъ молодець! учливо говоришь. Я седьмой десятокъ доживаю, а про эту красоту слыхомъ не слыхала, Впереди по дорогѣ живетъ моя большая сестра, можетъ—она знаетъ; поѣзжай-ка завтра къ ней, а теперь усни: утро вечера мудренѣе! Иванъ-царевичъ ночь переночевалъ, поутру всталъ раненько, умылся бѣленько, вывелъ коня, осѣдлалъ, въ стремяно ногу клалъ—только его и видѣла бабушка! Ёдетъ онъ далекимъ-далеко, высокимъ-высоко, день коротается, къ ночи подвигается; стоитъ дворъ что городъ, изба что теремъ. Приѣхалъ ко крыльцу, привязалъ коня къ серебряному кольцу, въ сѣни да въ избу, Богу помолился, ночевать попросился. Говорить старуха: „фу-фу! доселева было русской коски видомъ не видать, слыхомъ не слыхать, а нонѣ русская коска сама на дворъ приѣхала. Откуль, Иванъ-царевичъ, взялся?“ -- Что ты старая сука, расфукалась, не учливо спрашиваешь? Ты бы прежде накормила-напоила, на постелю повалила, тожно-бы вѣстей спрашивала. Она его за столъ посадила, накормила-напоила, на постелю повалила; сѣла въ головы и спрашиваетъ: „куды ты Богъ понесъ?“ — Былъ я, бабушка, въ малыхъ лѣтахъ, качалъ меня батюшка въ зыбкѣ, сулилъ за меня

Ненаглядную Красоту, трехъ мамокъ дочку, трехъ бабокъ внучку, девяти братьевъ сестру. „Хорошъ молодецъ! учливо говоришь, Я восьмой десятокъ доживаю, а про эту красоту еще не слыхивала. Впереди по дорогѣ живетъ моя большая сестра, можетъ—она знаетъ; есть у ней на то отвѣтки: первые отвѣтки—звѣрь лѣсной, другіе отвѣтки—птица воздушная, третьи отвѣтки—рыба и гадъ водной; что ни есть на бѣломъ свѣтѣ—все ей покоряется. Поѣзжай-ка завтра къ ней; а теперь усни: утро вечера мудренѣе!“ Иванъ-царевичъ ночь переночевалъ, всталъ раненько, умылся бѣленько, сѣлъ на коня—и былъ таковъ! Ѣдетъ далекимъ-далеко, высокимъ-высоко, день коротается, къ ночи подвигается; стоитъ дворъ что городъ, изба что теремъ. Приѣхалъ ко крыльцу, прицѣпилъ къ золотому кольцу, въ сѣни да въ избу, Богу помолился, ночевать попросился. Закричала на него старуха: «ахъ, ты такой-сякой! желѣзнаго кольца недостойнъ, а къ золотому коня привязалъ.»—Хорошо, бабушка! не бранись: коня можно отвязать, за иное кольцо привязать. «Что, доброй молодецъ, задала тебѣ страху! а ты не страшись, да на лавочку садись, а я стану спрашивать: изъ какихъ ты родовъ, изъ какихъ горо-

довъ?»—Эхъ, бабушка! ты бы прежде накормила-напоила, втѣпоръ вѣстей поспрошала; видишь—человѣкъ съ дороги, весь день не ѣлъ! Въ тотъ часъ старуха столъ поставила, принесла хлѣба-соли, налила водки стаканъ, и принялась угощать Ивана-царевича. Онъ наѣлся-напился, на постелю повалился; старуха не спрашиваетъ, онъ самъ ей рассказываетъ: «былъ я въ малыхъ лѣтахъ, качалъ меня батюшка въ зыбкѣ, сулилъ за меня Ненаглядную Красоту, трехъ мамокъ дочку, трехъ бабокъ внучку, девяти братьевъ сестру. Сдѣлай милость, бабушка! скажи: гдѣ живетъ Ненаглядная Красота и какъ до нея дойти?»—И сама, царевичъ, не вѣдаю; вотъ ужъ девятой десятокъ доживаю, а про эту красоту еще не слыхивала. Ну, да усни съ Богомъ; заутро соберу моихъ отвѣтчиковъ—можетъ, изъ нихъ кто знаетъ. На другой день встала старуха раненько, умылась бѣленько, вышла съ Иваномъ-царевичемъ на крылечко, и скричала богатырскимъ голосомъ, сосвистала молодецкимъ посвистомъ. Крикнула по морю: «рыбы и гадъ водяной! идите сюда.» Тотчасъ си-не море всколыхалось, собирается рыба и большая и малая, собирается всякой гадъ, къ берегу идетъ—воду укрываетъ. Спрашиваетъ старуха: гдѣ живетъ Нена-

глядная Красота, трехъ мамокъ дочка, трехъ бабокъ внучка, девяти братьевъ сестра? Отвѣчаютъ всѣ рыбы и гады въ одинъ голосъ: «видомъ не видали, слыхомъ не слыхали!» Крикнула старуха по землѣ: «собирайся звѣрь лѣсной!» Звѣрь бѣжитъ, землю укрываетъ, въ одинъ голосъ отвѣчаетъ: «видомъ не видали, слыхомъ не слыхали!» Крикнула старуха по поднебесью: «собирайся, птица воздушная!» Птица летитъ, денной свѣтъ укрываетъ, въ одинъ голосъ отвѣчаетъ: «видомъ не видали, слыхомъ не слыхали!»—Больше некого спрашивать! говоритъ старуха, взяла Ивана-царевича за руку и повела въ избу; только вошли туда, налетѣла Моголь-птица, пала на землю—въ окнахъ свѣту не стало. «Ахъ ты, птица Моголь! гдѣ была-гдѣ летала, отчего запоздала?»—Ненаглядную Красоту къ обѣднѣ сряжала. «Того мнѣ и надоть! сослужи мнѣ службу вѣрою-правдою: снеси туда Ивана-царевича.»—Рада бы—сослужила, много пропитанья надоть! «Сколь много?»—Три сороковки говядины да щ(ч)анъ воды. Иванъ-царевичъ налилъ щанъ воды, накунилъ быковъ, набилъ и наклакъ три сороковки говядины, уставилъ тѣ бочки на птицу, побѣжалъ въ кузницу и сковалъ себѣ коные длинное, желѣзное. Во-

ротился и сталъ со старухой прощаться: «прощай говорить, бабушка! корми моего добраго коня сыто—я тебѣ за все заплачу.» Съѣлъ на Моголь-птицу—въ ту-жъ минуту она поднялась и полетѣла. Летитъ, а сама безперечь оглядывается: какъ оглянется, Иванъ-царевичъ тотчасъ подаетъ ей на копьѣ кусъ говядины. Вотъ летѣла-летѣла не мало времени, царевичъ двѣ бочки скормилъ, за третью принялся, и говоритъ: «ой, птица Моголь! пади на сыру землю, мало пропитанья стало.»—Что ты, Иванъ-царевичъ! здѣсь лѣса дремучіе, грязи вязучія—намъ съ тобой поконецъ вѣка не выбраться. Иванъ-царевичъ всю говядину скормилъ и бочки спихалъ, а Моголь-птица летитъ оборачивается. Что дѣлать? думаетъ царевичъ, вырѣзалъ изъ своихъ ногъ икры далъ птицѣ; она проглотила, вылетѣла на луга зеленые, травы шелковыя, цвѣты лазоревые, и пала наземь. Иванъ-царевичъ всталъ, идетъ по лугу—разминается, на обѣ ноги прихрамываетъ. „Что ты, царевичъ! али хромаешь?“—Хромаю, Моголь-птица! давеча изъ ногъ своихъ икры вырѣзалъ да тебѣ скормилъ. Моголь-птица выхаркнула икры, приложила къ ногамъ Ивана-царевича, дунула-плюнула, икры приросли—и пошелъ царевичъ и крѣпко и бодро. При-

шелъ въ большой городъ и присталъ отдохнуть къ бабушкѣ-задворенкѣ. Говорить ему бабушка-задворенка: «спи, Иванъ-царевичъ! заутро, какъ ударятъ въ колоколъ, я тебя разбуджу.» Легъ царевичъ и тотчасъ уснулъ; день спитъ, ночь спитъ... зазвонили къ заутренѣ, прибѣжала бабушка-задворенка стала его будить, что ни попадетъ въ руки— тѣмъ и бьетъ, нѣтъ, не могла сбудить. Отошла заутреня, зазвонили къ обѣднѣ, Ненаглядная Красота въ церковь поѣхала; прибѣжала бабушка-задворенка, принялась опять за царевича бьетъ его чѣмъ ни попадя, насилу-насилу разбудила. Вскочилъ Иванъ-царевичъ скорехонько, умылся бѣлехонько, снарядился и пошелъ къ обѣднѣ. Пришелъ въ церковь, образамъ помолился, на всѣ стороны поклонился, Ненаглядной Красотѣ на особицу; стоятъ они рядомъ да Богу молятся. На отходѣ обѣдни она первая подъ крестъ, онъ второй за ней. Вышелъ на рундукъ, глянулъ на сине море—идутъ корабли; наѣхало шесть богатырей свататься. Увидали богатыри Ивана-царевича и ну насмѣхаться: „ахъ ты, деревенская зобенка! по тебѣ-ль такая красавица? не стоишь ты ей мизиннаго пальчика!“ Разъ говорятъ, и въ другой говорятъ, а въ третій сказали—ему бѣдно стало: ру-

кой махнулъ—улица, другой махнулъ—чисто, гладко кругомъ! Самъ ушелъ къ бабушкѣ-задворенкѣ. «Что, Иванъ-царевичъ, видѣлъ Ненаглядную Красоту?»— Видѣлъ, по вѣкъ не забуду. „Ну, ложись спать; завтра она опять къ обѣднѣ пойдетъ; какъ ударить колоколъ, я тебя разбужу.“ Легъ царевичъ; день спитъ, ночь спитъ... зазвонили къ заутренѣ, прибѣжала бабушка-задворенка, стала будить царевича, что ни попадетъ подъ руки—тѣмъ и бьетъ его; нѣтъ, не могла разбудить. Зазвонили къ обѣднѣ, она опять его бьетъ и будитъ. Вскочилъ Иванъ-царевичъ скорехонько, умылся бѣлехонько, снарядился и въ церковь. Пришелъ, образамъ помолился, на всѣ на четыре стороны поклонился, Ненаглядной Красотѣ на особицу; она на него глянула—покраснѣла. Стоять они рядышкомъ да Богу молятся; на исходѣ обѣдни она первая подъ крестъ, онъ второй за ней. Вышелъ царевичъ на рундукъ, поглядѣлъ на сине море—плывутъ корабли, наѣхало двѣнадцать богатырей; стали тѣ богатыри Ненаглядную Красоту сватать, Ивана-царевича на смѣхъ подымать: «ахъ ты, деревенская зобенка! по тебѣ-ль такая красавица? не стоишь ты ея мизиннаго пальчика!» Отъ тѣхъ рѣчей ему бѣдно показалось;

махнулъ рукой—стала улица, махнулъ другой—чисто и гладко кругомъ! Самъ къ бабушкѣ-задворенкѣ ушелъ. «Видѣлъ ли Ненаглядную Красоту?» спрашиваетъ бабушка-задворенка. «Видалъ, по вѣкъ не забуду.»—Ну, спи; заутро я тебя опять разбуджу. Иванъ-царевичъ день спитъ и ночь спитъ; ударили въ колоколъ къ заутренѣ, прибѣжала бабушка-задворенка будить его; чѣмъ ни пощада бьетъ его, не жалѣючи, а разбудить никакъ не можетъ. Ударили въ колоколъ къ обѣднѣ, она все съ царевичемъ возится. Насилу добудилась его! Иванъ-царевичъ вскочилъ скорехонько, умылся бѣлехонько, снарядился и въ церковь. Пришелъ, образамъ помолился, на всѣ на четыре стороны поклонился, Ненаглядной Красотѣ на особицу; она съ нимъ поздоровалась, поставила его но правую руку, а сама стала по лѣвую. Стоять они да Богу молятся; на исходѣ обѣдни онъ первой подъ крестъ, она вторая за нимъ. Вышелъ царевичъ на рундукъ, поглядѣлъ на сине море—плывутъ корабли, наѣхало двадцать четыре богатыря Ненаглядную Красоту сватать. Увидали богатыри Ивана-царевича и ну надъ нимъ насмѣхаться: «ахъ ты деревенская зобенка! по тебѣ-ль такая красавица? ты не стоишь ея мизиннаго пальчика!»! Стали

къ нему со всѣхъ сторонъ подступать да невѣсту отбивать; Иванъ-царевичъ не стерпѣлъ: махнулъ рукой—улица, махнулъ другой—гладко и чисто кругомъ, всѣхъ до единого перебилъ. Ненаглядная Красота взяла его за руку, повела въ свои терема, сажала за столы дубовые, за скатерти бранныя, угощала его-подчивала, своимъ женихомъ называла. Вскорѣ потомъ собрались они въ путь-дорогу и поѣхали въ государство Ивана-царевича. Ъхали-ѣхали, и остановились въ чистомъ полѣ отдыхать. Ненаглядная Красота спать легла; а Иванъ-царевичъ ей сонъ сторожить. Вотъ она выспалась, пробудилась; говоритъ ей царевичъ: «Ненаглядная Красота! похрани моего тѣла бѣлаго, я спать лягу».—А долго-ль спать будешь? «Девятеро сутокъ, съ боку на бокъ не повернусь; станешь будить меня—не разбудишь, а время прійдетъ—самъ проснусь».—Долго Иванъ-царевичъ! мнѣ скучно будетъ. «Скучно-нескучно, а дѣлать нечего!» Легъ спать, и проспалъ какъ разъ девять сутокъ. Въ то время пріѣхалъ Кощей Безсмертной и увезъ Ненаглядную Красоту въ свое государство.

Пробудился отъ сна Иванъ-царевичъ, смотритъ—нѣту Ненаглядной Красоты; заплакалъ и пошелъ ни путемъ ни дорогою. Долго ли, коротко ли—приходить въ го-

сударство Кощея Безсмертнаго и просится на постоя къ одной старухѣ. «Что, Иванъ-царевичъ, печалень ходишь?» — Такъ и такъ, бабушка! былъ со всѣмъ, сталъ ни съ чѣмъ. «Худо твое дѣло, Иванъ-царевичъ! тебѣ Кощея не потребить (истребить)». — Я хоть посмотрю на мою невѣсту! «Ну, ложись — спи до утра; завтра Кощей на войну уйдетъ». Лёгъ Иванъ-царевичъ, а сонъ и на умъ нейдетъ; поутру Кощей со двора, а царевичъ во дворъ — сталъ у воротъ и стучится. Ненаглядная Красота отворила, глянула и заплакала; пришли они въ горницу, сѣли за столъ и начали разговаривать: Научаетъ ее Иванъ-царевичъ: «спроси у Кощея Безсмертнаго, гдѣ его смерть?» — Хорошо, спрошу. Только успѣлъ онъ со двора уйдти, а Кощей во дворъ: «а! говоритъ, русской кос(т)кой пахнетъ; знать, у тебя Иванъ-царевичъ былъ». — Что ты, Кощей Безсмертной! гдѣ мнѣ Ивана-царевича видать? остался онъ въ лѣсахъ дремучихъ, въ грязяхъ вязучихъ, по сихъ поръ звѣри съели! Стали они ужинать; за ужиномъ Ненаглядная Красота спрашиваетъ: «скажи мнѣ, Кощей Безсмертный: гдѣ твоя смерть?» — На что тебѣ, глупая баба? Моя смерть въ вѣникѣ завязана. Рано утромъ уѣзжаетъ Кощей на войну. Иванъ-царевичъ пришелъ къ Ненаглядной Красотѣ, взялъ тотъ вѣникъ

и чистымъ золотомъ ярко вызолотилъ. Только успѣлъ царевичъ уйти, а Кощей во дворъ: «а! говорить, русской коской пахнетъ; знать, у тебя Иванъ-царевичъ былъ». — Что ты, Кощей Безсмертной! самъ по Руси леталъ, русскаго духу нахватался — отъ тебя русскимъ духомъ пахнетъ. А мнѣ гдѣ видать Ивана-царевича? остался онъ въ лѣсахъ дремучихъ, въ грязяхъ вязучихъ, по сихъ поръ звѣри съѣли! Пришло время ужинать; Ненаглядная Красота сама сѣла на стулъ, а его посадила на лавку; онъ взглянулъ подъ порогъ — лежитъ вѣникъ позолоченый. «Это что? — Ахъ, Кощей Безсмертной! самъ видишь, какъ я тебя почитаю: коли ты мнѣ дорогъ, такъ и смерть твоя дорога. «Глухая баба! то я пошутилъ, моя смерть вонъ въ дубовомъ тыну задѣлана.» На другой день Кощей уѣхалъ, а Иванъ-царевичъ пришелъ, весь тынъ вызолотилъ. Къ вечеру ворочается домой Кощей Безсмертной; «а! говорить, русской коской пахнетъ; знать, у тебя Иванъ-царевичъ былъ.» — Что ты, Кощей Безсмертной! кажется, я тебѣ не разъ говаривала: гдѣ мнѣ видать Ивана-царевича? остался онъ въ лѣсахъ дремучихъ, въ грязяхъ вязучихъ, по сихъ поръ звѣри растерзали. Пришло время ужинать; Ненаглядная Красота сама сѣла на лавку, а его на стулъ посадила. Кощей взглянулъ

въ окно—стоитъ тынъ позолоченой, словно жаръ горитъ! «Это что?» — Самъ видишь, Кощей Безсмертной! какъ я тебя почитаю: коли ты мнѣ дѣрогъ, такъ и смерть твоя дорогâ. Полюбилась эта рѣчь Кощею Безсмертному, говоритъ онъ Ненаглядной Красотѣ: «ахъ ты, глупая баба! то я пошутить; моя смерть въ яйцѣ, то яйцо въ уткѣ, та утка въ кокрѣ, та кокра въ морѣ плаваетъ». Какъ только уѣхалъ Кощей на войну, Ненаглядная Красота испекла Ивану-царевичу пирожковъ и рассказала, гдѣ искать смерть Кощееву. Иванъ-царевичъ пошелъ ни путемъ-ни дорогою, пришелъ къ океанъ-мору широкому, и не знаетъ, куда дальше идти, а пирожки давно вышли — ѣсть нечего. Вдругъ летитъ ястребъ; Иванъ-царевичъ прицѣлился: «ну, ястребъ! я тебя застрѣлю да сыркомъ съѣмъ». Не ѣшь меня, Иванъ-царевичъ! въ нужное время я тебѣ пригожусь. Бѣжитъ медвѣдь; «ахъ Мишка косолапой! я тебя убью да сыркомъ съѣмъ.» — Не ѣшь, Иванъ-царевичъ! въ нужное время я тебѣ пригожусь. Глядь—на берегу щука трещетъ: «а, щука зубастая, попалася! я тебя сыркомъ съѣмъ.» — Не ѣшь, Иванъ-царевичъ! лучше въ море брось; въ нужное время я тебѣ пригожусь. Стоитъ царевичъ и думаетъ: когда-же наступитъ нужное время, а теперь голодать пришлось!

Вдругъ синё море всколыхалось, взволновалось, стало берегъ заливать; Иванъ-царевичъ бросился въ гѣбу. Что есть силъ бѣжить, а вода за нимъ по пятамъ гѣнить; взбѣжалъ на самое высокое мѣсто и взлѣзъ на дерево. Немного спустя началà вода сбывать; море стихло, улеглось, а на берегу очутилась большая кокура. Прибѣжалъ медвѣдь, поднялъ кокуру, да какъ хватить ѓземь—кокура развалилася, вылетѣла оттуда утка и взвилась высоко-высоко! Вдругъ откуда ни взялся — летить ястребъ, ноймалъ утку и вмигъ разорвалъ ее пополамъ. Выпало изъ утки яйцо, да прямо въ море; тутъ подхватила его щука, подплыла къ берегу и отдала Ивану-царевичу. Царевичъ положилъ яйцо за пазуху и пошелъ къ Кощею Безсмертному. Приходить къ нему во дворъ, и встрѣчаетъ его Ненаглядная Красота, въ уста цѣлуетъ, къ плечу припадаетъ. Кощей Безсмертнѡй сидитъ у окна да ругается: «а, Иванъ-царевичъ! хочешь ты отнять у меня Ненаглядную Красоту, такъ тебѣ живому не быть.»—Ты самъ у меня её отнял! отвѣчалъ Иванъ-царевичъ, вынулъ изъ-за пазухи яйцо и кажетъ Кощею: «а это что?—У Кощей свѣтъ въ глазахъ помутился, тотчасъ онъ присмирѣлъ покорился. Иванъ-царевичъ переложилъ яйцо съ руки на руку—Кощей Безсмертнаго изъ

угла въ уголъ бросило. Любо показалось это царевичу, давай чаще съ руки на руку перекладывать; перекладываль-перекладываль и смяль совѣмъ—тутъ Кощей свалился и померъ. Иванъ-царевичъ запрѣгъ лошадей въ золотую карету, забралъ цѣлые мѣшки серебра и золота, и поѣхалъ вмѣстѣ съ своею невѣстою къ родному батюшкѣ. Долго ли, коротко ли — пріѣзжаетъ онъ къ той самой старухѣ, что всякую тварь: рыбу, птицу и звѣря допрашивала, увидавъ своего коня: «слава Богу, говоритъ, воронко живъ!» и щедро отсыналъ старухѣ золота за его прокормъ—хоть еще девяносто лѣтъ живи, и то не прожить! Тотчасъ срядилъ царевичъ легкаго гонца и послалъ къ царю съ письмомъ, а въ письмѣ пишетъ: «батюшка! (в)стрѣчай сына; ѣду съ невѣстою Ненаглядной Красотою.» Отецъ получилъ письмо, прочиталъ, и вѣры не иметъ: «какъ тому быть!» вить Иванъ-царевичъ уѣхалъ отсель девятисуточной.» Велѣдъ за гонцомъ и самъ царевичъ пріѣхалъ; царь увидалъ, что сынъ истинную правду писалъ, выбѣжалъ на крыльцо встрѣчать и приказалъ въ барабаны бить, музыкѣ играть. «Батюшка! благослови жениться.» У царей не пиво варить, ни вино курить—всего много; въ тотъ же день веселымъ ширкомъ да за свадебку. Обвѣнчали Ивана-царевича съ

Ненаглядной Красотою, и выставили по всѣмъ улицамъ большіе щаны съ разными нашивками: всякой приходи и пей, сколько душа запроситъ! И я тутъ былъ, медъ-вино пилъ, по усамъ текло, во рту не было, Вологодской губерніи, изъ сборника Афонасьева, стр. 84.

Емельянъ дурачекъ.

Въ нѣкоторой деревнѣ жилъ мужикъ, и у него было три сына: два были умные, а третій—дуракъ, котораго звали Емельяномъ, и какъ жилъ ихъ отецъ долгое время, то и пришелъ въ глубокую старость и призвавъ къ себѣ всѣхъ сыновей, говорилъ имъ:

— Любезныя дѣти, я чувствую, что мнѣ не долго жить, то и оставляю вамъ домъ и скотъ, которые вы раздѣлите на равныя части; также оставляю вамъ денегъ, на каждаго по сту рублей.

Послѣ того вскорѣ отецъ ихъ умеръ, и дѣти похоронили его честно, жили благополучно; потомъ вздумали Емельяновы братья ѣхать въ городъ и торговать на тѣ триста рублей, которые имъ отказаны были ихъ отцомъ, то и говорили они дураку Емельяну:

— Послушай, дуракъ! мы поѣдемъ въ городъ, возьмемъ съ собою и твои сто рублей и когда приторгуемъ барышгъ, то купимъ тебѣ красный кафтанъ, красную шапку и красные сапоги, а ты останься дома; ежели что тебя заставятъ сдѣлать наши жены (ибо они были женаты), а твои невѣстки, то ты сдѣлай.

Дуракъ, желая получить красный кафтанъ, красную шапку и красные сапоги, отвѣчалъ братьямъ своимъ, что онъ дѣлать будетъ все, что только его невѣстки заставятъ. Послѣ того братья его поѣхали въ городъ, а дуракъ остался дома и жилъ съ своими невѣстками.

Потомъ, спустя нѣсколько времени, въ одинъ день, когда было зимнее время и былъ жестокий морозъ, тогда говорили ему невѣстки, чтобъ онъ сходилъ за водою; но дуракъ, лежа на печи, сказалъ:

— Да, а вы что?

Невѣстки закричали на него:

— Какъ, дуракъ, мы-то что; вѣдь ты видишь, какой морозъ, что и мужчинѣ въ пору идти.

Но онъ говорилъ:

— Я лѣнюсь.

Невѣстки опять на него закричали:

— Какъ, ты лѣнишься, вѣдь ты же захочешь ѣсть; а когда не будетъ воды,

то и сварить ничего нельзя.—Притомъ сказали:—Доброужъ, мы скажемъ своимъ мужьямъ, когда они прїѣдутъ, что хотя они и купили тебѣ красный кафтанъ и все, но чтобъ они ничего не давали.

Что слыша, дуракъ, желая получить красный кафтанъ и шапку, принужденъ былъ итти, слѣзъ съ печи и началъ обуваться и одѣваться, и какъ совсѣмъ одѣлся и взялъ съ собою ведры и топоръ, пошелъ на рѣку; ибо и деревня ихъ была подлѣ самой рѣки. И какъ пришелъ на рѣку, то и началъ прорубать прорубь, и прорубилъ чрезвычайно большую, потомъ почерпнулъ въ ведры воды и поставилъ ихъ на ледъ, а самъ стоялъ подлѣ проруби и смотрѣлъ въ воду; въ то самое время увидѣлъ дуракъ, что плавала въ той проруби пребольшая щука. Емеля, сколько ни былъ глупъ, однако пожелалъ ту щуку поймать, и для того сталъ онъ понемножку подходить и подошелъ къ ней близко, ухватилъ вдругъ ее рукою, вытащилъ изъ воды и положивъ ее за пазуху, хотѣлъ итти домой; но щука говорила ему:

— Что ты, дуракъ, на что ты меня поймалъ?

— Какъ на что?— говорилъ онъ.—И тебя отнесу домой и велю невѣсткамъ сварить.

— Нѣтъ, дуракъ, не носи ты меня домой, апусти ты меня оиять въ воду, я тебя за то сдѣлаю богатымъ человѣкомъ.

Но дуракъ ей не вѣрилъ и хотѣлъ итти домой. Щука, видя, что дуракъ ея не отпускаетъ, говорила:

— Слушай дуракъ,пусти же ты меня въ воду: я тебѣ сдѣлаю то, чего ты ни пожелаешь, то все по твоему желанію исполнится.

Дуракъ, слыша сіе, весьма обрадовался; ибо какъ онъ былъ чрезвычайно лѣнивъ, то и думалъ самъ себѣ: «Когда щука сдѣлаетъ то, чего я ни пожелаю, то все будетъ готово, и я уже работать ничего не буду». Потомъ говорилъ онъ щуцѣ:

— Я тебя отпущу, только ты сдѣлай то, что ты обѣщаешь.

На что отвѣчала щука:

— Ты преждепусти меня въ воду, а я обѣщаніе свое исполню.

Но дуракъ говорилъ ей, чтобъ она прежде свое обѣщаніе исполнила, а потомъ уже онъ ее пуститъ; щука, видя, что онъ ея не хочетъ пустить въ воду, говорила:

— Ежели ты желаешь, чтобъ я тебѣ сказала, какъ дѣлать то, чего ты не пожелаешь, то надобно, чтобъ ты теперь сказалъ, что ты хочешь.

Дуракъ говорилъ ей:

— Я хочу, чтобъ мои ведры съ водой сами пошли на гору (ибо деревня та была на горѣ), но чтобъ вода изъ нихъ не расплескалась,

Щука тотчасъ ему говорила:

— Помни же, Емельянъ, тѣ слова, которыя я стану тебѣ сказывать.

И вотъ въ чемъ тѣ слова состояли: «По щучьему велѣнью, а по моему прошенью, ступайте, ведры, сами на гору».

Дуракъ послѣ нея говорить: „По щучьему велѣнью, а по моему прошенью, ступайте, ведры, сами на гору“! И въ тотъ часъ ведры и съ коромысломъ пошли сами на гору. Емеля, видя сіе, весьма удивился; потомъ говорилъ щукѣ:

— Все ли такъ будетъ?

На что щука отвѣчала:

— Все то будетъ, чего только пожелаешь, но не забудь только тѣ слова, которыя я тебѣ сказывала.

Послѣ того пустилъ онъ щуку въ воду, а самъ пошелъ за ведрами. Сосѣди, его, видя чудо, удивлялись и говорили между собою:

— Что это дуракъ дѣлаетъ? Ведры съ водой идутъ сами, а онъ идетъ за ними.

Но Емеля, не говоря ничего съ ними,

пошелъ домой, и ведры сами вошли въ избу и стали на лавку, а дуракъ влѣзъ на печь. Потомъ спустя нѣсколько времени, говорили ему оцять невѣстки:

— Емеля, что ты лежишь? Ты бы пошелъ да дровъ нарубилъ.

Но дуракъ говорилъ:

— Да, а вы-то что?

— Какъ мы?—вскричали на него невѣстки.—Вѣдь теперь зима, а ежели ты не пойдешь рубить дровъ, такъ тебѣ же будетъ холодно.

— Я лѣнюсь,—говорить дуракъ.

— Какъ лѣнишься? — говорили ему невѣстки:—вѣдь ты же озябнешь.—Притомъ они говорили:—Ежели ты не пойдешь рубить дровъ, такъ мы скажемъ своимъ мужьямъ, чтобъ они тебѣ не давали ни краснаго кафтана ни красной шапки и сапогъ.

Дуракъ, желая получить красный кафтанъ, шапку и сапоги, принужденъ былъ нарубить дровъ; а какъ былъ онъ чрезвычайно лѣнивъ и не хотѣлось ему слѣзать съ печки, то онъ и говоритъ тихонько, на печи лежа, сіи слова:

— По щучьему велѣнью, а по моему прошенью, ну-ка, топоръ, поди и наруби дровъ, а вы, дрова, сами въ избу идите и въ печь кладитесь!

Топоръ, откуда ни взялся, выскочилъ на дворъ и началъ рубить, а дрова сами въ избу шли и въ печь клались; что видя, его невѣстки весьма удивлялись Емельяновой хитрости. И такъ каждый день, когда только дуракъ велитъ нарубить дровъ, то топоръ и нарубить; и жилъ онъ съ невѣстками нѣсколько времени. Потомъ говорили ему невѣстки:

— Емеля, теперича у насъ нѣтъ дровъ, то съѣзди въ лѣсъ и наруби.

Дуракъ имъ говорилъ:

— Да, а вы-то что?

— Какъ мы?—отвѣчали невѣстки.— Вѣдь лѣсъ нашъ далеко, а теперь зима; такъ холодно ѣхать намъ въ лѣсъ за дровами.

Но дуракъ имъ говорить:

— Я лѣнюсь.

— Какъ лѣнишься?—говорили ему невѣстки.— Вѣдь тебѣ же будетъ холодно; а ежели ты не поѣдешь, то когда пріѣдутъ твои братья, а наши мужья, то мы не велимъ тебѣ давать ни кафтана красного, ни шапки красной, ни сапогъ красныхъ.

Дуракъ, желая получить красный кафтанъ, шапку и сапоги, принужденъ былъ ѣхать въ лѣсъ за дровами; и всталъ съ печи, началъ обуваться и одѣваться, и какъ совсѣмъ одѣлся, то вышелъ на дворъ,

и вытащилъ изъ-подъ сарая сани, взялъ съ собою топоръ и сѣлъ въ сани, и говорилъ своимъ невѣсткамъ:

— Отворите ворота!

Невѣстки, видя, что онъ ѣдетъ въ саняхъ да безъ лошади, ибо дуракъ лошадей не запрягалъ, говорили ему:

— Что ты, Емеля, сѣлъ въ сани, а лошади для чего не запрягъ?

Но онъ говорилъ, что лошади ему не надобно, а только чтобъ отворили ворота. Невѣстки ему отворили; а дуракъ, сидя въ саняхъ, говорилъ:

— По щучьему велѣнью, а по моему прошенью, ну-ка, сани, ступайте въ лѣсъ!

Послѣ сихъ словъ сани тотчасъ поѣхали со двора, что видя, живущіе въ той деревнѣ мужики удивлялись, что Емеля ѣхалъ въ саняхъ и безъ лошади, и такъ шибко, что хотя бы пара была запряжена лошадей, то нельзя бы шибче ѣхать.

И какъ надобно было дураку ѣхать въ лѣсъ черезъ городъ, то и поѣхалъ онъ по оному городу; но какъ онъ не зналъ того, что надобно кричать для того, чтобъ не передавить народъ, то онъ ѣхалъ по городу, а не кричалъ, чтобъ посторонились, и передавилъ народу множество; и хотя за нимъ гнались, однако догнать

его не могли; и Емеля уѣхалъ изъ города, а пріѣхавъ къ лѣсу, остановилъ свои сани.

Дуракъ вылѣзъ изъ саней и говорилъ:

— По щучьему велѣнью, а по моему прошенью, ну-ка, топоръ, руби-ка дрова, а вы, полѣнья, сами въ сани кладитесь и вяжитесь!

Лишь только дуракъ сказалъ сіи рѣчи, то топоръ началъ рубить дрова, а полѣнья сами владлись въ сани и веревкой вязались. Послѣ того какъ нарубилъ онъ дровъ, то велѣлъ еще топорю рубить одну дубинку, и какъ топоръ вырубилъ, то онъ сѣлъ на возъ и говорилъ:

— Ну-ка, по щучьему велѣнью, а по моему прошенью, поѣзжайте, сани, домой!

Сани тотчасъ и поѣхали весьма шибко, и какъ подѣхалъ онъ къ тому городу, въ которомъ онъ уже передавилъ много народу, то и дожидались его люди, чтобъ поймать. И какъ вѣхалъ онъ въ городъ, то они его и поймали и стали тащить его съ воза долой; притомъ начали бить. Дуракъ, видя, что его тащутъ и бьютъ, потихоньку сказалъ сіи слова: «По щучьему велѣнью, а по моему прошенью, ну-ка, дубинка, отломай-ка имъ руки и ноги». Въ тотъ часъ выскочила дубинка и начала всѣхъ бить, и какъ на-

родъ бросился бѣжать, дуракъ поѣхалъ изъ города въ свою деревню, и дубинка, когда всѣхъ перебила, то покатила въ слѣдъ за нимъ же. И какъ пріѣхалъ Емеля домой, то и влѣзъ на печь; и послѣ того, какъ онъ уѣхалъ изъ города, то и стали объ немъ вездѣ говорить, не столько о томъ, что онъ передавилъ множество народу, сколько удивлялись тому, что онъ ѣхалъ въ саняхъ и безъ лошади. И мало-по-малу сіи рѣчи дошли до дворца, а потомъ и до самого короля; и какъ король услышалъ, то чрезвычайно захотѣлъ его видѣть, и для того послалъ одного офицера и далъ ему нѣсколько солдатъ, чтобъ его сыскать. Посланный отъ короля офицеръ поѣхалъ немедленно изъ города и началъ на ту дорогу, по которой ѣздилъ дуракъ въ лѣсъ. И какъ пріѣхалъ офицеръ въ ту деревню, гдѣ жилъ Емеля, то призвалъ къ себѣ старосту и сказалъ ему:

— Я присланъ отъ короля за вашимъ дуракомъ, чтобъ взять его и привезть къ королю.

Староста тотчасъ показалъ ему тотъ дворъ, гдѣ жилъ Емеля, и офицеръ, взойдя въ избу, спрашивалъ, гдѣ дуракъ, а онъ, лежа на печи, отвѣчалъ:

— На что тебѣ?

— Какъ на что? Одѣвайся скорѣе я повезу тебя къ королю.

Но Емеля говорилъ:

— А что мнѣ тамъ дѣлать?

Такъ онъ и не поѣхалъ во дворець.

Выбралъ король одного умнаго чело-
вѣка, котораго и послалъ съ тѣмъ чтобъ
какъ возможно привезть дурака, хотя об-
маномъ. Посланный отъ короля поѣхалъ,
и какъ пріѣхалъ въ ту деревню, гдѣ жи-
лъ Емеля, то призвалъ къ себѣ старосту и
говорилъ ему:

— Я присланъ отъ короля за вашимъ
дуракомъ, чтобъ его взять; а ты призови
мнѣ тѣхъ, съ кѣмъ онъ живетъ.

Староста тотчасъ побѣжалъ и при-
велъ его невѣстокъ, и посланный отъ ко-
роля спрашиваетъ ихъ, что дуракъ лю-
битъ; а невѣстки ему отвѣчали:

— Милостивый государь! нашъ ду-
ракъ любитъ, что ежели станешь его про-
сить неотступно о чемъ, и онъ откажетъ
разъ-другой, а въ третій уже не откажетъ
и сдѣлаетъ; а не любитъ онъ того, когда
съ нимъ грубо поступаютъ.

Посланный отъ короля отпустилъ ихъ
и не велѣлъ сказывать Емелѣ, что онъ
призывалъ ихъ къ себѣ; послѣ того, на-
купя изюму, черносливу и винныхъ ягодъ,

пошелъ къ дураку и какъ пришелъ въ избу, то подошелъ къ печи и говорилъ:

— Что ты, Емея, лежишь на печкѣ?

И далъ ему изюму, черносливу и вишневыхъ ягодъ и говорилъ:

— Поѣдемъ, Емея, со мною, я тебя отвезу къ королю.

Но дуракъ говорилъ:

— Мнѣ и тутъ тепло.—Ибо онъ ничего, кромѣ тепла, не любилъ.

А посланный началъ его просить:

— Пожалуйста, Емея, поѣдемъ, тамъ тебѣ будетъ хорошо.

— Да,—говорилъ дуракъ,—я лѣнюсь.

Но посланный сталъ его еще просить:

— Пожалуйста поѣдемъ; тамъ тебѣ король велитъ сшить красный кафтанъ, красную шапку и красные сапоги.

Дуракъ, услыша, что красный кафтанъ велитъ ему сшить, ежели поѣдетъ, говорить:

— Поѣзжай же ты впередъ, а я за тобой буду.

Посланный не сталъ ему болѣе докучать, отошелъ отъ него и спрашивалъ тихонько у его невѣстокъ:

— Не обманываетъ ли меня дуракъ?

Но онѣ увѣряли, что онъ уже не обманетъ.

Посланный поѣхалъ назадъ, а дуракъ

послѣ его полежалъ еще на нечи и говоритъ:

— Ахъ, какъ мнѣ не хочется къ королю ѣхать, но такъ уже и быть!

Потомъ говорилъ:

— Нут-ка, по щучьему велѣнью, а по моему прошенью, поѣзжай-ка, печь, прямо въ городъ.

Тотчасъ изба затрещала, и печь пошла вонъ изъ избы, и какъ сошла со двора, то и поѣхала печь столь шибко, что догнать нельзя. И онъ догналъ еще на дорогѣ того посланнаго, который за вимъ ѣздилъ, а съ нимъ пріѣхалъ и во дворець. И какъ король увидѣлъ, что пріѣхалъ дуракъ, то вышелъ со всѣми своими министрами его смотрѣть, и видя, что Емеля пріѣхалъ на печи, весьма король удивлялся, но дуракъ лежалъ и ничего не говорилъ. Потомъ спрашивалъ его король, для чего онъ столько передавилъ народу, какъ ѣздилъ за дровами въ лѣсъ? Но Емеля говорилъ:

— Я чѣмъ виноватъ, для чего они не посторонились?

И въ это время подошла къ окошку королевская дочь и посмотрѣла на дурака; а Емеля нечаянно взглянулъ на то окошко, въ которое она смотрѣла, и видя ее весьма прекрасною, дуракъ тихонько говорилъ:

— Кабы по щучьему велѣнью, а по

моему прошенью, влюбилась эдакая красавица въ меня!

И лишь только сіи слова выговорилъ то королевна, смотря на него, и влюбилась; а дуракъ послѣ того сказалъ:

— Ну-ка, по щучьему велѣнью, а по моему прошенью, ступай-ка, печь домой!

Въ тотъ часъ печь и поѣхала изъ дворца; и выѣхавъ за городъ, поѣхала домой, а пріѣхавши, печь опять стала на прежнее мѣсто. И Емеля жилъ послѣ того нѣсколько времени благополучно; но въ городѣ у короля происходило другое. Ибо по дураковымъ словамъ королевская дочь влюбилась и стала просить своего отца, чтобъ выдать ее за дурака въ замужество. Король за то весьма разсердился на нее и на дурака, и не зналъ, какъ его взять; въ то время доложили королю министры, чтобъ послать того офицера, который и прежде ѣздилъ за Емелей и не умѣлъ его взять, то за вину, что онъ его не взялъ, король по ихъ совѣту приказалъ представить того офицера, и какъ офицеръ предъ него предсталъ, тогда король говорилъ ему:

— Слушай, другъ мой, я тебя прежде послалъ за дуракомъ, но ты его не привезъ; за вину твою посылаю я тебя въ другой разъ, и чтобъ ты привезъ его не-

иремѣнно. Ежели привезешь, то будешь награжденъ, а ежели не привезешь, то будешь наказанъ.

Офицеръ, выслушавъ короля, поѣхалъ немедленно за дуракомъ, и какъ пріѣхалъ въ ту деревню, то призвалъ опять старосту и говорилъ ему:

— Вотъ деньги, искупи все то, что надобно завтра къ обѣду, и позови Емеля; и какъ будетъ онъ у тебя обѣдать, то пой его до тѣхъ поръ, когда ляжетъ здѣсь спать.

Староста, зная, что онъ пріѣхалъ отъ короля, принужденъ былъ его послушаться и, искупивъ все то, позвалъ и дурака. И какъ Емеля сказалъ, что будетъ, то и дожидался его офицеръ съ великою радостію; а на другой день пришелъ дуракъ, то и началъ его староста поить и напоилъ его такъ, что Емеля легъ спать; офицеръ, видя, что онъ спитъ, въ тотъ часъ связалъ и приказалъ подать кибитку; и какъ подали, то положили дурака.

Потомъ сѣлъ офицеръ въ кибитку и повезъ его въ городъ. И какъ подѣхалъ онъ къ городу, то повелъ его прямо во дворецъ. Министры доложили королю о пріѣздѣ того офицера, и какъ скоро король услышалъ, то немедленно приказалъ принести большую бочку, и чтобъ набиты были желѣзные обручи, что тотчасъ

же и было сдѣлано, и принесена была оная бочка къ королю; и король, видя, что все готово, приказалъ посадить въ ту бочку свою дочь и дурака и велѣлъ ихъ засмолить. И какъ ихъ посадили въ бочку и засмолили, то король при себѣ же велѣлъ пустить ту бочку въ море; и по его приказанію немедленно ее пустили. Король возвратился въ свой городъ, а бочка, пущенная по морю, плыла нѣскольکو часовъ, и дуракъ во все то время спалъ а какъ проснулся, и видя, что темно, то спрашивалъ самъ у себя: «Гдѣ я?» Ибо онъ думалъ, что онъ одинъ, но принцесса ему говорила:

— Ты, Емеля, въ бочкѣ, да и я съ тобою посажена.

— А ты кто?—спросилъ дуракъ.

— Я Королевская дочь, — отвѣчала она, и рассказала ему, за что она посажена съ нимъ вмѣстѣ въ бочку. Потомъ просила его, чтобъ онъ освободилъ себя и ее изъ бочки. Но дуракъ говорилъ:

— Мнѣ и тутъ тепло.

— Сдѣлай милость, — говорила принцесса, — сжался на мои слезы и избавь меня изъ сей бочки.

— Какъ не такъ! — говорилъ Емеля. — Я лѣнюсь.

Принцесса опять его начала просить:

— Сдѣлай милость, Емеля, избавь

меня отъ сей бочки и не дай мнѣ умереть.

Дуракъ, будучи тронуть ея просьбою и слезами, сказалъ ей:

— Хорошо, я для тебя это сдѣлаю.

Послѣ того потихоньку говорилъ:

— По щучьему велѣнью, а по моему прошенью, выкинь-ка ты, море, эту бочку, въ которой мы сидимъ, на сухое мѣсто, только чтобъ поближе къ нашему ро-сударству, а ты, бочка, какъ на сухомъ мѣстѣ будешь, то сама и расшибися!

Лишь только успѣлъ дуракъ выговорить сіи слова, какъ море начало волноваться и въ тотъ часъ выкинуло бочку на сухое мѣсто, а бочка сама и разсыпалась. Емеля всталъ и пошелъ съ принцессою по тому мѣсту, куда ихъ выкинуло, и увидѣлъ дуракъ, что они были на весьма прекрасномъ островѣ, на которомъ было премножество разныхъ деревъ со всякими плодами, и принцесса, все то видя, весьма радовалась, что они на такомъ прекрасномъ островѣ, а послѣ того говорила:

— Что жъ, Емеля, гдѣ мы будемъ жить, ибо нѣтъ здѣсь ни шалаша, ничего?

— Но дуракъ говорилъ:

— Вотъ ты ужъ и многого требуешь.

— Сдѣлай милость, Емеля, вели поставить какой-нибудь домикъ, — говорила

принцесса, — чтобъ можно намъ было во время дождя укрыться.

Ибо принцесса знала, что онъ все можетъ сдѣлать, ежели только захочетъ.

Но дуракъ сказалъ:

— И глѣнюсь.

Она опять начала его просить, и Емеля, будучи тронутъ ея просьбою, принужденъ былъ для нея сдѣлать и, отошедъ отъ нея, говорилъ:

— По щучьему велѣнью, а по моему прошенью, будь среди сего острова такой дворецъ, чтобъ вдвое былъ лучше королевскаго, и чтобъ отъ моего дворца были хрустальный мостъ, а во дворцѣ чтобъ были разнаго званія люди!

И лишь успѣлъ выговорить сіи слова, то въ ту жь минуту и появились преогромный дворецъ и хрустальный мостъ. Дуракъ взшелъ съ принцессою во дворецъ и увидѣлъ, что въ покояхъ было весьма богатое убранство, и было множество людей, какъ лакеевъ, такъ и всякихъ разночинцевъ, которые ожидали отъ дурака новелѣнія. Дуракъ, видя, что всѣ были какъ люди, а онъ былъ одинъ только не хорошъ и глушь, захотѣлъ, чтобъ сдѣлаться получше, и для того говорилъ:

— По щучьему велѣнью, а по моему прошенью, кабы я сдѣлался такой моло-

дець, чтобъ мнѣ не было подобнаго, и чтобъ былъ я чрезмѣрно уменъ!

И лишь успѣлъ выговорить, то въ ту жъ минуту сдѣлался такъ прекрасенъ, а при томъ и уменъ, что всѣ удивлялись. Послѣ того послалъ Емели изъ своихъ слугъ къ королю, чтобъ звать его къ себѣ и со всѣми министрами. Посланный отъ Емели поѣхалъ къ королю по тому хрустальному мосту, который сдѣлалъ дуракъ. И какъ пріѣхалъ во дворець, то министры представили его предъ короля, и посланный отъ Емели говорилъ:

— Милостивый государь! я присланъ отъ моего господина съ покорностію просить васъ къ себѣ кушать.

Король спрашивалъ:

— Кто таковъ твой господинъ?

Но посланный отвѣчалъ:

— Я не могу вамъ сказать, милостивый государь (ибо дуракъ ему не велѣлъ сказывать про себя, кто онъ таковъ), о моемъ господинѣ ничего: а когда вы сами будете кушать, въ то время онъ вамъ и скажетъ о себѣ.

Король, любопытствуя знать, кто прислалъ его звать кушать, сказалъ посланному, что онъ будетъ непременно, и посланный возвратился назадъ. А когда пришелъ тотъ часъ, то король поѣхалъ со всѣми министрами къ дураку по тому

мосту, и какъ пріѣхалъ король во дворецъ, то вышелъ Юмея на встрѣчу королю и принималъ его за бѣлыя руки, цѣловалъ въ сахарныя уста, вводилъ его въ свой бѣлокаменный дворецъ, сажалъ его за столы дубовыя, за скатерти браныя, яства сахарныя, за питья медовыя, и за столомъ король и министры нили, ѣли и веселились. А какъ встали изъ-за стола и сѣли по мѣстамъ, то дуракъ говорилъ королю.

— Милостивый государь! узнаете ли вы меня, кто я таковъ?

И какъ Юмея былъ въ то время въ пребогатомъ платьѣ, а притомъ и лицомъ былъ весьма прекрасенъ, то и нельзя было его узнать, почему король и говорилъ, что онъ не знаетъ. Но дуракъ говорилъ:

— Помните ли, милостивый государь, какъ дуракъ къ вамъ пріѣзжалъ на печи во дворецъ, и вы его, засмоля въ бочку и съ дочерью, пустили въ море? Итакъ узнайте теперь меня, что я тотъ самый Юмея.

Король, видя его предъ собою, весьма испугался и не зналъ, что дѣлать. А дуракъ въ то время пошелъ за его дочерью и привелъ ее предъ короля. Король, увидя свою дочь, весьма обрадовался и говорилъ дураку:

— Я предъ тобою весьма виноватъ и

за то отдаю тебѣ свою дочь въ замужество.

Дуракъ, слыша сіе, съ инокорностію благодарилъ короля, и какъ у Емели все было готово къ свадьбѣ, то въ тотъ же день и праздновали ее съ великимъ великолѣпіемъ; а на другой день дуракъ сдѣлалъ великолѣпный пиръ для всѣхъ министровъ, а для простого народу выставлены были чаны съ разными наитками. И какъ веселіе то отошло, то король отдавалъ ему свое королевство, но онъ не захотѣлъ. Послѣ того король поѣхалъ въ свое королевство, а дуракъ остался въ своемъ дворцѣ и жилъ благополучно.

Ивашка медвѣжье ушко.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ крестьянинъ; у него родился сынъ, у котораго было медвѣжье ухо, почему и названъ онъ былъ Иванкою-медвѣжьимъ ушкомъ.

Но какъ Ивашка-медвѣжье ушко началъ приходить въ совершенный возрастъ, то сталъ ходить на улицу рогатицу съ ребятами играть; и кого уха-

титъ за руку, то оторветъ руку прочь, кого за голову, то оторветъ голову.

Крестьяне, не стерпя таковыхъ обидъ, начали говорить Ивашкину отцу, чтобы онъ унималъ своего сына или не пускалъ со двора на улицу играть съ ребятами.

Отецъ долгое время бился съ Ивашкою, но видя, что сынъ его не унимается, рѣшился его сослать со двора и сказалъ ему:

— Поди отъ меня, куда хочешь, а я тебя держать въ домѣ своемъ не стану; я опасуюсь, чтобы мнѣ не нажать отъ тебя какой себѣ бѣды.

Итакъ Ивашка-медвѣжье ушко, простясь съ своимъ отцомъ и матерью, пошелъ путемъ дорогою. Шелъ онъ долгое время, потомъ подошелъ къ лѣсу и увидѣлъ человѣка, копающаго дубовыя пеня. Онъ подошелъ къ нему и спросилъ:

— Добрый человѣкъ, какъ тебя зовутъ?

— Дубынею—отвѣчалъ сей, и они съ нимъ побратались и пошли далѣе.

Подходя же къ каменной горѣ, увидѣли человѣка, копающаго каменную гору, которому сказали:

— Богъ на помощь тебѣ, добрый молодецъ! Какъ тебя зовутъ? — спросили они.

— Имя мое Горыня,—отвѣчалъ сей.

Они также назвали его своимъ братомъ и предложили ему, чтобы онъ, оставивъ гору, согласился идти съ ними вмѣстѣ; онъ согласился на ихъ предложеніе, и пошли всѣ трое вмѣстѣ путемъ-дорогою и шли нѣсколько времени.

Идучи по берегу рѣки, увидѣли человека сидящаго и имѣющаго превеликіе усы, которыми онъ ловилъ рыбу для своей пищи. Они всѣ трое сказали ему:

— Богъ на помочь тебѣ, братъ, ловить рыбу!

— Спасибо, братцы, — отвѣчалъ онъ.

— Какъ тебя зовутъ? — спросили они.

— Усыня, — отвѣчалъ онъ.

— И сего назвали своимъ братомъ, и взяли Усыню съ собою. И такимъ образомъ они всѣ четверо шли долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается; напоследокъ подошли къ лѣсу, увидали избушку на куриныхъ ножкахъ, которая туда и сюда повертывается.

Они, подошедъ къ ней, сказали:

— Избушка! стань къ лѣсу задомъ, а къ намъ передомъ.

Избушка имъ повиновалась, и взошедъ въ оную, они стали совѣтоваться, какъ имъ жить да быть; потомъ пошли всѣ въ лѣсъ набили дичи и настряпали для себя кушанья.

На другой день оставили Дубыню для стряпни, а сами пошли въ лѣсъ для промысла.

Дубыня, приготова кушанья, сѣлъ подь окошко и дожидался своихъ братьевъ. Въ то самое время пріѣхала баба-яга на желѣзной ступѣ, цестомъ погоняетъ, а языкомъ слѣдъ замечаетъ и, взошедъ въ избушку, говорила:

— Доселева русскаго духу слыхомъ не слыхивала и видомъ не видывала, нынѣ и слышу и вижу.

Оборотясь же къ Дубынѣ, спросила:

— Зачѣмъ ты сюда, Дубыня, пришелъ?

Потомъ зачала его бить и била до полусмерти; потомъ приготовленную пищу всю поѣла, а сама уѣхала.

Какъ пришли товарищи Дубыни съ охоты своей, то требовали отъ него кушанья, и онъ имъ, не объявляя, что его прибила яга-баба, сказалъ, что занемогъ, а потому и ничего не состряналъ.

Такимъ же образомъ поступила баба-яга съ Горынею и Усынею. Напоследокъ досталось сидѣть дома Иванкѣ-медвѣжьему ушку; онъ остался, а товарищи пошли на добычу.

Ивашка всего наварилъ и накарилъ; нашедши у бабы-яги кринку меду, сдѣлалъ у печи столбъ, сверху воткнулъ

клинь, а медь пустилъ по столбу; а самъ сѣлъ на печи и спрятался за оный столбъ, приготовляя три прута желѣзные.

Нѣсколько спустя пріѣхала баба-яга и закричала:

— Доселѣ русскаго духа слыхомъ не слыживала и видомъ не видывала, а нынѣ и слышу и вижу; зачѣмъ ты, Ивашко-медвѣжье ушко, сюда пришелъ да еще надругался надъ моимъ добромъ?

И начала по столбу лизать языкомъ медь, а какъ стала доставать языкомъ по трещинѣ, то Ивашка вынулъ изъ столба клинь и, прищема ей языкъ, вскочилъ съ печи и до тѣхъ поръ сѣлъ ее тѣми желѣзными прутьями, пока начала она просить, чтобы онъ ее отпустилъ, и обѣщалась съ нимъ жить мирно и къ нему болѣе не ѣздить.

Ивашка согласился исполнить ея просьбу, освободилъ языкъ и, положивъ ягу-бабу подъ уголь, самъ сѣлъ подъ окошко, дожидаясь своихъ товарищей которые вскорѣ пришли и думали, что и съ нимъ такъ же поступила баба-яга. Но, увидя, что у него кушанье все приготовлено, весьма сему удивились.

Послѣ обѣда онъ рассказалъ имъ, какъ онъ поступилъ съ ягою-бабою, и смѣялся имъ, какъ они сладить не могли съ нею.

Напоследокъ, желая показать избитую ягу-бабу, повелъ ихъ подъ уголъ, но уже ея не было; поему они, вознамѣрившись за нею итти слѣдомъ, пришли къ камню, который поднявъ, усмотрѣли глубокую яму и вздумали туда спуститься.

Но какъ никто изъ его товарищей не осмѣлился сего учинить, то согласился Ивашка-медвѣжье ушко; зачали вить веревки, сдѣлали люльку и опустили его въ яму.

Между тѣмъ Ивашка приказалъ имъ дожидаться себя цѣлую недѣлю; и если въ сіе время не получатъ отъ него никакого извѣстія, то бы болѣе не ждали.

— Когда же я буду живъ и потрясу за веревку, — говорилъ онъ, — то вы тащите люльку, если будетъ легко, а когда тяжело, то отрубите, дабы вмѣсто меня не вытащить яги-бабы.

Простясь съ ними, онъ спустился въ ту глубокую подземную пропасть.

Онъ ходилъ тамъ долгое время, наконецъ пришелъ къ одной избушкѣ, въ которую взошедъ, увидѣлъ трехъ прекрасныхъ дѣвицъ, сидящихъ за пядьцами и вышивающихъ золотомъ, а оныя были дочери яги-бабы; и какъ онѣ увидали Ивашку-медвѣжье ушко, то спросили:

— Добрый молодець, зачѣмъ ты сюда зашелъ? Здѣсь живетъ наша мать яга-

баба, и какъ скоро она сюда придетъ, то уже тебѣ не быть живому, она тебя умертвить; но если ты насъ освободишь изъ сего жилища, то мы тебѣ дадимъ наставленіе, какъ спасти свою жизнь.

Онъ обѣщался ихъ вывести изъ сей пропасти; и они сказали ему, что какъ скоро мать пріѣдетъ, то бросится на него и станетъ съ нимъ драться, но она потомъ устанетъ и побѣжитъ въ погребъ, въ которомъ у нея стоятъ два кувшина съ водою: въ синемъ кувшинѣ сильная вода, а въ бѣломъ—безсильная.

Лишь только дочери яги-бабы окончили свой разговоръ, то услышали, что мать ихъ ѣдетъ на желѣзной ступѣ, пестомъ погоняетъ, а языкомъ слѣдъ замечаетъ, и сказали о семъ Ивашкѣ.

Пріѣхавъ же, баба-Яга закричала:

— Доселѣ русскаго духа слыхомъ не слыхала и видомъ не видала, а нынѣ и слышу и вижу; зачѣмъ ты, Ивашка-медвѣжье ушко, пришелъ сюда? Ты и здѣсь уже вздумалъ меня беспокоить?

Бросилась она вдругъ на него и начала драться; долгое время дрались оба и напоследокъ упали на землю.

Баба-яга, полежава нѣсколько, вскочила и побѣжала въ погребъ, куда за нею слѣдомъ бросился Ивашка; и она, не разсмотря, ухватила бѣлый кувшинъ, а Иваш-

ка—синій, и стали пить; послѣ сего вышли изъ погреба и начали опять драться: Ивашка ее одолѣлъ и, схватя за волосы, билъ бабу-ягу ея же пестомъ.

Она стала просить Ивашку, чтобы онъ помиловалъ ее, обѣщаясь съ нимъ жить мирно, и что сей же часъ выйдетъ изъ сего мѣста. Ивашка-медвѣжье ушко на сіе согласился и пересталъ бить ягу-бабу.

Какъ скоро она уѣхала, онъ пошелъ къ ея дочерямъ, поблагодарилъ ихъ за наставленіе и сказалъ имъ, чтобы онѣ приготовились къ выходу изъ сего мѣста.

Какъ только онѣ собрались, онъ, подошедъ къ веревкѣ, потрясъ за оную; тотчасъ его товарищи опустили люльку; онъ посадилъ большую сестру и съ нею приказалъ, чтобы ихъ всѣхъ вытаскивали.

Товарищи Ивашкины, вытащивъ дѣвицу, удивлялись; но, извѣстясь отъ нея обо всемъ, и прочихъ сестеръ ея перетаскали.

На послѣдокъ опустили люльку за Ивашкою, и какъ онъ въ то время наклалъ въ люльку много платья и денегъ, къ тому же сѣлъ и самъ, то товарищи его почувствовавъ тяжесть, думали, что сѣла яга-баба, отрубили веревку и тамъ Ивашку оставили. Между тѣмъ, согласились на

тѣхъ дѣвицахъ жениться, что исполнить не замедлили.

Между тѣмъ, Ивашка-медвѣжье ушко долго ходилъ ио сей пропасти и искалъ выхода; наконецъ, къ счастію, нашелъ въ темномъ мѣстѣ желѣзную дверь, которую отломавъ, шелъ долгое время въ оной темнотѣ; потомъ вдали увидѣлъ свѣтъ и, шедши прямо на оный, вышелъ изъ пропасти. По семъ вознамѣрился искать своихъ товарищей, которыхъ вскорѣ нашелъ, и они уже всѣ трое поженились. Увидя ихъ, сталъ говорить, для чего они его оставили въ пропасти!

Но товарищи, испугавшись, говорили Ивашкѣ, что Усыня отрубилъ веревку, котораго Ивашка убилъ, а жену его взялъ за себя, и стали всѣ вмѣстѣ жить-быть да добра наживать.

Бова Королевичъ.

въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ былъ князь, по имени Гвидонъ. Мудро управлялъ онъ своимъ обширнымъ владѣніемъ. былъ храбръ и въ добавокъ еще обладалъ несметнымъ богатствомъ. Сосѣди

князья все уважали его и наперерывъ одинъ передъ другимъ спѣшили предложить ему дружественный союзъ.

Однажды вздумалось ему отправиться въ одинъ изъ сосѣднихъ городовъ, въ которомъ правилъ народомъ Кирбитъ Верзеуловичъ.

Князь Кирбитъ былъ очень радъ дорогому гостю, встрѣтилъ Гвидона у городскихъ воротъ и тотчасъ же пригласилъ къ себѣ въ теремъ—откушать хлѣба-соли. —Нечего и говорить, что столъ былъ приготовленъ необыкновенно роскошно.—Но, что всего болѣе поразило Гвидона, такъ это красота дочери князя Кирбита Милитрисы Кирбитовны. Увидавъ ее, онъ влюбился въ нее, какъ говорится, по уши и вознамѣрился во чтобы то ни стало взять ее за себя въ замужество. Долго думать онъ не любилъ, а потому, когда вернулся въ свои владѣнія, то ни мало не медля написалъ къ Кирбиту Верзеуловичу письмо, въ которомъ изъявлялъ ему свое желаніе—соединиться бракомъ съ его дочерью.—Письмо это долженъ былъ доставить одинъ изъ приближенныхъ его вельможъ.

Князь Кирбитъ прочелъ письмо Гвидона и съ радостію согласился исполнить его желаніе, но Милитриса Кирбитовна никакъ не хотѣла вступить съ нимъ въ

бракъ и только по настоянію отца рѣшилась отдать ему руку. Посоль возвратился къ Гвидону съ благопріятнымъ отвѣтомъ, а въ слѣдъ за нимъ прибылъ и великолѣпный поѣздъ невѣсты, сопровождаемый отцомъ и первѣйшими его вельможами.

Сочетавшись бракомъ, князь Гвидонъ жилъ съ Милитрисою Кирбитовною три года съ половиною и у нихъ, къ общей ихъ радости родился сынъ, котораго называли Ювою Королевичемъ.

Милитриса Кирбитовна была постоянно окружена всевозможною роскошью... Чего бы ей кажетоя не доставало?—Всего у ней вдоволь: и нарядовъ дорогихъ и сластей заморскихъ. Словомъ сказать, не успѣетъ она, бывало, глазомъ мигнуть, а ужъ передъ нею все является по ея желанію; грѣшно было сказать и то, чтобы мужъ не любилъ ее; напротивъ, онъ самъ не зналъ какъ-бы приласкаться къ ней; но на все на это Милитриса Кирбитовна смотрѣла съ пренебреженіемъ, не раздѣляла никакихъ удовольствій двора своего. Не могли придумать, чтобы могло быть причиною ея безпрестанной грусти.

Разъ, проснувшись ранѣе обыкновеннаго, она позвала къ себѣ преданнаго ей слугу Личарда и голосомъ нѣсколько взволнованнымъ сказала ему:

— Личардъ! Вотъ тебѣ письмо, отвези

его къ храброму и сильному князю Додону! но смотри, чтобы оно было непременно передано ему въ руки: если же да ты не исполнишь вѣрно моего порученія, то заплатишься за это своею жизнью.

Личардъ привыкъ уже безпрекословно повиноваться волѣ своей повелительницы, а потому, не мѣшкая ни минуты, спѣшилъ исполнить въ точности ея приказаніе.

Письмо, которое передала ему Милитриса Кирбитовна, было слѣдующаго содержанія:

«Любезный князь Додонъ!»

«Родителю моему угодно было, совершенно противъ моего желанія, отдать меня замужъ за князя Гвидона.—Находясь въ такомъ нецрїятномъ положеніи, я рѣшаюсь наконецъ просить тебя:—«освободи меня силою своего оружія отъ моего мужа, котораго я ненавижу».

Додонъ, прочитавъ письмо, немедленно приказалъ трубить въ рогъ и сзывать свою дружину на брань.—Живо собралось сорокатысячное войско и ожидало приказанія отъ своего князя.—Додонъ повелъ его къ столичному граду Гвидонову и расположился съ нимъ на лугахъ княжескихъ.

Какъ скоро Милитриса Кирбитовна увидала изъ окна своего терема бѣлѣю-

иціеся на лугахъ шатры и войско Додоново, въ ту же минуту нарядилась въ самое лучшее платье и веселая вошла къ своему мужу Гвидону.

— Знаешь ли, о чемъ я хочу просить тебя!—сказала она ему съ притворно-ласковою улыбкою.

— О чемъ?.. говори!.. будь увѣрена, что я все исполню для тебя,—произнесъ Гвидонъ, обрадованный, что жена его весела и ласкова.

— Вотъ видишь-ли, отвѣчала она, еще болѣе ласкаясь къ своему мужу,—мнѣ захотѣлось мяса дикаго венря и я желала бы, чтобы ты самъ закололъ его и принесть ко мнѣ. Ахъ, какъ-бы ты этимъ утѣшилъ меня и свое дѣтище, которое я теперь въ себѣ чувствую.

Ласки жены до того разнѣжили Гвидона, что, въ угожденіе ей; онъ поѣхалъ за городъ; а Милитриса Кирбитовна приказала запереть городскіе ворота, поднять подъемные мосты и отнюдь никого не впускать внутрь города; сама же начала внимательно всматриваться въ окно своего терема... Вдругъ видитъ: мужъ ея, преслѣдуемый погонею, обратилъ быстро коня и скачетъ назадъ въ городъ;—вотъ онъ подѣхалъ къ подъемному мосту, на минуту остановился, какъ бы раздумывая

что дѣлать! вотъ пустился вилавь.—Обезсиленный конь его тонетъ: - съ нимъ вмѣстѣ гибнетъ и мужъ ея...

Обрадованная, что коварный замыселъ ея удался, Милитриса Кирбитовна приказала снова отворить городскія ворота и опустить подъемные мосты; въ это же время увѣдомила она князя Додона, что онъ безпрепятственно можетъ вступить въ городъ, сама вышла на встрѣчу ему, взяла его за руку и повела въ свой терема.

Тамъ посадила его за столы дубовые, за скатерти бранныя, предложила ему яства роскошныя, да напитки заморскія.— И начали они пить, ѣсть и сладкія рѣчи вести.

Бова Королевичъ былъ еще ребенкомъ и ничего не понималъ, но, увидѣвъ, что мать его сидитъ съ незнакомымъ ему человекомъ, испугался и съ отвращеніемъ выбѣжалъ изъ терема. Приставленный къ нему дядька Симбальда насилу могъ отыскать его.— И сколько потомъ ни старался Симбальда внушить Бовѣ Королевичу, что онъ не долженъ выходить изъ повиновенія своей родительницы и что всякое неуваженіе его къ князю Додону можетъ быть для него пагубно, все было напрасно: Бова Королевичъ, предчувствуя что-то недоброе, не хотѣлъ и не оказывалъ ни

малѣйшей ласки къ своему отчиму. Додонъ замѣчалъ это въ ребенкѣ и, угрызаемый совѣстью, рѣшился къ одному злу присоединить и другое, то есть задумалъ извести совершенно невиннаго младенца.

— И вотъ, разъ призываетъ онъ къ себѣ Милитрису Кирбитовну и говоритъ ей, что видѣлъ во снѣ, будто бы Бова Королевичъ выѣхалъ на статномъ конѣ и поразилъ его, Додона, копьемъ прямо въ сердце.

Разсказавъ Милитрисѣ Кирбитовнѣ сонъ свой, онъ прибавилъ:

— Я боюсь, чтобъ не случилось со мною на самомъ дѣлѣ, если возрастетъ и возмужаетъ Бова и вздумаетъ отомстить мнѣ за смерть своего отца, а чтобъ устранить такую опасность, угрожающую мнѣ въ будущемъ, я прошу тебя предать Бову смерти.

Выслушавъ послѣднія слова, Милитриса Кирбитовна крѣпко призадумалась: жаль ей было погубить свое дѣтище, и вотъ она, ставъ передъ Додономъ на колѣни, предложила ему, что будетъ гораздо лучше—посадить Бову въ темницу и тамъ заставить его умереть голодною смертію.—По крайней мѣрѣ такъ, предложила она, я не буду видѣть его мученій и смерть своего сына перенесу гораздо спокойнѣе.

Додонъ согласился съ нею и Бову заперли въ темницу.

Прошло нѣсколько дней.— Милитриса Кирбитовна пошла прогуливаться по широкому двору, окружавшему теремъ княжескій.— На этомъ дворѣ возвыщалась башня, а въ ней томился Бова Королевичъ.

Увидавъ изъ темничнаго окна мать свою, онъ сталъ ей жаловаться, что умираетъ съ голоду.

Стонъ ребенка тронулъ материнское сердце Милитрисы Кирбитовны: она быстро возвратилась въ теремъ и приказала своей дѣвкѣ отнести тайно къ Бовѣ нѣсколько кусковъ хлѣба.

Дѣвка-Чернявка подала Бовѣ хлѣбъ и горько прослезилась при видѣ несчастнаго.

Бова Королевичъ благодарилъ ее за участіе и, утоливъ голодъ принесеннымъ ему хлѣбомъ просилъ Чернявку, чтобъ она не запирала за собой двери темницы.

Та сочувствуя его ужасному положенію, сжалилась надъ нимъ и оставила двери отпертыми.

Бова Королевичъ не почелъ за нужное оставаться болѣе въ темницѣ, вышелъ наружу.— Но, опасаясь быть узаннымъ, онъ снѣшилъ удалиться отъ мѣста своего заключенія, выступилъ за городъ и про-

должалъ путь свой до тѣхъ поръ, пока обезсиленный не упалъ на землю.—Въ это время мимо него проходила шайка подозрительныхъ людей, промышлявшихъ грабежемъ. Такой прекрасный мальчикъ, какъ Бова Королевичъ, показался имъ выгодною добычею, они взяли его, отвезли къ корабельной пристани, которая находилась поблизости и предложили его на продажу корабельщикамъ.

Плѣнясь красотой мальчика, корабельщики охотно купили его.

— Чей ты сынъ?— спросилъ его тогда одинъ изъ корабельщиковъ.

— Отецъ мой музыкантъ, а мать прачка, отвѣчалъ простодушно Бова. —И самъ сталъ прохаживаться по кораблю и съ любопытствомъ осматривалъ всѣ предметы; потомъ, подкрѣпивъ силы своей сытною пищею, Бова легъ спать.

Корабельщики начали спорить между собою, кому владѣть этимъ мальчикомъ.

Бова прислушался къ ихъ спору, всталъ и отвѣчалъ имъ:—вы спорите кому владѣть мною? Не спорьте, я буду принадлежать и прислуживать всѣмъ вамъ.

Умный и скромный отвѣтъ очень понравился новымъ хозяевамъ Бовы и за это они еще болѣе полюбили его.

Послѣ долгаго плаванія корабль присталъ къ одному знаменитому городу, кото-

рымъ управлялъ князь Зензевей Андроновичъ.

Какъ только донесли князю Зензевею о прибытіи чужеземнаго корабля, онъ тотчасъ же послалъ вельможъ своихъ узнать отъ корабельщиковъ, съ какимъ товаромъ они прибыли.

Пришли вельможи на корабль и взглянувъ на Бову, до того очаровались красотой его, что совершенно позабыли о возложенномъ на нихъ порученіи, и когда возвратились къ князю, ни о чемъ больше не рассказывали ему, какъ только про прекраснаго мальчика.—Зензевей едва вѣрилъ рассказамъ ихъ и, чтобы удостовѣриться въ истинѣ, пошелъ на корабль самъ.—Но лишь только корабельщики, по его требованію, подвели къ нему Бову, онъ также какъ и вельможи изумился красотѣ мальчика и, не входя ни въ какія подробности, настоялъ на томъ, чтобы корабельщики продали его за триста литръ золота.

—Какого ты роду?—спросилъ Зензевей Бову, когда онъ привезъ его къ себѣ во дворецъ.

—Отецъ мой музыкантъ, а мать прачка, отвѣчалъ ему скромно Бова Королевичъ.

—А когда ты простаго рода, сказалъ Зензевей, то будь моимъ старшимъ конюшимъ.

Бова поклонился Зензевею, поблагодарилъ его за милостивое къ нему расположеніе и пошелъ на конюшню.

Въ это время дочь Зензевея Андроновича, прекрасная Дружевна, увидала Бову изъ окна своей комнаты и плѣнилась красотой его и, узнавъ, что ему уже назначена должность конюшаго, стала его упрасивать, чтобы мальчика этого оставили при ней. — Зензевей охотно согласился на ея просьбу, будучи доволенъ тѣмъ, что Бова нравился его дочери точно также, какъ и ему.

Началось для Бовы житіе самое пріятное. Всѣ любили и ласкали его, какъ потому, что видѣли расположеніе къ нему князя и его дочери, такъ и за то, что онъ старался всѣмъ угодить своею кротостію и услужливостію.

Такъ прошло нѣсколько лѣтъ: Бова изъ ирераснаго мальчика сдѣлался красивѣйшимъ въ мірѣ юношею.

Въ это время къ столицѣ Зензевеевой подступилъ съ огромнымъ войскомъ князь Маркобрунъ и требовалъ, чтобы Зензевей отдалъ за него дочь свою, прекрасную Дружевну, въ противномъ же случаѣ грозилъ весь городъ истребить, самого князя въ полонъ взять, а дочь его силою принудить выйти за него замужъ.

Сильно призадумался Зензевей, стру-

силъ на порядкахъ, но дѣлать нечего; собралъ онъ кое-какъ войско и вышелъ на встрѣчу къ неприятелю. — Началась битва жестокая; съ обѣихъ сторонъ дрались отчаянно; однакоже, какъ храбро не сопротивлялся Зензевей, но долженъ былъ уступить превосходству силъ. Маркобрунъ, одержавъ побѣду, уже готовился вступить въ городъ, чтобы привести въ исполненіе свои угрозы.

Раздосадовалъ Бова, какъ узналъ, что Зензевей проигралъ сраженіе, что войско его бѣжить въ безпорядкѣ. Въ первый разъ тутъ онъ почувствовалъ въ себѣ силу богатырскую и крѣпкія руки его какъ бы сами просились поразвѣдаться съ Маркобруномъ. — Минуты были дороги. Онъ пошелъ къ княжнѣ и сказалъ ей:

— Княжна, позволь мнѣ идти сражаться за твоего батюшку; прикажи мнѣ только дать коня и мечъ.

— Какъ это возможно, Бова, возразила Дружевна, — ты еще очень молодъ чтобы сражаться съ такимъ сильнымъ неприятелемъ. Враги тебя раздавятъ какъ муху.... Нѣтъ, нѣтъ, я не пущу тебя на явную смерть....

Но Бова не посмотрѣлъ на запрещеніе княжны, побѣжалъ въ конюшню, выбралъ коня, взялъ метлу и выѣхалъ за городскія ворота. Маркобруновы воины,

увидавъ, что противъ нихъ выѣхалъ витязь въ такомъ возрастѣ и въ добавокъ еще съ метлою въ рукѣ, начали смѣяться надъ нимъ; а Бова, слыша ихъ насмѣшки, пришелъ въ такую ярость и такъ началъ размахивать метлою, что побилъ до двухъ сотъ тысячъ непріятелей.... Остальные вмѣстѣ съ Маркобруномъ едва спаслись бѣгствомъ.

Дружевна, какъ узнала о подвигахъ своего любимца, не могла нарадоваться на него, а Зензевей не находилъ даже словъ, чтобы достаточно выразить ему свою благодарность.

Черезъ нѣсколько времени къ столицѣ Зензевей подступилъ новый непріятель — князь Лукоперъ, у котораго голова была съ пивной котель, а между глазъ цѣлая пядень укладывалась.

Снова начались требованія въ замужество княжны Дружевны и повторились угрозы разорить городъ и взять ее силою. — Зензевей и на этотъ разъ проигралъ битву. — Пришлось опять Бовѣ снаряжаться въ походъ: взялъ онъ коня богатырскаго, да мечъ-кладенецъ, выѣхалъ противъ враговъ и какъ началъ размахивать мечемъ своимъ въ разныя стороны, такъ куда и несмѣтное войско дѣвалось: всѣхъ перебилъ до одинаго, даже и самъ Лукоперъ съ большой головой своей не избѣгъ смерти.

Подвигъ, совершенный теперь Бовою Королевичемъ, былъ гораздо важнѣе перваго, а потому, когда онъ подѣхалъ къ городскимъ воротамъ, жители вышли къ нему на встрѣчу и громкими криками приветствовали побѣдителя. На крыльцѣ же дворца княжескаго встрѣтили его самъ Зензевей Андроновичъ съ своею дочерью и со всеми вельможами. Тутъ Бова соскочилъ съ коня своего и низко раскланявшись поздравилъ князя съ побѣдою. Зензевей поблагодарилъ Бову за храбрость, пожаловалъ ему чинъ и приказалъ немедленно записать его въ бояре; потомъ онъ взялъ Бову за руку и вмѣстѣ съ нимъ и съ прекрасною Дружевною пошли впереди всѣхъ во дворецъ. Тотчасъ же загремѣла веселая музыка, засвѣтились безчисленными огнями огромныя залы княжескія и полилось рѣкою въ золотыхъ кубкахъ вино драгоцѣнное. Всѣ поздравляли Бову.

Дружевна еще болѣе полюбила его и разъ, бесѣдуя съ нимъ, высказала ему, что никакъ не вѣрится, чтобы онъ могъ быть сынъ простолюдина.

— Да, княжна, отвѣчалъ ей на это Бова, — твое предчувствіе справедливо: я сынъ славнаго Гвидона, а мать моя Милитриса Кирбитовна, дочь знаменитаго князя Кирбита Верзеуловича.

Обрадованная княжна была внѣ себя отъ восторга. Теперь ей не стыдно было оказать своему любимцу ласку и ея сердце могло биться свободнѣй при той страсти, которую она уже питала къ нему.

Казалось, все благопріятствовало Бовѣ: его ожидали и почести и слава, а вдобавокъ и еще любовь княжны Дружевны, которой такъ помогались многіе изъ храбрыхъ и сильныхъ князей.—Но, взамѣнъ всего этого, коварная зависть готовила ему ударъ и ударъ рѣшительный.

— Онъ долженъ непременно погибнуть!

Такъ разсуждалъ одинъ изъ придворныхъ князя Зензевея, — и, съ этою цѣлью, изготовивъ подложное письмо, передалъ его Бовѣ и отъ имени князя велѣлъ ему тотчасъ же отвезти пакетъ къ князю Султану Султановичу, отцу убитаго Лукопера.

Не подозрѣвая нисколько злодѣйскаго умысла, Бова поспѣшно сѣлъ на коня и отправился по назначенію. Путь былъ не близокъ: солнце сильно палило землю; потъ крупными каплями катился съ лица утомленнаго путника. Ему захотѣлось пить; но куда ни озирался онъ, нигдѣ не было ни одного ручья, изъ котораго могъ бы утолить свою жажду.— Бова поѣхалъ далѣе. Вдругъ видитъ въ сторонѣ дубъ, подъ которымъ стоитъ старикъ и

пьетъ изъ кружки воду.—Онъ живо под-
скакалъ къ нему и спросилъ:

— Кто ты такой, старичекъ?

— Я странникъ, отвѣчалъ тотъ.

— Дѣло похвальное, -- замѣтилъ Бова, однако я вижу, что ты пьешь воду, а меня сильно мучитъ жажда: сдѣлай одолженіе, позволь и мнѣ напиться.

— Изволь, я налью тебѣ въ кружку воды; сказалъ странникъ. — Послѣ чего онъ отвернулся, наполнилъ кружку водою и незамѣтно всыпалъ въ воду усыпительнаго порошку. Бова, чувствуя жажду, съ жадностью выпилъ всю воду. Не прошло и двухъ минутъ, какъ его одолѣла сильная дремота, онъ упалъ съ коня и заснулъ крѣпчайшимъ сномъ. — Но каково же было его негодованіе, когда, проснувшись, онъ увидѣлъ, что возлѣ него не было ни мечакладенца, ни коня богатырскаго. Почтенный старикъ, тоже скрывшійся изъ глазъ, лишилъ его того и другаго.

— Ахъ, проклятый бродяга, говорилъ въ досадѣ Бова, какую сыгралъ со мною пакостную штуку.

Потужилъ, погоревалъ Бова о своихъ вѣрныхъ товарищахъ, но дѣлать было нечего пошелъ иѣшкомъ. Черезъ нѣсколько дней, предъ глазами его открылся обширный городъ. Онъ направилъ шаги свои

прямо къ нему и перваго встрѣтившагося ему прохожаго спросилъ:

— Скажи, любезный, какъ называется этотъ городокъ и кому онъ принадлежитъ?

— Онъ принадлежитъ славному и знаменитому князю Султану Султановичу, отвѣчалъ прохожій.

— А! его-то мнѣ и нужно, сказали про себя Бова, и пошелъ прямо во дворецъ къ Султану.

Султанъ распечаталъ письмо и вдругъ суровое лицо его побагровѣло. Онъ взглянулъ на Бову съ яростнымъ видомъ и вскричалъ:

— А! это ты, злодѣй, убилъ моего сына Лукопера и побилъ все мое храброе воинство. Хорошо, что ты самъ пришелъ ко мнѣ на смерть. Теперь ты живъ не останешься. — Эй! стража! продолжалъ онъ, захлопавъ въ ладоши.

Стража немедленно явилась.

— Возьмите вотъ этого злодѣя и отведите прямо на висѣлицу, приказалъ Султанъ!

Стража появилась и повели Бову на висѣлицу.

Грустно стало Бовѣ. Онъ никакъ не ожидалъ, чтобы Зензевей, вмѣсто благодарности, отослалъ его на явную смерть.— Но, разсуждалъ Бова, неужели, въ самомъ дѣлѣ, я долженъ погибнуть, какъ преступ-

никъ? И за что же?... За то, что вѣрно служилъ Бензевею, что нѣсколько разъ спасалъ его отъ враговъ... Нѣтъ, этого не будетъ!... Я не позволю лишить себя жизни, не предпринявъ ничего къ своей защитѣ.

Въ одно мгновеніе бросился онъ на близъ стоявшаго воина, вырвалъ у него саблю и началъ работать ею направо и налево. Головы летѣли, какъ мячики, трупы ложились, какъ снопы, у ногъ богатыря; многіе были побиты, а другіе отъ страха разбѣжались.

Увидя себя на свободѣ, Бова выбѣжалъ за городъ. Но Султанъ, увѣдомленный о пораженіи своей стражи, приказалъ трубить въ рогъ и со стотысячнымъ войскомъ погнался за Бовою. — Его схватили, и Султанъ сталъ говорить ему.

— Ты хотѣлъ убѣжать отъ казни, но я все таки велю тебя повѣсить.

Бову повели обратно въ городъ и отдали подъ крѣпкую стражу; необыкновенная красота юноши на этотъ разъ спасла его.

У Султана Султановича была дочь, прекрасная Мельчигрія Султановна. Увидя Бову, она влюбилась въ него и ей стало жаль такого красавца. Она пошла къ отцу своему и стала просить его объ оказаніи милости витязю.

— Государь мой батюшка! говорила она, сына своего не воскресить тебѣ, а войска побитаго не воротить; такъ не вели же казнить этого богатыря. Пусть онъ останется между нами, привыкнетъ къ нашимъ обычаямъ и возьметъ меня за себя въ замужество; такой храбрый и сильный богатырь, какъ онъ, можетъ быть очень полезенъ для нашего отечества.

Выслушавъ слова своей дочери, Сұлтанъ разсудилъ, что въ самомъ дѣлѣ полезно было бы имѣть его зятемъ, а потому приказалъ тотчасъ же освободить Бову. Тогда Мельчигрія призвала его къ себѣ и сказала:

— Изъ сожалѣнія къ тебѣ, я выпросила тебѣ свободу у моего родителя; но за это, въ знакъ благодарности, ты долженъ взять меня за себя замужъ.

Живо тутъ представилась воображенію Бовы княжна Дружевна, и онъ впервые почувствовалъ, что его сердце ни къ кому не могло питать столько страсти, какъ къ ней. Не желая однако же огорчить Мельчигрію, онъ уклончиво отвѣчалъ ей.

— Прекрасная княжна Мельчигрія? Я еще очень молодъ и мнѣ рано думать о женитьбѣ, а потому взять тебя замужъ я не могу.

Оскорбленная дерзкимъ отвѣтомъ,

Мельчигрія объявила отцу своему, что рѣшительно отказалась отъ вѣроломнаго богатыря и что теперь онъ можетъ поступать съ нимъ, какъ ему угодно.

Разгнѣванный Султанъ приказалъ посадить Бову въ темницу. — Прошло три дня, назначена была казнь заключенному. Воины подошли ужъ къ башнѣ и стали отодвигать тяжелые засовы, которыми были заперты желѣзные двери.

Услышавъ этотъ стукъ, который былъ для него предвѣстникомъ близкой казни, Бова сталъ осматриваться кругомъ и что же? Вдругъ видитъ онъ въ углу темницы мечъ-кладенецъ, точь въ точь какъ тотъ, который былъ похищенъ у него старикомъ. Онъ схватилъ его и приготовился къ оборонѣ.

Между тѣмъ двери темницы отворились и вошли воины, чтобъ взять Бову и вести его на казнь. Но онъ не допустилъ до себя дотронуться; взмахнулъ раза два мечемъ и изъ посланныхъ стражей не осталось ни одного, всѣ были убиты; некому было извѣстить Султана о случившемся.

Уложивъ стражу на мѣстѣ, Бова бросился бѣжать за городъ. — Онъ ужъ успѣлъ достигнуть морскаго берега къ корабельной пристани, у которой стоялъ корабль, готовый къ отплытію. — Корабельщики

приняли его и подняли весь паруса. Корабль поплылъ съ такой быстротою, что и самъ соколъ на всемъ лету не перогналъ бы его.

Черезъ нѣсколько дней плаванія показался вдаль берегъ, на которомъ раскинутъ былъ обширный городъ. На встрѣчу попалась имъ рыболовная лодка. Бова подалъ знакъ, чтобъ она приблизилась, и спросилъ сидѣвшаго на ней старика:

— Кому принадлежитъ этотъ городъ?

— Князю Маркобруну, отвѣчалъ рыбакъ.

— Маркобруну! воскликнулъ Королевичъ, не тому ли, что сватался за дочь Зензевя Андроновича?

— Тому самому, и завтрашній день будетъ его свадьба съ прекрасною княжною Дружевною.

Такое неожиданное извѣстіе поразило Бову.— Онъ началъ упрасивать старика, чтобъ тотъ довезъ его до города. Рыбакъ согласился, и проворно подплылъ съ нимъ къ берегу.

Высадившись изъ лодки, Бова немедленно сталъ пробираться по городу. Его тревожила мысль, какъ могло случиться, что княжна Дружевна согласилась выйти замужъ за Маркобруна.

Въ такихъ-то тяжелыхъ размышленіяхъ онъ продолжалъ путь свой все далѣе

и даѣе и вдругъ набрелъ на того самаго странника, который увелъ у него коня и унесъ мечъ. — Узнавъ въ немъ похитителя, Бова схватилъ его за воротъ и началъ сильно трясти.

— Сказывай, бездѣльникъ, куда дѣвалъ ты коня моего и мечъ? заговорилъ онъ.

Почувствовавъ на себѣ богатырскую силу, странникъ отвѣчалъ умоляющимъ голосомъ:

— Не трогай меня, добрый витязь, а прежде выслушай. — Мечъ-кладенецъ ты уже получилъ.

— Какъ онъ очутился въ темницѣ?

— Объ этомъ долго рассказывать, довольно того, что онъ у тебя; коня своего ты тоже получишь, онъ находится въ конюшняхъ Маркобруна и тебѣ только стоитъ подойти къ нимъ и вскрикнуть: гей ты вѣрный конь, стань передо мной, какъ листъ передъ травой, и онъ въ тоже мгновеніе явится къ тебѣ. Въ награду за похищеніе мое я дамъ тебѣ три зелья, которыя имѣютъ чудное дѣйствіе: одно изъ этихъ зелій дѣлаетъ человѣка старикомъ, другое снова обращаетъ его въ молодого, а третье зелье усыпляющее; нужно только дать понюхать и оно наведетъ сонъ ровно на девять дней.

Бова взялъ отъ старика зелья и пошелъ отъ него въ сторону.

Дорогою задумалось ему испытать силу одного зелья; развелъ онъ его въ водѣ, вспрыснулъ на себя и сдѣлался такимъ старикомъ, что, повидимому, малѣйшій вѣтерокъ могъ бы сдунуть его съ ногъ, даже и самый мечъ его кладенецъ и тотъ обратился въ клюку.—Въ такомъ видѣ направилъ онъ шаги свои прямо ко двору Маркобруна. — Въ это время по двору княжескому прогуливалась прекрасная княжна Дружевна. Бова подошелъ къ ней и сказалъ:

— Прекрасная Дружевна Зензевеевна, помоги бѣдному старику, ради Бовы Королевича.

Услыша имя Бовы, Дружевна вдругъ всыхнула.

— А ты развѣ знаешь его, старикъ? спросила она.

— Какъ же!—отвѣчалъ онъ, мы съ нимъ вмѣстѣ сидѣли въ одной темницѣ и вмѣстѣ убѣжали изъ нея.

Дружевна увела мнимаго старика во внутренніе свои покои и стала расспрашивать его подробнѣе о Бовѣ.

Старикъ высказалъ ей все:—какъ томили Бову въ темницѣ и какъ хотѣли повѣсить его на висѣлицѣ за то, что онъ отвергъ любовь дочери Султана Султановича, прекрасной Мельчигрии. — И все это,—добавилъ старикъ,—онъ переищетъ и

переносить ради любви къ тебѣ, княжна Дружевна.

Дружевна начала плакать только.

— Ахъ, старикъ, если бы я знала, гдѣ онъ находится, то пошла бы къ нему, хоть за тридевять земель, въ тридесятое царство... Съ нимъ только однимъ я могу быть счастлива.

— Если такъ, княжна.—продолжалъ старикъ,—то узнай, что Бова здѣсь, въ городѣ Маркобруна.—Самъ онъ, опасаясь быть узнаннымъ, не посмѣлъ сюда придти, а прислалъ меня поразвѣдать: помнишь ли ты объ немъ,

— Какъ! онъ здѣсь? вскричала обрадованная княжна: такъ пойдемъ же къ нему, старикъ; сегодня я могу убѣжать, завтра должна буду принадлежать другому, ненавидимому мною человѣку...

— Позволь, княжна, предложить тебѣ одно средство, которое предохранитъ тебя отъ опасности, въ случаѣ если Маркобруну вздумается послать за тобою погоню; возьми эту баночку: въ ней хранится зелье, имѣющее снотворное дѣйствіе; всыпь зелье хоть, напримѣръ, на руку и дай понюхать Маркобруну. Онъ заснетъ на девять дней, а въ это время ты можешь быть съ своимъ Бовою далеко. Прощай же. Завтра я найду за тобой.

На другой день старикъ снова подо-

шелъ ко дворцу. Къ нему вышла на встрѣчу Дружевна и, объявивъ, что Маркобрунъ спитъ, настаивала чтобы онъ поскорѣе велъ ее къ Бовѣ.

— Постой, княжна, — сказалъ ей тогда старикъ, — я только возьму коня своего и мы отправимся. — Княжна осталась одна. А старикъ подошелъ къ княжескимъ конюшнямъ, кликнулъ богатырскаго коня своего, и тотъ въ одинъ мигъ подлетѣлъ къ нему. — Проворно вскочивъ на коня, старикъ подѣхалъ къ княжнѣ, помогъ ей сѣсть съ нимъ рядомъ и быстро они помчались изъ города. — Отѣхавъ недалеко, старикъ слѣзъ съ лошади, вспрыснулъ себя водой съ другимъ зелиемъ и принялъ настоящій видъ свой Бовы Королевича. Радость и удивленіе Дружевны были до того велики, что едва вѣрила глазамъ своимъ. Однако же нужно было сѣсть. — И они снова пустились въ путь на богатырскомъ конѣ своемъ.

Поздно проснулся Маркобрунъ; невеста его была уже обвѣнчана и находилась далеко. Напрасно также онъ приходилъ въ гнѣвъ и посылалъ несмѣтное войско свое въ погоню. — Съ Бовою былъ мечъ-кладенецъ и онъ по прежнему разбилъ всѣхъ до единого.

Поразивъ этого врага, онъ задумалъ разсчитаться съ другимъ — съ своимъ отчи-

момъ—княземъ Додономъ, о которомъ живо теперь помнилъ, какъ о виновникѣ всѣхъ его бѣдствій.—Съ этою цѣлю онъ направилъ путь свой прямо къ столицѣ матери. Додонъ, узнавъ о приближеніи Бовы Королевича, испугался, собралъ огромное войско и выступилъ самъ противъ него. Опять заходилъ мечъ-кладенецъ Бовы Королевича, снова все поле усѣяно было трупами и самъ Додонъ не миновалъ смерти. Послѣ этого онъ уже безрешительно вошелъ въ городъ отца своего Гвидона. Милитриса Кирбитовна стала предъ нимъ на колѣни и просила прощенія. Бова Королевичъ приподнялъ ее и обѣщалъ предать все забвенію. Въ этотъ же день онъ вступилъ на престолъ и вмѣстѣ съ княжною Дружевною до глубокой старости управлялъ своимъ владѣніемъ. Миръ и довольство были всюду.

Лисица и дуракъ.

Въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ мужикъ, и у него было три сына: два-то были умные, а третій дуракъ. И какъ было тогда лѣтнее время, то и было у старика нѣсколько стоговъ сѣна, и какъ онъ былъ очень скупъ,

то боялся того, чтобъ не покрали у него сѣна; вздумалъ послать сыновей стеречь оное, то и говорилъ большому сыну:— «Любезный мой сынъ, ты знаешь, что у насъ теперь въ полѣ много въ стогахъ сѣна, но ежели кто-нибудь все это сѣно въ полѣ украдетъ, то что тогда будетъ! И для того прошу тебя, чтобъ ты пошелъ въ поле и покараулилъ бы сѣно, чтобъ его ночью никто не украсть». Сынъ его отговаривался, и хотя ему очень не хотѣлось идти, но принужденъ былъ слушать своего отца и пошелъ въ поле. И какъ пришелъ къ стогамъ, то во всю ночь караулилъ, чтобъ кто не украсть сѣна. Потомъ на другой день пошелъ домой, и какъ пришелъ, то сказалъ своему отцу, что все цѣло; и какъ день тотъ прошелъ, то на другую ночь посылалъ старикъ другого, средняго своего сына, и говоритъ ему:— «Поди, сынокъ, въ поле и покарауй сѣно; вѣдь ты знаешь, что тамъ всѣ наши покиточки». Сыну хотя весьма не хотѣлось, но принужденъ былъ идти и, дождавшись вечера, пошелъ къ стогамъ и сидѣлъ всю ночь; но какъ у всякаго мужика въ то время свои были покосы, то никто и не думалъ, чтобъ воровать его сѣно. Итакъ поутру на другой день пришелъ сынъ его домой и пересказалъ отцу, что онъ въ полѣ былъ и

что сѣно все цѣло. Отецъ его похвалилъ. Потомъ, какъ пришла третья ночь, то старикъ сталъ посылать опять большого сына; но сынъ ему говорилъ:— «Что жъ, батюшка, мы и работаемъ все, а дуракъ ничего не дѣлаетъ; пускай хотя онъ будетъ караулить въ полѣ сѣно». Дуракъ говорилъ, сидя на печи:— «Да и вѣдомо; когда я ничего не дѣлаю, такъ хотя пойду за братьевъ-то караулить въ полѣ сѣно». Старикъ закричалъ на него:— «Гдѣ тебѣ, дураку, караулить, иной и тебя украдетъ». А дуракъ говорилъ:— «Нѣтъ, батюшка, я еще лучше умнаго укараулю». Старикъ, сколько ни спорилъ, однако принужденъ былъ послать дурака, потому что онъ самъ просился. И дуракъ пошелъ въ поле, а пришедши, сѣлъ подлѣ стоговъ и смотрѣлъ, не прѣдетъ ли кто. И надобно думать, что неподалеку отъ тѣхъ стоговъ былъ лѣсъ, ибо увидѣлъ дуракъ, что изъ лѣсу бѣжала лисица и прямо къ его стогамъ. Дуракъ, притаясь, молчалъ, а лисица, ухватя клочокъ сѣна, побѣжала обратно въ лѣсъ. И какъ она ушла, то дуракъ самъ себѣ говорилъ:— «Я правду батюшкѣ говорилъ, что я лучше еще умнаго укараулю; видишь ли, братья-то мои ничего не видали, а я уже и увидѣлъ; но я дома-то не скажу до тѣхъ поръ, пока поймаю». Потомъ дуракъ про-

сидѣлъ всю ночь и не видалъ послѣ лисицы никого. А поутру пошелъ домой, и какъ пришелъ, то отецъ его спрашивалъ: — «Что, дуракъ, все ли сѣно цѣло, и былъ ли кто?» Дуракъ говорилъ: — «Нѣтъ, батюшка, не было никого, и сѣно все цѣло». Старикъ, не вѣря ему, пошелъ самъ и осмотрѣлъ всѣ стоги, и видя, что сѣно цѣло, дурака похвалилъ. А какъ на четвертую ночь надобно было идти къ сѣну опять большому брату, но какъ дураку хотѣлось поймать лисицу, то онъ и говоритъ отцу своему: — «Батюшка, пускай братья мои отдыхаютъ, а я пойду караулить сѣно, ибо я ничего не работаю». Послѣ того пошелъ онъ въ поле и сѣлъ у стоговъ, увидалъ опять лисицу, которая ухватила сѣнца клочокъ и побѣжала въ лѣсъ; а послѣ никого уже во всю ночь не видалъ. И поутру пошелъ домой и сказалъ отцу, что все цѣло.

Какъ день прошелъ, а ночь настала, то дуракъ сдѣлалъ силки и пошелъ къ стогамъ и поставилъ тѣ силки въ томъ мѣстѣ, куда лисица прибѣгала; потомъ, какъ уже смерклось, то дуракъ увидѣлъ опять, что бѣжитъ лисица; а онъ притаился, и какъ она прибѣжала къ стогамъ, то и попала въ тѣ силки, которые дуракъ поставилъ. И дуракъ увидѣлъ, что лисица попала въ силки, то подошелъ

онъ, вынулъ ее и привязалъ подлѣ себя. Лисица стала проситься пустить ее. Дуракъ говорилъ:—«Нѣтъ, я тебя завтра отведу домой и отдамъ тебя батюшкѣ; что онъ хочетъ, то съ тобой и дѣлаетъ». Лисица говорила дураку:—«Что тебѣ будетъ прибыли, что ты отведешь къ себѣ домой; ежели продадите меня, то немного денегъ возьмете». Но дуракъ былъ неупросимъ; лисица, видя, что никакъ упросить его не можетъ, говорила ему:—«Послушай, дуракъ, отпусти ты меня, я тебя за то сдѣлаю королемъ и женю на барской дочери». Дуракъ, слыша сіе, говорилъ:—«Нѣтъ, лисица, ты меня обманешь». Но лисица увѣряла его, что она въ своемъ обѣщаніи твердо будетъ стоять. Дуракъ, повѣря ея словамъ, отпустилъ, а она говорила дураку, что на другой день къ вечеру прибѣжитъ. Дуракъ послѣ того просидѣлъ всю ночь, а поутру пошелъ домой, но онъ ничего не сказывалъ. И какъ день прошелъ, то дуракъ къ вечеру пошелъ опять къ стогамъ, а пришедши, сѣлъ и дожидался лисицы, которая и прибѣжала къ нему вскорѣ; поговоря съ нимъ, сказала, что это вѣрно, она свое обѣщаніе не перемѣнитъ. Потомъ говорила ему, чтобъ онъ не называлъ себя Иванушкой-дурачкомъ, а называлъ бы Иванушкой-королевичомъ. Послѣ того прибѣжала опять

въ лѣсъ, а дуракъ остался у стоговъ и просидя всю ночь, поутру пошелъ домой. А лисица какъ у него была, то на другой день бѣжала по лѣсу безъ памяти, а навстрѣчу ей попался медвѣдь, который спрашивалъ:— «Куда ты, лисица, такъ бѣжишь?» Лисица говорила ему:— «Вотъ какъ я для васъ стараюсь и ищу васъ, потому что князь здѣшняго владѣнія дѣлаеть нынѣшній день великій пиръ и на онѣмъ пиру хочетъ васъ, медвѣдей, посмотреть». Медвѣдь побѣжалъ по лѣсу и тотчасъ собралъ множество медвѣдей и привелъ къ лисицѣ, а она повела ихъ къ тому князю. И какъ пришли въ городъ, народъ, увидя ихъ, весьма испугался, а медвѣди шли за лисицею весьма смирно и, наконецъ, пришли ко дворцу. Лисица ихъ остановила, а сама пошла въ покои и, взошедъ къ князю, говорила:— „Милостивый государь! красота вашей дочери принудила ѣхать Ивана-королевича изъ дальнихъ государствъ, и онъ, пріѣхавъ въ вашъ городъ, посылаетъ вамъ звѣрей въ подарокъ и просить, чтобъ отдали дочь свою за него въ замужество“. Князь говорилъ, что онъ съ великою радостію отдаетъ свою дочь за Ивана-королевича; притомъ сказалъ, что онъ съ великою нетерпѣливостію желаетъ его видѣть. Послѣ того князь приказалъ медвѣдей загнать

въ звѣринецъ, а лисица побѣжала къ дураку. И какъ приближала къ тѣмъ стогамъ, то спросила его: — „Тутъ ли ты, дуракъ?“ Онъ отвѣчалъ ей, что тутъ. Тогда лисица говорила: — „Слушай, дуракъ: дѣло твое идетъ паладъ, только что-то будетъ мнѣ отъ тебя?“ Дуракъ говорилъ: — „Все, что потребуешь“. Потомъ лисица, поговоря съ нимъ, побѣжала въ лѣсъ, а на другой день опять бѣжала по лѣсу, и навстрѣчу попался ей волкъ и спрашивалъ: — „Куда ты, лисица, бѣжишь?“ На это лисица отвѣчала: „И васъ, волковъ, ищу, но не могу найти; видите, какъ я объ васъ стараюсь. Князь здѣшняго владѣнія дѣлаеть нынѣшній день великій пиръ, и при такомъ веселіи хочетъ васъ, волковъ, видѣть“. Волкъ, слыша это, побѣжалъ по лѣсу и въ минуту привелъ къ ней пре-большое стадо волковъ; а лисица повела ихъ къ тому князю, и какъ привела ихъ въ городъ, народъ, увидя, весьма испугался, по волки шли за лисицей смиренно и никого не трогали. Когда лисица привела ихъ передъ оконками дворца, то велѣла имъ тутъ дожидаться, а сама пошла въ покои и, взошедъ къ князю, говорила: — „Милостивый государь! Иванъ-королевичъ прислалъ вамъ еще звѣрей въ подарокъ“. Князь взглянулъ въ окошко и увидѣлъ множество волковъ, то, об-

ратись, говорилъ лисицѣ, что онъ чрезмѣрно доволенъ Иваномъ-королевичемъ, только сожалѣеть о томъ, что самъ къ нему не прїѣдетъ. Лисица отвѣчала:— „Милостивый государь, вы принимайте прежде отъ него подарки, а потомъ увидите и самого Ивана-королевича“. Князь приказалъ всѣхъ волковъ загнать въ звѣринецъ. Послѣ того лисица была у князя во дворцѣ, а на вечеръ побѣжала къ дураку; и какъ прибѣжала къ стогамъ, то спрашивала:— „Тутъ ли ты, дуракъ?“ На сіе дуракъ отвѣтствовалъ, что тутъ. Тогда лисица сказала ему:— „Дуракъ, князь отдаетъ дочь за тебя съ охотою“. Дуракъ сталъ ее благодарить за ея стараніе. Потомъ лисица побѣжала опять въ лѣсъ, а дуракъ, просидя у стоговъ всю ночь, пошелъ домой. Лисица же на другой день бѣжала безъ памяти по лѣсу, и навстрѣчу ей попалась такая же лисица, какъ и она, и спрашивала:— „Куда ты такъ, сестрица, шибко бѣжишь?“ На сіе отвѣчала дуракова сваха:— „Видите, какъ я для васъ стараюсь: князь здѣшняго владѣнія дѣлаетъ нынѣшній день великій пиръ, и при такомъ веселіи желаетъ нетерпѣливо видѣть васъ, лисицъ; а какъ я больше бываю въ городѣ, нежели здѣсь въ лѣсу, то мнѣ и препоручена сія комиссія, и для того поди и собирай всѣхъ лисицъ, которыя на-

ходятся въ этомъ лѣсу“. Лѣсная лисица тотчасъ побѣжала по лѣсу и чрезъ минуту привела премножество лисицъ передъ дуракову сваху; а она повела ихъ въ городъ и, приведши ихъ ко дворцу, велѣла имъ себя дожидаться, а сама пошла во дворецъ. И какъ вошла въ тѣ покои, гдѣ былъ князь, то говорила:— „Милостивый государь! Иванъ-королевичъ прислалъ вамъ еще подарокъ; извольте встать и посмотрѣть“. Какъ увидѣлъ князь премножество лисицъ, то говоритъ:— „Любезная лисица, я уже слишкомъ доволенъ Ивановъ-королевичемъ; только сожалѣю о томъ, что онъ самъ не пріѣдетъ во дворецъ“. Тогда лисица отвѣчала:— „Милостивый государь! Я скажу вамъ правду, для чего онъ не пріѣдетъ къ вамъ; ибо когда за него многіе короли сватали своихъ дочерей, то онъ всѣмъ отказывалъ; но какъ происшедшая о красотѣ вашей дочери слава дошла, наконецъ, въ то государство, гдѣ былъ Иванъ-королевичъ, то онъ вздумалъ удостовѣриться, точно ли ваша дочь такая красавица, какъ о ней говорятъ, и притомъ хотѣлъ сдѣлать такъ, чтобъ вы о немъ не знали: и для того, взявъ съ собою одного только слугу и довольное число денегъ, поѣхалъ изъ своего государства и продолжалъ свой путь благополучно; а какъ уже былъ близъ

вашего владѣнія, то въ одинъ весьма жаркій день вздумалъ отдохнуть, и увидѣлъ неподалеку отъ той дороги, по которой они ѣхали, лѣсъ. Иванъ-королевичъ поѣхалъ къ тому лѣсу и, пріѣхавъ, слѣзъ съ своего коня и легъ подъ деревомъ отъ жары отдохнуть. Во время же его сна напали на нихъ разбойники, слугу его убили, потому что онъ не спалъ, а Ивана-королевича всего ограбили. И какъ онъ проснулся, то увидѣлъ, что слуга его убитъ; а онъ, будучи ограбленъ, не зналъ что дѣлать; потомъ рѣшился идти въ ваше государство, а пришедши въ вашъ городъ, живетъ теперь въ весьма бѣдномъ состояніи, и въ такомъ видѣ стыдится передъ вами явиться“. Потомъ говорила лисица:— „Вотъ вамъ вся исторія Ивана-королевича, для чего онъ къ вамъ не ѣдетъ“. Князь, выслушавъ отъ лисицы все, весьма сожалѣлъ, что въ его владѣніи разбойники ограбили Ивана-королевича, а потому говорилъ:— „Ну, любезная лисица, покажи ты теперь намъ, гдѣ живетъ онъ, а я пошлю съ тобой мою придворную карету, также платья и людей, и ты непременно привези его съ собою“. Лисица на все согласилась съ охотою. И какъ карета и все было готово, то лисица побѣжала впередъ, а придворная карета ѣхала за нею, и какъ неподалеку былъ городъ отъ той

деревни, гдѣ жилъ дуракъ, то и пріѣхали скоро къ тѣмъ стогамъ, гдѣ онъ караулилъ сѣно. Лисица прибѣжала къ нему, и карета остановилась. Потомъ говорила она дураку:— „Милостивый государь, Иванъ-королевичъ! Князь здѣшняго владѣнія прислалъ къ вамъ сію карету, которую вы видите, и проситъ васъ къ себѣ“. Послѣ того начали ему волосы чесать, а потомъ и одѣвать; а какъ совсѣмъ его одѣли, то лисица сѣла съ нимъ вмѣстѣ въ придворную карету и поѣхала въ городъ. Лисица, сидя съ нимъ въ каретѣ, научала его, какъ подойти къ князю, княгинѣ и къ нареченной своей невѣстѣ и какъ ему говорить. Потомъ пріѣхали во дворецъ, и князь вышелъ самъ къ нему навстрѣчу. Дуракъ тотчасъ подошелъ къ князю и говорилъ: — „Милостивый государь! я стыжусь передъ вами явиться въ такомъ состояніи“. Но князь прервалъ его рѣчь и говорилъ: — „Не напоминайте о своемъ несчастіи; я уже отъ лисицы все слышалъ“. Потомъ повелъ его князь въ покой, и стали разговаривать. Послѣ того князь велѣлъ позвать дочь свою, которая вскорѣ и вошла въ тѣ покои, гдѣ былъ князь съ дуракомъ. Но мы ужъ будемъ впредь называть его Иваномъ-Королевичемъ. Иванъ-Королевичъ всталъ со стула и поклонился весьма учтиво дочери князя,

потомъ говорилъ князь своей дочери:— „Любезная дочь, я призвалъ тебя за тѣмъ, чтобъ объявить тебѣ счастье: Иванъ-королевичъ дѣлаетъ намъ великую честь и хочетъ взять тебя въ замужество; согласи ли ты?“ А какъ онъ былъ собой недурень, то дочь его безъ всякаго отвращенія согласилась. Князь на другой же день праздновалъ ихъ свадьбу съ великимъ торжествомъ: а послѣ того отвелъ имъ въ своемъ дворцѣ покои, гдѣ они и жили благополучно, провожая дни свои въ великомъ веселіи. И какъ уже прошло тому нѣсколько мѣсяцевъ, какъ Иванъ-королевичъ жилъ съ своею супругою у князя, то въ одинъ день говорила ему лисица:— „А что-жъ, ты не думаешь ѣхать въ свое государство?“ Онъ отвѣчалъ ей:— „Любезная лисица, гдѣ мое государство? Ты знаешь сама, что у меня не только цѣлаго государства, но даже двора нѣтъ, и куда я поѣду?“ Но лисица говорила:— „Такъ какъ я тебѣ обѣщала сдѣлать тебя королемъ, то я хочу свое обѣщаніе исполнить въ завтрашній день. Скажи князю и княгинѣ, что ты намѣренъ ѣхать въ свое государство, а притомъ проси и ихъ, чтобъ поѣхали съ тобой и посмотрѣли твое государство. Иванъ-королевичъ, на другой день войдя къ князю и княгинѣ въ покой, говорилъ:— «Милостивый госу-

дарь! я у васъ живу нѣсколько уже мѣсяцевъ въ городѣ, а теперь имѣю намѣреніе ѣхать въ свое государство, то прошу васъ, пожалуйста, поѣхать со мною вмѣстѣ и посмотрѣть мое государство». Князь и княгиня съ охотою на сіе согласились и велѣли приготовить все нужное къ сему путешествію. Потомъ, какъ все приготовили, и сказали князю, княгинѣ и Ивану-королевичу. При отъѣздѣ своемъ князь сдѣлалъ у себя великій циркъ, на которомъ множество было министровъ, и онъ, выбравъ изъ нихъ одного, поручилъ ему правленіе своего владѣнія; а послѣ того отправились благополучно. Лисица же побѣжала впередъ и велѣла всѣмъ за собой ѣхать. И такъ ѣхали они, долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, скоро сказка сказывается, а не скоро дѣло дѣлается. Потомъ, какъ лисица бѣжала впереди, то и увидала, что пасутъ пастухи стадо рогатаго скота. Увидѣвъ сіе лисица побѣжала къ нимъ и спрашивала:— «Какого вы государства?» Пастухи отвѣтствовали, что они Расимскаго государства. Потомъ лисица спрашивала, кто у нихъ король, на что пастухи отвѣчали, что король у нихъ Ригень. Тогда лисица говорила имъ:— «Слушайте вы, пастухи: ежели вы скажете еще кому-нибудь, что король

у васъ Ригей, то за мною ѣдетъ Иванъ-королевичъ, сильный богатырь, который васъ всѣхъ до смерти убьетъ». Пастухи, слыша отъ нея такія рѣчи, весьма испугались и просили ее, чтобъ она сказала, какъ имъ сказываться. Лисица же говорила:— «Когда вы увидите ѣдущихъ мимо васъ преможество каретъ, и ежели станутъ васъ спрашивать, коего вы государства, то вы скажите, что вы Расимскаго государства, славнаго богатыря Ивана-королевича; да помните же, а ежели вы скажете, что король у васъ Ригей, то тутъ же всѣхъ и изрубятъ». Потомъ побѣжала отъ нихъ въ свой путь. Вскорѣ послѣ нея увидѣли пастухи ѣдущихъ преможество каретъ, и какъ скоро подѣхали къ пастухамъ, то князь, увидя столько рогатаго скота и желая знать, коего они государства, приказалъ остановиться каретѣ и велѣлъ кликнуть пастуховъ, а какъ пастухи подошли къ каретѣ, то князь спросилъ ихъ:— «Котораго вы государства?» Пастухи отвѣтствовали:— «Милостивый государь! мы Расимскаго государства, славнаго богатыря Ивана-королевича». А онъ, слыша, что его называютъ, говорилъ:— «Такъ, это точно мое государство». Потомъ поѣхали далѣе за лисицей, и князь удивился такимъ прекраснымъ лугамъ. А лисица

увидѣла еще пастуховъ, которые пасли безчисленное множество лошадей; лисица подбѣжала къ нимъ и спрашивала: — „Котораго вы государства?“ Пастухи отвѣчали, что Расимскаго государства, славнаго короля Ригена. Тогда лисица говорила: — „Слушайте, пастухи: позади меня ѣдетъ сильный, могучій богатырь Иванъ-королевичъ, и ежели васъ спросить, коего вы государства, то вы скажите, что Расимскаго, славнаго короля Ивана-королевича; а своего короля отнюдь не упоминайте, а коль скоро помяните, то онъ васъ всѣхъ велитъ перерубить“. Пастухи, убоявшись ея рѣчей, обѣщались такъ сказать, какъ она имъ велѣла. Лисица побѣжала отъ нихъ, а вскорѣ послѣ нея пріѣхалъ Иванъ-королевичъ съ княземъ и со всѣми министрами. Князь, увидя столько лошадей, захотѣлъ знать, котораго государства и, призвавъ пастуховъ, спрашивалъ ихъ: — «Какого вы государства!» Но какъ они были научены лисицею, какъ имъ говорить, то отвѣчали: — «Милостивый государь! мы государства Расимскаго, славнаго богатыря Ивана-королевича». Князь, обратясь, говорилъ. — «Ну, любезный зять, надобно признаться, что мое владѣніе ничто противъ твоего государства». Потомъ поѣхали за лисицею въ путь, а лисица, увидя городъ,

побѣжала прямо во дворець; и какъ вбѣжала въ тѣ покои, гдѣ былъ король Ригенъ, ибо это точно его владѣніе, и какъ увидѣлъ Ригенъ лисицу, то спрашивалъ ее, зачѣмъ она пришла? А лисица, притворяясь, будто испугалась, говорила королю: — «Ахъ, милостивый государь! Спрячьтесь вы въ потайное мѣсто, чтобъ васъ не могли найти, ибо ѣдетъ въ ваше государство сильный, могучій богатырь Иванъ-королевичъ и хочетъ васъ изрубить». Король, испугавшись, не зналъ что дѣлать, потомъ говорилъ: — «Любезная лисица, я лучше его встрѣчу со всѣми моими министрами». Но лисица говорила: — «Ахъ! лучше и не кажитесь и поскорѣе спрячьтесь, ибо онъ уже недалеко отъ вашего города, а министрамъ прикажите, чтобъ его встрѣтили какъ возможно лучше и называли бы его своимъ королемъ, также и по всему городу публикуйте, чтобъ называли его королемъ, а о васъ чтобъ и не поминали; и хотя онъ пріѣдетъ, но какъ все будетъ въ угоду его сдѣлано, и васъ онъ не найдетъ, то и выѣдетъ изъ вашего города благополучно». Король Ригенъ приказалъ публиковать всему народу, чтобъ называли Ивана-богатыря королемъ, а его не поминали; министрамъ же своимъ приказалъ, чтобъ какъ возможно лучше встрѣтить Ивана-короле-

веча. Потомъ говорилъ король:—«А я, любезная лисица, спрячусь вотъ въ этотъ дубъ». Ибо передъ окнами его дворца поставленъ былъ дубъ, но верхушка была съ него срублена и въ немъ было пусто, и потому называлось оно дупломъ. Лисица ему сказала, что очень хорошо. И король спрятался въ то дупло. А лисица послала Ивану-королевичу навстрѣчу многихъ министровъ. И какъ скоро въѣхалъ онъ въ городъ, то встрѣтили его всѣ министры, потомъ препроводили его во дворецъ; и какъ взвошелъ Иванъ-королевичъ въ покои съ княземъ, то князь удивился убранству покоевъ. Потомъ весь день препроводили въ веселіи. И какъ на другіи день сдѣлали великій циркъ, то лисица отвела Ивана-королевича въ особливя комнаты и говорила ему:—«Слушай: прежде прикажи это дупло прострѣлить, которое стоитъ предъ окнами дворца, а потомъ уже веселись. Иванъ-королевичъ, по наученію лисицы, вышелъ къ министрамъ и говорилъ:—«Мнѣ кажется, что это дупло стоитъ не у мѣста; однако, я хочу видѣть, пролетитъ ли сквозь него изъ ружья выпаленная пуля». Министры хотя знали, что тамъ находился ихъ король, но застращены были отъ лисицы, что онъ имѣлъ великую силу, то и не смѣли ему ничего говорить, и по прика-

занію его прострѣлили то душло нѣскольکو разъ, а въ немъ убили и расимскаго короля Ригена. Послѣ того день тотъ весь веселились; какъ ночь наступила, то лисица велѣла то душло срубить и тайно похоронить короля. По смерти его Иванъ-королевичъ сдѣлался настоящимъ королемъ и для того сдѣлалъ великій пиръ и многихъ министровъ награждалъ деньгами, а кого чинами. Потомъ веселились нѣскольکو мѣсяцевъ, и послѣ того веселья князь поѣхалъ въ свое владѣніе, а Иванъ-королевичъ остался въ своемъ Расимскомъ государствѣ, жилъ благополучно съ супругою своею, проводили дни свои въ веселіи; а лисица жила уже остальное время въ покоѣ за свои услуги.

Иванъ богатырь.

въ нѣкоторомъ царствѣ, не въ нашемъ государствѣ—жилъ былъ бояринъ Добромысль. Семейство боярина не то, чтобы мало было, не то, чтобы и велико: всего только въ женѣ, да въ трехъ сыновьяхъ заключалось. Подростать стали дѣти боярскія, научились грамотѣ, разнымъ хитростямъ нѣмецкимъ и сдѣлались

такими разумными, что отецъ ихъ чуть не прыгалъ отъ радости, а ужъ матушка-то и подавно. Подошло, наконецъ, время женить ихъ. Добромьслъ думалъ, думалъ, да и придумалъ. Онъ призвалъ къ себѣ всѣхъ сыновей своихъ и сказалъ имъ:

— Любезныя дѣти! Теперь вы пришли въ совершенный возрастъ, силы ваши окрѣпли, и ужъ вамъ пора подумать о невѣстахъ...

— Родимый, дорогой нашъ батюшка! отвѣчали они отцу, низко кланяясь. Мы изъ твоей власти не выходимъ; что повелишь намъ, то и будемъ дѣлать.

— Ну, такъ слушайте-же, любезныя дѣти! Возьмите каждый по каленой стрѣлѣ, сдѣлайте на нихъ надписи и пустите ихъ въ разныя стороны. Чья стрѣла въ который городъ и въ чей домъ прилетитъ, то тамъ и невѣста его.

Дѣти, выслушавъ отца, взяли каждый по стрѣлѣ, сдѣлали надписи и вышли въ заповѣдныя луга. Прежде всѣхъ пустилъ стрѣлу старшій братъ въ правую сторону, а потомъ средній въ лѣвую и, наконецъ, меньшей, котораго звали Иванъ-Богатырь, пустилъ свою стрѣлу прямо. Послѣ этого пошли всѣ они къ отцу своему и рассказали ему, въ которую сторону каждый пустилъ стрѣлу. Отецъ, выслушавъ ихъ, приказалъ имъ идти отыскивать

свои стрѣлы, и дѣти разошлись въ разныя стороны.

Старшій братъ нашелъ стрѣлу свою въ домѣ одного знатнаго вельможи, у котораго была дочь-красавица. Онъ взялъ ее и повелъ къ своему отцу. Стрѣла средняго брата поцала также въ домъ одного знатнаго боярина, у котораго тоже была дочь недурная собой, и этотъ также взялъ ее и повелъ къ своему отцу. Добромысль принялъ ихъ и избранныхъ ими невѣстъ очень ласково и съ большимъ торжествомъ отпраздновалъ ихъ свадьбы.

Не находилъ только стрѣлы своей меньшей братъ, Иванъ-Богатырь, и былъ отъ того чрезвычайно печалень; однакоже, онъ не терялъ надежды и рѣшился не возвращаться къ отцу до тѣхъ поръ, пока не найдетъ ее. И вотъ цѣлыхъ два дня ходилъ онъ по лѣсамъ и горамъ, а стрѣлы все нѣтъ какъ нѣтъ. Прошелъ еще день. Иванъ-Богатырь очутился въ болотѣ, сталъ вязнуть и не зналъ, что дѣлать ему въ такой опасности. Но вдругъ, къ величайшему удивленію своему, онъ увидалъ небольшую избушку, которая стояла уединенно.

«Тутъ вѣрно живетъ какой-нибудь пустынникъ», подумалъ Иванъ-Богатырь и, чтобы удостовѣриться въ своей догадкѣ, онъ началъ тихонько подходить къ

той избушкѣ. Вотъ, наконецъ, онъ подошелъ къ ней, вошелъ въ нее и едва вѣрнуть глазамъ своимъ: въ избушкѣ сидѣла дряхлая старушенка и вертѣла въ рукахъ стрѣлу его.

— Что за чудо! прошепталъ про себя Иванъ-Богатырь и учтиво поклонился загадочной обитательницѣ.

— Здравствуй, бабушка! сказалъ онъ ей привѣтливо.

— Добро пожаловать, дорогой гость! отвѣчала старуха. Ты, Иванушка, конечно, искалъ стрѣлы, которую пустилъ на произволь судьбы. Такъ вотъ судьба-то тебя и привела ко мнѣ. Что дѣлать-то? Ей мы всѣ должны повиноваться. Знаешь пословицу: „не давши слова — крѣпись, а давши его — держись;“ такъ долженъ поступать каждый честный человѣкъ; надеюсь, такъ поступишь и ты. А чтобы тебѣ не скучно показалось у меня, то постой, я кое-что сдѣлаю.

Проговоривъ эти слова, старуха взяла со стѣны какой-то прутикъ, ударила имъ объ полъ, и въ одно мгновеніе небольшая избушка превратилась въ великолѣпную бесѣдку. Иванъ-Богатырь былъ вѣкъ себя отъ удивленія.

— Ну, вотъ тебѣ и приличное мѣсто, заговорила старуха. Садись-ка, Иванушка,

на софу, да закуси на доброе здоровье: ты, я думаю, очень проголодался.

И, не дождавшись отвѣта, старуха топнула ногою. Вдругъ богато одѣтые слуги внесли большой столъ, установленный серебряною посудой и превосходными нанизками; велѣдъ затѣмъ начали попеременно подавать роскошныя кушанья.

Старуха сказала Ивану-Богатырю:

— Ну, Иванушка, прошу покорно откушать моего хлѣба-соли; да пожалуйста, не церемонься, а будь какъ у себя дома.

Иванъ-Богатырь не заставилъ долго себя упрашивать и принялся усердно оно-ражничать блюда; наконецъ, наѣвшись досыта, онъ всталъ изъ-за стола и поблагодарилъ старуху.

— Ну, бабушка, сказалъ онъ, я тебѣ очень благодаренъ и гостепрѣимства твоего, повѣрь, во всю жизнь не забуду. Позволь же мнѣ взять стрѣлу мою и проститься съ тобою.

— Нѣтъ, возразила старуха. Стрѣлы своей ты взять у меня не можешь: ты, помнишь, пустилъ ее съ тѣмъ намѣреніемъ, что въ какой домъ попадетъ она, тамъ и долженъ ты взять себѣ жену, а потому по всѣмъ правамъ я должна быть твоей женою.

Ивана-Богатыря покорило.

— Я тебя не понимаю, старуха, сказалъ онъ. Ты или шутишь, или смѣешься надо мною. Ну, ты только разсуди хорошенько: могу-ли я быть твоимъ мужемъ? Тебѣ лѣтъ-то сколько? Вѣдь слишкомъ сто, а мнѣ—съ небольшимъ двадцать.

— Все это такъ, отвѣчала старуха; однакоже, если ты не женишься на мнѣ, то никогда не выдешь изъ этого болота.

Что было дѣлать Ивану-Богатырю? Старуху обмануть трудно: однакоже, онъ пустился на хитрость.

— Ну, хорошо, старуха, сказалъ онъ ей ласково. Если ужъ судьба назначила мнѣ быть твоимъ мужемъ—я буду, но только отдай мнѣ стрѣлу; я отнесу ее къ отцу моему и скажу, что она попала къ тебѣ.

— Полно хитрить-то, Иванъ-Богатырь! замѣтила старуха. Меня не проведешь, и я тебѣ опять повторяю: если не женишься на мнѣ, то хоть весь вѣкъ свой сиди въ этой бесѣдкѣ: никогда не выйдешь изъ болота.

Иванъ-Богатырь весь побагровѣлъ отъ досады. „Вотъ пристала-то, окаянная, думаетъ про себя, никакъ и не отвяжешься! Ишь, вѣдь, чего захотѣла, старая корга... замужь!.. Ну, какъ я женюсь на ней?.. Какъ покажусь съ ней къ отцу? Засмѣютъ—рѣшительно все засмѣютъ“.

— Ну, бабушка, заговорилъ онъ, наконецъ, обращаясь къ старухѣ, ты зада-ла мнѣ премудрую задачу. Позволь хоть денька два, или три подумать.

— Изволь, Иванушка, отвѣчала старуха, я согласна. Но только, слушай, говорю впередъ: по твоему не сбудется, и ты все таки долженъ будешь на мнѣ жениться... Прощай, желаю тебѣ поскорѣй образумиться.

Старуха вышла. Иванъ-Богатырь посмотрѣлъ ей вслѣдъ; когда она совсѣмъ скрылась, онъ отворилъ дверь бесѣдки и пошелъ искать, нѣтъ-ли гдѣ тропинки, которая вывела бы его изъ этого мѣста... Но сколько ни ходилъ онъ, ни розыскивалъ—все было напрасно... Передъ нимъ даже исчезла бесѣдка, изъ которой онъ вышелъ, а между тѣмъ болото становилось все болѣе и болѣе вязкимъ, и онъ въ одномъ мѣстѣ чуть было не увязъ по поясъ... Видитъ Иванъ-Богатырь, что дѣло плохо, что нужно покориться судьбѣ, и вотъ онъ началъ разсуждать самъ съ собой:

— А старуха-то правду сказала: никакъ не могу выбраться изъ этого проклятаго болота... Что-жъ остается мнѣ дѣлать? Не погибать-же, въ самомъ дѣлѣ, тутъ, въ глуши?... Рѣшено, женюсь на бабушкѣ. Пусть всѣ смѣются: устанутъ и переостанутъ.

Едва проговорилъ онъ эти слова, какъ въ ту же минуту снова очутился въ бесѣдкѣ и къ его услугамъ опять явился столъ съ роскошными кушаньями, фруктами и винами.

Старуха съ улыбкой привѣтствовала Ивана-Богатыря и сказала ему:

— Покорно прошу, любезный гость, присядь, да закуси хорошенько. Чай, послѣ прогулки по болоту проголодался? Видишь, какъ я забочусь о тебѣ и какъ стараюсь угождать твоимъ желаніямъ... Ну, теперь повѣришь-ли, что я люблю тебя?

— Вѣрю, вѣрю! проговорилъ сквозь зубы Иванъ-Богатырь въ отвѣтъ на нѣжное признаніе старухи.

Потомъ онъ сѣлъ за столъ и сталъ порядкомъ очищать блюда. Старуха только умильно на него посматривала.

— Ну, такъ и быть, сказалъ, наконецъ, Иванъ-Богатырь. Судьба, видно, не щадюшка и суженую знать конемъ не обѣдешь... Я женюсь на тебѣ!

Едва Иванъ-Богатырь проговорилъ эти слова, какъ въ ту же минуту вмѣсто старухи увидалъ онъ передъ собою красавицу, да такую, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать.

Иванъ-Богатырь только ахнулъ отъ удивленія.

— Не дивись, Иванъ-Богатырь, сказала она. Въ этомъ видѣ я должна быть постоянно; въ старуху же превратилъ меня злой волшебникъ, и ею я должна была остаться до тѣхъ поръ, пока не выищется женихъ, который-бы согласился взять меня за себя, не пренебрегая ни старостью, ни моимъ уродствомъ. Твое же согласіе жениться на мнѣ избавляетъ меня отъ тягостнаго положенія, въ которомъ я томилась и отъ котораго приходила въ отчаяніе.

Иванъ-Богатырь едва вѣрилъ глазамъ своимъ, и удостовѣрившись, что чувства его не обманываютъ, онъ былъ внѣ себя отъ восторга и наговорилъ красавицѣ съ три короба разныхъ нѣжностей...

Наконецъ, Свѣтлана—такъ звали будущую супругу Ивана-Богатыря, сказала ему:

— Поспѣшимъ-же явиться къ твоему родителю; только, слушай, у меня есть къ тебѣ еще одна покорнѣйшая просьба, отъ которой зависитъ наше общее счастье. Дай мнѣ честное слово, что ты исполнишь ее; иначе я погибла.

— Что такое Свѣтлана? спросилъ Иванъ-Богатырь. Говори смѣло и будь увѣрена, что я исполню все, что только ты пожелаешь. Даю тебѣ честное слово.

— Если такъ, то я тебѣ выскажу, въ

чемъ заключается моя просьба, отвѣчала Свѣтлана. Вотъ видишь-ли: очарованіе мое не совсѣмъ окончилось и остается уже не много времени до того, чтобы я находилась въ такомъ видѣ, въ какомъ ты меня видишь; а потому я прошу у тебя терпѣнія до этого срока. Въ противномъ случаѣ, ты все дѣло испортишь. Пока же не пройдетъ время очарованія, я только на ночь могу возвращать себѣ красоту и молодость, а днемъ снова должна превращаться въ старуху.

Это объясненіе Свѣтланы сильно ошечалило Ивана-Богатыря. Замѣтивъ его нерѣшимость, Свѣтлана вдругъ призадумалась. На лицѣ ея выразилась глубокая грусть, а на глазахъ показались слезы.

— Ахъ, Иванъ-Богатырь! сказала она со вздохомъ. Я вижу, что ты не рѣшаешься спасти меня отъ несчастія, въ которомъ я должна умереть всѣми забытая и всѣми пренебрегаемая.

При этомъ она взглянула на него съ такимъ трогательнымъ выраженіемъ, что ему стало жаль ее.

— Ну, перестань-же горевать, моя милая! сказалъ, наконецъ, Иванъ-Богатырь, успокоивая Свѣтлану. Для твоего и моего счастья я тебѣ даю честное слово, что, не разрушая очарованья, я буду съ нетерпѣніемъ ожидать окончанія срока.

Условіе было заключено, и Свѣтлана въ знакъ благодарности поцѣловала Ивана-Богатыря, а потомъ сказала ему:

— Теперь я опять должна превратиться въ старуху, и въ такомъ видѣ ты веди меня къ своимъ родителямъ.

— Согласенъ, отвѣчалъ ей Иванъ-Богатырь.

Свѣтлана повернула находившееся у нея на пальцѣ кольцо и въ одну минуту сдѣлалась старухою.

Иванъ-Богатырь взялъ ее подъ руки и вмѣстѣ съ нею отправился къ своимъ родителямъ. Добромыслъ очень обрадовался, увидавши своего меньшаго сына.

— А это что за старуха съ тобою? спросилъ онъ сына.

— Это—будущая жена моя! отвѣчалъ Иванъ-Богатырь.

И онъ подвелъ къ отцу свою Свѣтлану.

Братья и невѣстки едва удержались отъ смѣха. Указывая на нее пальцами, невѣстки шептали между собою:

— Какова красотка-то? Прелестъ. Жаль только, что зубовъ нѣтъ, да верхняя губа втянулась; впрочемъ, мягче цѣловаться будетъ. А лѣтъ-то? Чай только съ небольшимъ двѣсти... Какъ есть настоящая невѣста. Сѣда маленько, ну, за то цудры не потребуются...

И много подобныхъ насмѣшекъ на- шептывали невѣстки одна другой.

Добромысль однакоже приказалъ имъ быть поскромнѣе и, обратясь къ стояв- шему передъ нимъ младшему сыну, ска- залъ:

— Любезный сынъ мой! Я самъ при- чиною твоего несчастія и теперь раская- ваюсь въ своемъ приказаніи, которое далъ вамъ относительно невѣсть. Впрочемъ, попробуемъ, нельзя-ли будетъ исправить ошибку. Наградимъ старуху подарками— можетъ, она и откажется отъ замужества.

— Я ни за что не перемѣню своего намѣренія, отвѣчалъ Иванъ-Богатырь.

Въ такомъ случаѣ, продолжалъ отецъ, я нисколько не препятствую твоему же- ланію... Женись, я позволяю тебѣ.

Свадьба была сыграна,—и пиръ про- шелъ великолѣбно. Вечеромъ, когда Иванъ- Богатырь вступилъ въ отведенныя ему комнаты, Свѣтлана обернула кольцо и сдѣлалась неподражаемой красавицей, а при наступленіи дня снова превратилась въ старуху.

Такъ Иванъ-Богатырь прожилъ съ своею старухою довольно долгое время, ни мало не огорчаясь тѣмъ, что жена его съ каждымъ утромъ теряла свою молодость.

Однажды, долго спустя послѣ ихъ

свадьбы, Добромысль призвавъ всѣхъ сыновей своихъ и сказалъ имъ:

— Любезныя дѣти! Такъ какъ теперь вы всѣ трое женаты, то я желаю, чтобы каждая изъ женъ вашихъ сдѣлала мнѣ по рубашкѣ, и требую, чтобы всѣ три рубашки поснѣли къ завтраму.

При этомъ Добромысль далъ каждому сыну по куску полотна.

Старшій и средній братья Ивана-Богатыря, принеши полотно къ своимъ женамъ, сказали:

— Батюшка приказалъ вамъ сшить изъ этого полотна по рубашкѣ и требуетъ, чтобы къ завтраму онѣ поснѣли.

Жены ихъ тотчасъ-же начали кликать мамушекъ, нянюшекъ, сѣнныхъ дѣвушекъ и принялись за работу, а между тѣмъ послали дѣвку-чернавку къ женѣ Ивана-Богатыря посмотрѣть, какъ она будетъ шить рубашку.

Дѣвка-чернавка пришла въ комнаты Ивана-Богатыря и видитъ, что Свѣтлана изрѣзала полотно на мелкіе куски и бросила ихъ за окошко, проговоривъ:

— Буйны вѣтры! Разнесите лоскуточки въ разныя стороны и сшейте свекору рубашку.

Возвратилась дѣвка-чернавка къ госпожамъ своимъ и пересказала, что видѣла у старухи.

Невѣстки долго смѣялись надъ женою Ивана-Богатыря и говорили:

— Что-то ея мужъ завтра къ отцу принесетъ?

На другой день, только что проснулся Добромысль, какъ вошли къ нему трое сыновей его и подали ему сорочки.

-- Эта сорочка сшита обыкновенно, сказалъ отецъ, разсматривая рубашку, которую принесъ ему старшій сынъ.

— И эта также сшита не лучше, продолжалъ онъ, обращаясь къ среднему сыну.

Когда-же взглянулъ на сорочку меньшаго сына, то не могъ довольно на нее надивиться. Она такъ понравилась ему, что онъ приказалъ слугамъ подавать ее только въ самые торжественные дни.

Прошло нѣсколько времени. Добромысль опять призвалъ къ себѣ сыновей своихъ и сказалъ имъ.

— Любезныя дѣти! Я хочу, чтобы каждая изъ вашихъ женъ сдѣлала мнѣ по ковру и чтобы ковры эти были готовы къ завтраму. Вотъ вамъ серебро, золото и шелкъ; ступайте, передайте своимъ женамъ мое желаніе.

Дѣти въ точности исполнили приказаніе родителя.

Жены старшаго и средняго сыновей тотчасъ-же начали кликать мамушекъ,

нянюшекъ, сѣнныхъ дѣвушекъ и принялись за работу; а между тѣмъ послали дѣвку-чернавку посмотрѣть, что будетъ дѣлать старуха.

Дѣвка-чернавка вошла въ комнату Ивана-Богатыря и видитъ, что Свѣтлана изрѣзала на мелкіе куски золото, серебро и шелкъ, выбросила все за окошко и сказала:

— Буйные вѣтры! Разнесите кусочки въ разныя стороны и изготовьте коверъ свекору.

Возвратилась дѣвка-чернавка къ госпожамъ своимъ и пересказала, что видѣла у старухи.

Невѣстки еще пуще стали смѣяться надъ женою Ивана-Богатыря и говорили:

— Что-то ея мужъ завтра къ отцу принесетъ?

На другой день, какъ проснулся Добромысль, дѣти вошли къ нему съ своими коврами.

Отецъ осмотрѣлъ сначала ковры старшаго и средняго сыновей и остался недоволенъ. Когда дошла очередь до ковра, принесеннаго Иваномъ-Богатыремъ, то онъ ахнулъ отъ изумленія и приказалъ своимъ слугамъ--постилать его на столъ, и то только въ самые торжественные дни.

Послѣ того онъ сказалъ своимъ сыновьямъ:

— Теперь, любезныя дѣти, я хочу имѣть отъ вашихъ женъ по хлѣбу и желею, чтобъ они были готовы къ завтраму.

Сыновья пересказали въ точности своимъ женамъ о желаніи ихъ родителя.

Жены старшаго и средняго сыновей тотчасъ-же начали кликать мамушекъ, нянюшекъ, сѣиныхъ дѣвушекъ и принялись ставить опару, а между тѣмъ послали дѣвку-чернавку посмотреть, что будетъ дѣлать старуха.

Дѣвка-чернавка вошла въ комнаты Ивана-Богатыря и видитъ, что Свѣтлана всыпала муку въ кванню, налила холодной воды, сдѣлала растворъ, вылила въ холодную печь, заслонила и сказала:

— Испекись хлѣбъ чистъ, рыхлъ и бѣлъ какъ снѣгъ.

Возвратилась дѣвка-чернавка къ господамъ своимъ и пересказала имъ, что видѣла у старухи.

Невѣстки стали снова смѣяться надъ женою Ивана-Богатыря и говорили:

— Что-то ея мужъ завтра къ отцу принесетъ?

На другой день какъ проснулся Добромысль, вошли къ нему сыновья его, и каждый держалъ по хлѣбу.

Отецъ сначала попробовалъ хлѣбы старшаго и средняго сыновей, и они показались ему не вкусны; когда-же дошла

очередь до хлѣба, принесеннаго меньшимъ сыномъ, то онъ, отвѣдавъ его, остался очень доволенъ и приказалъ слугамъ своимъ подавать его на столъ, когда будутъ гости.

Потомъ, поблагодаривъ сыновей за труды ихъ женъ, онъ сказалъ имъ, что двѣ старшія изъ нихъ хоть и прекрасны, по никакъ не могутъ сравниться по разуму съ женою меньшаго брата, Ивана-Богатыря.

А затѣмъ пригласилъ ихъ всѣхъ съ женами къ себѣ, на обѣденный столъ.

Сѣхались сыновья къ отцу, привезли съ собою также и женъ своихъ. Добромысль очень обрадовался, увидавъ меньшую невѣстку, и особенно удивлялся ея ослѣзительному драгоцѣнному наряду. Сѣли, наконецъ, за столъ и стали кушать.

Свѣтлана видитъ, что невѣстки смѣются надъ нею. Она знаетъ, что онѣ станутъ подражать ей, и потому задумала подшутить надъ ними. Чего не допивала, то за рукавчикъ лила, а косточки за другою клала.

Обѣ невѣстки какъ увидали это, переглянулись между собою и начали дѣлать то-же, что Свѣтлана.

Обѣдъ, наконецъ, кончился.

Добромысль пригласилъ гостей своихъ въ садъ.

— Ну, какъ тебѣ нравится мой садъ? спросилъ онъ Свѣтлану.

— Садъ раскинутъ прекрасно, отвѣчала она. Недостаетъ только одного, чтобы всѣ считали его чудомъ.

— Чего-же именно недостаетъ? спросилъ удивленный Добромысль.

— А вотъ чего, произнесла Свѣтлана.

И при этомъ махнула однимъ рукавомъ—очутился обширный прудъ; махнула другимъ—поплыли по водѣ гуси и лебеди.

Добромысль едва вѣрилъ глазамъ своимъ и не могъ удержаться, чтобы не поцѣловать Свѣтлану.

— Невѣстки еще болѣе стали завидовать ей и подумали:

— Не удастся-ли и намъ сдѣлать то-же?

Онѣ махнули однимъ рукавомъ—и облили всѣхъ гостей; махнули другимъ—и полетѣли кости кому въ носъ, кому въ бровь, а свекору такъ попали въ глазъ.

Со стыдомъ удалились невѣстки и дали слово болѣе не смѣяться надъ Свѣтланой.

Радъ былъ Иванъ-Богатырь, что жена его затмила всѣхъ своимъ разумомъ.

— Недостаетъ ей только красоты, думалъ онъ, чтобы поразить во всемъ.

И вотъ онъ началъ ломать голову—

стать придумывать, какъ бы не допустить ея превращенія. Онъ вспомнилъ о кольцѣ и рѣшился унести его въ то время, какъ она будетъ красавицей. Нетерпѣніе взяло верхъ надъ разсудкомъ.

Наслѣдующее-же утро, когда Свѣтлана покоилась еще крѣпкимъ сномъ, Иванъ-Богатырь снялъ съ пальца у сонной волшебное кольцо, ушелъ на берегъ моря и съ негодованіемъ бросилъ его въ волны морскія. Исполнивъ это, онъ поспѣшно возвратился домой, но только что вступилъ на крыльцо, какъ его встрѣтила Свѣтлана съ заплаканными глазами.

— Ну, Иванъ-Богатырь, грустно сказала она, не хотѣлъ подождать малое время, и ищи меня теперь въ тридесятомъ царствѣ. Много, много горя ожидаетъ меня за твое нетерпѣніе!

Проговоривъ эти слова, она быстро поднялась на воздухъ и скрылась.

Иванъ-Богатырь стоялъ, какъ окаменѣлый. Тяжелая невыносимая грусть сдавила ему сердце. Онъ бросился къ отцу и рассказалъ ему о случившемся съ нимъ несчастіи.

Добромысль, выслушавъ Ивана-Богатыря, весьма сожалѣлъ о своей невѣсткѣ.

— Батюшка! сказалъ ему меньшей сынъ. Безъ нея мнѣ свѣтъ не милъ, и я

рѣшился во что бы то ни стало идти отыскивать мою супругу.

Отецъ не прекословилъ.

И вотъ Иванъ-Богатырь вышелъ за городскія ворота и вступилъ на широкое поле.

Тяжелая мысль влекла его впередъ.

Шелъ онъ, долго-ли, коротко-ли, скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается, наконецъ, пришелъ онъ къ избушкѣ, которая стояла на курьихъ ножкахъ и сама повертывалась.

Иванъ-Богатырь сказалъ:

— Избушка, избушка, стань къ лѣсу задомъ, а ко мнѣ передомъ!

И избушка остановилась.

Иванъ-Богатырь вошелъ въ нее и увидалъ, что тамъ сидѣла Яга-баба. Она заговорила сердитымъ голосомъ:

— Доселѣ русскаго духа слыхомъ не слыхивано и видомъ не видывано, а нынѣ русскій духъ въ очахъ проявляется. Что ты, Иванъ-Богатырь, волею или неволею пришелъ ко мнѣ?

— Сколько волею, столько неволею, отвѣчалъ Иванъ-Богатырь и рассказалъ, чего онъ ищетъ.

— Жаль мнѣ тебя, Иванъ-Богатырь: оплошалъ, сердечный. Потернѣть-бы маленько, а то нѣтъ—дай, сдѣлаю по своему. Но такъ и быть, я готова услужить

такому доброму молодцу, какъ ты. Жена твоя теперь у волшебника и томится въ его теремѣ на превысокой горѣ. Ступай къ нему; вотъ этотъ клубокъ доведетъ тебя до его жилища. А чтобы духи его и самъ онъ не могли сдѣлать тебѣ ничего вреднаго, то вотъ возьми съ собой мечъ, предъ которымъ безсильны все его чародѣйства.

Поблагодарилъ Иванъ-Богатырь бабу-Ягу, взялъ отъ нея мечъ и клубокъ и пошелъ далѣе.

Шелъ онъ долго-ли, коротко-ли, близко-ли, далеко-ли, скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Подошелъ, наконецъ, къ превысокой горѣ. Клубокъ все катится, а за нимъ идетъ и Иванъ-Богатырь. Вдругъ видитъ онъ теремъ волшебника. Подошелъ къ нему и весь затрясся отъ ужаса. На него налетѣли духи волшебника и самъ чародѣй, въ видѣ дракона, хотѣлъ огнемъ опалить его. Но Иванъ-Богатырь поднялъ мечъ очарованный,—и все съ визгомъ разлетѣлось въ разныя стороны. Онъ остался одинъ, вошелъ въ теремъ и долго ходилъ по комнатамъ, отыскивая свою Свѣтлану; наконецъ, услыхалъ стонъ, приложилъ мечъ свой—и стѣна разступилась. Передъ нимъ стояла его жена. Радость ихъ при свиданіи была несказанная. Она цѣловала Ивана-Богатыря и благодарила его за спасе-

ніе. Очарованіе съ нея спало. И они те-
перь спѣшили въ домъ родительскій.

Добромысль очень обрадовался воз-
вращенію Ивана-Богатыря и, указывая
на Свѣтлану, спросилъ его:

— А это кто же съ тобою сынъ?

— Это милая жена моя, отвѣчалъ
Иванъ-Богатырь, та самая, которую ты
видѣлъ старухою.

И какъ онъ чувствовалъ отъ дороги
усталость, то обѣщалъ отцу послѣ раз-
сказать все въ подробности.

Отецъ отъ удовольствія задалъ тогда
пиръ на весь міръ. Много было вышито
винъ заморскихъ и меду сладкаго. Всѣ
поздравляли Ивана-Богатыря съ краси-
вицей Свѣтланой.

Еруслапъ Лазаревичъ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣ-
которомъ государствѣ жилъ-
былъ князь Картаусъ. Много
было роскоши при дворѣ его,
много находилось также силь-
ныхъ и могучихъ богатырей,
но славнѣе ихъ всѣхъ былъ
храбрый и могучій витязь
Лазарь Лазаревичъ. Въ молодости своей
удивлялъ онъ всѣхъ своею молодецкою

удалью, а въ ратномъ дѣлѣ не находилъ себѣ ни соперниковъ ни поборниковъ. Жилъ онъ въ любви и согласіи съ другою своею Епистиміею. Всего у нихъ было вдоволь: и почестей и богатства разнаго; не доставало одного только наследника сына, которому они могли бы передать все свои сокровища. Сильно горевалъ объ этомъ Лазарь Лазаревичъ, но счастье и тутъ не отказалось послужить ему. Епистимія наконецъ, родила сына, котораго называли Ерусланомъ. Само собою разумѣется, что отецъ и мать были необыкновенно обрадованы этимъ событіемъ и, вполне довольные судьбою, задали такой ниръ, которому подобнаго и старики не заномняютъ.

Уродился Ерусланъ Лазаревичъ и пригожъ и красивъ собою, точь въ точь какъ былъ юношею отецъ его Лазарь Лазаревичъ; необыкновенна была также сила его. Такъ, будучи пятнадцати лѣтъ, пойдетъ онъ, бывало, на княжескій лугъ заповѣднѣй, встрѣтитъ тамъ дѣтей боярскихъ, да станетъ съ ними разныя шутки шутить: кого ухватить за ногу — у того нога прочь, а кого ухватить за голову — такъ тотъ безъ головы стоитъ. Плачетъ сынъ боярскій, бѣжитъ къ отцу своему жалуется на Еруслана.

Не нонутру пришлась боярамъ потѣ-

ха эта, пошли они къ Картаусу и, представъ предъ его свѣтлыя очи, проговорили:

— Батюшка нашъ, князь, Картаусъ! не вели казнить, а позволь намъ слово вымолвить, — сильно обижаетъ насъ сынокъ Лазаря Лазаревича: онъ какъ ухватить кого изъ дѣтей нашихъ за руку — у того руки нѣтъ, а кого ухватить за ногу — у того нога прочь; а коли схватить кого за голову, тотъ домой безъ головы бѣжить.

Князь Картаусъ, выслушавъ жалобу бояръ, тотчасъ же послалъ за Лазаремъ Лазаревичемъ. Явился Лазарь Лазаревичъ, и Картаусъ сталъ говорить ему:

— Послушай, Лазарь Лазаревичъ, вотъ бояре пришли ко мнѣ жаловаться на твоего сына Еруслана и просятъ, чтобы я выслалъ его изъ города за то, что онъ нехороши строить шутки надъ ихъ дѣтьми боярскими, почти всѣхъ ихъ изуродовалъ: кого безъ ногъ, а то такъ нѣкоторыхъ и безъ головы пустилъ по свѣту. Не любы эти шутки боярамъ моимъ, да и мнѣ не больно нравится. А чтобы Ерусланъ твой не забавлялся такъ, выведи его куда знаешь изъ столицы моей, чтобъ его тутъ и духу не было.

Лазарь Лазаревичъ, услыша такія слова, низко поклонился князю и пошелъ на свой широкій дворъ. Какъ разъ навстрѣчу ему Ерусланъ Лазаревичъ.

— Что такъ пригорюнился, любезный батюшка?—спрашиваетъ онъ отца своего.

—Иль услыхалъ отъ князя что недоброе?

— Ахъ, ты, любезное мое дитятко,—говорить Лазарь Лазаревичъ,—какъ же мнѣ не кручиниться: князь Картаусъ приказалъ мнѣ вывезти тебя изъ города, чтобы ты не шутилъ больше съ дѣтьми боярскими.

Усмѣхнулся Ерусланъ, услыша такія слова отъ отца своего, да и отвѣчаетъ ему:

— Государь ты мой батюшка, Лазарь Лазаревичъ! Да объ этомъ не только кручиниться, даже и думать-то нечего!—Отпусти меня по бѣлому свѣту постранствовать; недаромъ же природа дала мнѣ силу богатырскую, недаромъ же кишитъ въ груди моей удалъ молодецкая.

Грустно было разставаться съ нимъ отцу и матери, но дѣлать нечего: они покорились необходимости и, скрѣпя сердце, стали снаряжать сына своего Еруслана въ путь-дороженьку.

Выѣхалъ Ерусланъ Лазаревичъ на другой день рано изъ города, взялъ съ собою только клячу коростовую да захватилъ еще сѣдельце чаркасское, уздечку тесмяную, войлочекъ косящатый да плетку ременную. Ёхалъ онъ мѣсяць, другой и третій и вдругъ видитъ: дорога сдѣла-

лась такъ узка, что коню пельви было пройти по ней.

— Какъ тутъ быть?—разсуждалъ онъ.
— Неужели придется назадъ воротиться?

Въ недоумѣннн находился Ерусланъ Лазаревичъ и задумался такъ крѣпко, что не слышалъ, какъ подскакалъ къ нему старъ-человѣкъ на сивомъ конѣ.

— Здравствуй, государь мой, Ерусланъ Лазаревичъ,—сказалъ онъ:—какими судьбами занесло тебя въ такую дикую глушь?

Встрепенулся тутъ Ерусланъ Лазаревичъ и обрадованный, что встрѣтилъ живое существо, спросилъ старъ-человѣка:

— Скажи мнѣ, старнишка, кто ты такой и почему ты знаешь меня?

— Я — Иваншка, искусный стрѣлокъ и могучій богатырь,—отвѣчалъ ему старъ-человѣкъ;—я знаю тебя потому, что я старый слуга отца твоего, стерегу табуны коней на западныхъ лугахъ его и вотъ ужъ тридцать пять лѣтъ какъ исправляю эту должность. Такъ какъ же мнѣ не знать тебя!

Выслушавъ старъ-человѣка, Ерусланъ Лазаревичъ разсказалъ и ему также, что не по охотѣ странствуетъ, а поневолѣ, и жалѣлъ только объ одномъ: что нѣтъ коня у него богатырскаго.

— Не тужи, Ерусланъ Лазаревичъ,—

сказалъ ему тогда старъ-человѣкъ, — я могу помочь твоему горю: въ табушѣ у меня есть такой конь, какого еще свѣтъ не привидывалъ; не знаю только — подъ силу ли придется тебѣ, а если усидишь на немъ, то, пожалуй, бери его.

Ерусланъ Лазаревичъ благодарилъ старъ-человѣка за предложеніе и сталъ убѣдительно просить его о конѣ богатырскомъ. Привелъ Иванушка коня. Сѣлъ на него Ерусланъ Лазаревичъ и души въ себѣ не слыхалъ отъ радости; а ретивый конь играетъ подъ нимъ, какъ бы чую на себѣ сѣдока могучаго.

Разстался тутъ Ерусланъ Лазаревичъ съ старъ-человѣкомъ и поѣхалъ далѣе въ путь-дороженьку.

Ѣхалъ онъ мѣсяць, другой и третій, и наѣхалъ, наконецъ, на рать-силу великую, всю побитую.

Обширное поле устлано было человѣческими и конскими трупами; шлемы, конья и мечи валялись между побитыми воинами.

Ужаснулся Ерусланъ Лазаревичъ при видѣ такого множества обезображенныхъ труповъ и воскликнулъ:

— Есть ли кто живой?

Мертвое молчаніе было отвѣтомъ на его зовъ. Онъ опять повторилъ тотъ же вопросъ.

Тогда одинъ воинъ всталъ съ ратнаго поля и сказалъ:

— Государь Ерусланъ Лазаревичъ! кого ты спрашиваешь и что тебѣ надобно!

— Я хочу знать, — отвѣчалъ Ерусланъ Лазаревичъ, — кто побилъ эту рать силу великую?

— Иванъ, русскій богатырь, — сказалъ воинъ.

Ерусланъ Лазаревичъ прищорилъ тутъ коня своего и пустился слѣдомъ за Иваномъ, русскимъ богатыремъ.

Въхалъ онъ мѣсяць, другой, третій и наѣхалъ на поле, на бѣлы шатеръ; у шатра у того стоялъ добрый конь, ѣлъ пшеницу бѣлоярую.

Ерусланъ слѣзъ съ коня своего и поставилъ его рядомъ съ чужимъ конемъ, а самъ вошелъ въ бѣлы шатеръ и видитъ: спитъ крѣпкимъ сномъ добрый молодець.

Жаль ему стало будить его; прилегъ онъ на другомъ концѣ шатра, да и самъ заснулъ крѣпчайшимъ сномъ.

Вскорѣ проснулся Иванъ-богатырь, смотритъ: въ шатрѣ у него спитъ незнакомый и непрошенный витязь. Разсердился тутъ онъ не на шутку на невѣжество посѣтителя, пришелъ въ гнѣвъ и отъ того, что чужой конь ѣлъ пшеницу его бѣлоярую.

Проснулся наконецъ, и Ерусланъ Лазаревичъ; подошелъ къ нему Иванъ-Богатырь, да и говорить:

— Не честь тебѣ, доброму молодцу, не спросясь входить въ чужой шатеръ; не честь тебѣ также кормить коня своего чужой пшеничною бѣлоярой! Знай, не прощу тебѣ за невѣжество; а напередъ скажи, кто ты такой и откуда, то-есть изъ какого царства ѣдешь?

— Я изъ царства Картаусова, отца моего зовутъ Лазаръ Лазаревичъ, а мать мою Епистиміею, самого же меня называютъ Ерусланъ Лазаревичемъ. Напрасно, Иванъ-богатырь, ты обращаешься ко мнѣ съ угрозою; ссорится съ тобою я ненамѣрень, а отъ брани не прочь,—выѣдемъ хоть сейчасъ на ратное поле.

И вотъ оба богатыря развѣхались другъ противъ друга, обернувъ конья тупымъ концомъ, и нанесли ударъ одинъ другому въ ретивое сердце съ такой силой, что у обоихъ искры изъ глазъ посыпались. Къ великому удивленію Ивана-богатыря, Ерусланъ Лазаревичъ даже не покачнулся на сѣдлѣ отъ нанесеннаго ему удара, между тѣмъ какъ онъ самъ не могъ удержаться—и упалъ, а конь Еруслана Лазаревича притиснулъ его копытомъ къ сырой землѣ.

— Ну, Иванъ-богатырь,—сказалъ Еру-

сласть, чего ты теперь желаешь: живота или смерти?

— Взмилуйся, Ерусланъ Лазаревичъ! — заговорилъ вдругъ смиреннымъ голосомъ Иванъ-богатырь, — не предавай смерти. И если ужъ ты превзошелъ меня могуществомъ, то будь моимъ старшимъ братомъ.

Ерусланъ Лазаревичъ вспомнилъ тутъ пословицу: «Лежачаго не бьютъ», слѣвъ съ добраго коня своего, поднялъ Ивана-богатыря, дружески обнялъ его и назвалъ своимъ милымъ братомъ. Потомъ отправились они къ бѣлому шатру, поставили коней своихъ къ одному корму, а сами вошли въ шатеръ, начали пить, ѣсть и прохладжаться.

Поцировавъ на порядкахъ у Ивана-богатыря, Ерусланъ, наконецъ, простился съ своимъ названнымъ братомъ и, оба они разѣхались въ разные стороны.

Взгрустнулось что-то дорогою Еруслану Лазаревичу по своей родинѣ, и вотъ онъ поворотилъ коня своего и поскакалъ прямо къ отцу и матери, чтобы провѣдать о нихъ — живы ли они, здоровы ли.

Сидитъ Лазаръ Лазаревичъ у окна своего терема. Великая грусть выражается на лицѣ его; поникъ онъ головой и крѣпкую думу думаетъ. Но вдругъ слышитъ кто-то скачетъ по широкому двору его;

смотреть—и едва вѣрить глазамъ своимъ: скачетъ дорогой сынъ его Ерусланъ Лазаревичъ... Отъ радости старикъ чуть не прыгаетъ, кличетъ жену свою Епистимію, и оба спѣшатъ павстрѣчу неожиданному гостю. Входитъ Ерусланъ Лазаревичъ въ свѣтлицу и обнимаетъ своихъ родителей.

— Здравствуй,—говоритъ,—государь мой батюшка, Лазарь Лазаревичъ! Какъ тебя, государя моего, Богъ милуетъ? Да что ты какъ будто прикручинился?

— Ахъ, ты, мое дитяtko дорогое!—воскликнулъ Лазарь Лазаревичъ,—какъ красное солнышко обогрѣлъ ты меня на старости лѣтъ. А кручинюсь я потому, что подошелъ подѣ царство наше князь Данила Бѣлый, а войска съ нимъ несмѣтное количество. Онъ похваляется все наше царство покорить, а князя нашего Картауса, меня и богатырей нашихъ въ полонъ взять и въ свою землю отвести.

— Не кручинься же такъ, государь мой батюшка, Лазарь Лазаревичъ,—говоритъ Ерусланъ отцу своему,—дай мнѣ крѣпкій щитъ да копье булатное, такъ и одинъ угою и князя Данилу Бѣлаго и все его войско несмѣтное.

Лазарь Лазаревичъ сталъ тутъ уговаривать Еруслана, чтобы не пускался на такое опасное дѣло, но какъ увидѣлъ, что онъ и не думаетъ отказываться отъ сво-

его намѣренія, передалъ ему мечъ свой и копье булатное и отпустилъ его противъ врага сильнаго.

Подобно какъ орелъ устремляется на свою добычу, такъ и Ерусланъ Лазаревичъ стремглавъ налетѣлъ, поражая силу великую князя Данилы Бѣлаго: онъ не столько коньемъ билъ, сколько конемъ топталъ, и въ короткое время всю перебилъ силу вражью, а самого князя Данилу Бѣлаго въ полонъ взялъ. Но Данила Бѣлый началъ упрашивать Еруслана, чтобы онъ возвратилъ ему свободу, и далъ ему клятву никогда больше не ходить войною на царство Картауса.

Взмиловался надъ плѣнникомъ Ерусланъ, повѣрилъ его клятвѣ и отпустилъ Данилу Бѣлаго; а самъ поѣхалъ въ свой городъ, гдѣ въ самыхъ городскихъ воротахъ встрѣтилъ его самъ владѣтельный князь Картаусъ со всеми своими богатырями. Князь похвалилъ Еруслана за совершенный имъ подвигъ и въ благодарность предлагалъ ему около себя мѣсто; но Ерусланъ Лазаревичъ высказалъ Картаусу, что привыкъ уже гулять по чистому полю и что оный желаетъ странствовать по бѣлому свѣту. Отецъ и мать стали уговаривать его остаться съ ними, но не тутъ-то было! Ерусланъ Лазаревичъ настоялъ на своемъ и снова сталъ гото-

виться въ путь-дороженьку. И вотъ ѣдетъ опъ путемъ-дорогою мѣсяць и другой и третій, и наѣхалъ въ чистомъ полѣ на бѣль-шатерь; а сидѣли въ немъ три дѣвицы, три предивныя красавицы. Отличались онѣ всѣ необыкновенной скромностью и были рукодѣльницы.

Ерусланъ Лазаревичъ слѣзъ съ коня своего богатырскаго, вошелъ въ полотняный бѣль-шатерь. Красота дѣвиць поразила его, разыгралась въ немъ кровь молодецкая. Подошелъ тогда онъ къ старшей красавицѣ, взялъ ее за руку бѣлую, лилейную, смотритъ ей въ очи, что блестятъ, какъ будто двѣ звѣздочки, да и промолвилъ своимъ голосомъ ласковымъ:

— Милая и прекрасная Придора Григоровна! есть ли на свѣтѣ кто тебя краше, а меня храбрѣе?

— Государь мой Ерусланъ Лазаревичъ!—отвѣчала ему Придора Григоровна съ пріятной улыбкой,—что я за пригожая? Вотъ въ городѣ Дебри, у князя Вахрамѣя, есть дочь Анастасія Вахрамѣевна, такъ та истинно что чудо, какого еще свѣтъ не видывалъ; да еще есть подъ Индѣйскимъ царствомъ, у князя Далмата, богатырь, по прозванію Ивашка Бѣлая епанча, Сорочинская шапка. Онъ стережетъ Индѣйское царство тридцать-три года и такъ могучъ и силенъ, что мимо его

никакой еще человекъ не прохаживалъ, ни звѣрь не прорыскивалъ и птица не пролетывала. Вотъ такъ богатырь! А ты что еще за храбръ? О твоей храбрости и слышно не было!

Вышелъ Ерусланъ Лазаревичъ изъ бѣлъ-полотнянаго шатра, сѣлъ на коня своего богатырскаго и помчался въ путь-дороженьку. Скачетъ онъ мѣсяць, другой и третій и видитъ въ чистомъ полѣ Ивашку, по прозванію Бѣлая епанча, Сорочинская шапка.

— Что спишь стоя?—закричалъ на него Ерусланъ и ударилъ его по шапкѣ плетью.

— А ты кто таковъ,—заговорилъ Ивашка,—что, не спросясь меня, хочешь проѣхать въ Индѣйское царство? Мимо меня здѣсь еще никакой богатырь не проѣзживалъ, ни звѣрь не прорыскивалъ, ни птица не пролетывала. Ну, да что долго толковать о пустякахъ! Поѣдемъ-ка въ чистое поле да попробуемъ нашу крѣпость могучую.

Сразились богатыри. Ерусланъ вышибъ Ивашку изъ сѣдла, и богатырскій конь его наступилъ ему на горло и притиснулъ къ землѣ.

— Ну, что, Ивашка, хочешь: живота или смерти?

— Взмилуйся, Ерусланъ Лазаревичъ!

— стонетъ Иванка, — не предавай смерти, а позволь пожить.

Но Ерусланъ Лазаревичъ не взмилдовался надъ нимъ, ударилъ его въ грудь копьемъ своимъ — и Иванки какъ будто бы и не существовало.

Очистивъ себѣ дорогу, Ерусланъ Лазаревичъ поѣхалъ прямо въ Индѣйское царство, къ князю Далмату. Удивился Далматъ молодому витязю и спрашивалъ:

— Какъ же пропустилъ тебя вѣрный стражъ мой Иванка, по прозванію Бѣлая епанча, Сорочинская шапка?

— Извини, князь Далматъ, — отвѣчалъ ему Ерусланъ, — я убилъ твоего Иванку за грубость.

Перепугался тутъ Далматъ и съ великою честію принялъ Еруслана. Смѣтилъ Ерусланъ Лазаревичъ, что Далматъ боится его; осѣдлалъ коня своего богатырскаго, да и выѣхалъ изъ города. Далматъ очень радъ былъ, что проводилъ гостя, и приказалъ тотчасъ же крѣико-накрѣико затворить городскія ворота, чтобы молодой витязь назадъ не воротился.

Между тѣмъ Ерусланъ поскакалъ къ городу Дебри, къ Вахрамѣеву княжеству, чтобы видѣть хваленую дочку его, прекрасную Анастасію Вахрамѣевну.

Вдетъ онъ мѣсяць, другой и третій, да и раздумался дорогою.

— Ну что если та княжна Анастасія мнѣ понравится? Какъ возьму ее за себя въ замужество, не спросясь напередъ ни батюшки своего ни матушки? Не лучше ли мнѣ прежде побывать у моихъ родителей?

Подумавъ такъ, онъ повернулъ коня своего и чрезъ нѣсколько времени пріѣхалъ въ свое отечество.

Но, къ великому удивленію, видитъ, что царство Картауса все разорено и выжжено, а города и слѣдовъ не осталось; уцѣлѣла только въ немъ одна хижина, въ которой жилъ старичокъ, да и тотъ кривой.

Вошелъ въ хижину Ерусланъ и сталъ разспрашивать старичка о случившемся.

Старичокъ рассказалъ ему, что къ городу подступилъ князь Данила Бѣлый съ несмѣтнымъ воинствомъ, что онъ же и все царство разорилъ, а самого Картауса, Лазаря Лазаревича и всѣхъ прочихъ богатѣрей въ полонъ отвелъ въ свою землю.

Прослезился Ерусланъ Лазаревичъ, выслушавъ старика, и, нисколько не медля, поскакалъ въ царство Данилы Бѣлаго.

Было еще очень рано, какъ онъ пріѣхалъ въ столицу князя Данилы, поэтому на него никто не обратилъ вниманія.

— Гдѣ тутъ сидитъ князь Картаусъ? — спрашиваетъ онъ у проходящихъ.

Ему указали.

Ерусланъ подѣхалъ къ башнѣ, перобилъ всѣхъ стражей, сорвалъ замки у дверей и вошелъ въ темницу.

— Здравствуйте,— сказалъ онъ,— государь Картаусъ и любезный родитель мой, Лазарь Лазаревичъ!

Князь Картаусъ и Лазарь Лазаревичъ отвѣчали ему:

— Мы голосъ твой слышимъ, а лица не видимъ; а потому и не знаемъ, кто ты такой.

— Я—Ерусланъ Лазаревичъ!—отвѣчалъ онъ.

Князь Картаусъ и Лазарь Лазаревичъ бросились обнимать его, а сами горько зарыдали.

Тутъ рассказали они ему, какъ томятся въ темницѣ, и какъ князь Данила Бѣлый лишилъ ихъ всѣхъ зрѣнія. „Только тотъ развѣ можетъ возвратить намъ глаза,—продолжали они,— кто съѣздитъ за тихія воды, за теплыя моря, въ Щецинъ градъ, къ чародѣю, по прозванію Огненный шить, Пламенное копые, и кто убьетъ его самага и вынетъ изъ него желчь и этой желчью помажетъ очи наши“.

Выслушавъ князя Картауса и отца своего, Ерусланъ Лазаревичъ пришелъ въ негодованіе, и въ душѣ его закицѣло страшное мщеніе. Онъ готовъ былъ сію

же минуту растерзать Данилу Бѣлаго, по ему хотѣлось прежде возвратить плѣнникамъ зрѣніе, и онъ, простившись съ ними, поскакалъ за спасительною желчью чародѣя.

Вдѣтъ Ерусланъ Лазаревичъ путемъ-дорогою мѣсяць, другой и третій, наѣхалъ на рать силу великую, всю побитую. Смотритъ: что за чудо? Лежитъ живая богатырская голова, изъ стороны въ сторону перекачивается. Удивляется Ерусланъ на величину ея и спрашиваетъ:

— Скажи, кто ты такой, изъ какого царства и какъ зовутъ тебя?

— Я голова богатыря изъ Задонскаго царства, отца моего зовутъ Прохоръ, а меня Росланей. Рать, которую ты видишь здѣсь, побита мною, а принадлежала она чародѣю, по прозванію Огненный щитъ, Пламенное копье. Ну, а ты, Ерусланъ Лазаревичъ, куда путь держишь?

— Я ѣду, — отвѣчалъ онъ, — въ Щетинъ градъ, къ чародѣю Огненный щитъ, Пламенное копье. Миѣ нужна смерть его для облегченія участи князя Картауса и отца моего, Лазаря Лазаревича, надъ которыми князь Данила Бѣлый совершилъ неслыханное злодѣяніе: засадилъ ихъ въ темницу и выкололъ имъ глаза. И теперь только одна желчь чародѣя можетъ возвратитъ имъ зрѣніе.

— А когда такъ, Ерусланъ Лазаревичъ,—заговорила богатырская голова,—то вотъ тебѣ совѣтъ мой: какъ приѣдешь въ Щетинъ городъ, и увидишь тебя князь Огненный щить, Пламенное конье, тогда не допустивъ до себя, жечь и палить станеть огнемъ, и если ты этотъ огонь удержишь, то онъ станеть спрашивать о причинѣ твоего приѣзда. Ты отвѣчай ему, что желаешь поступить на службу. Онъ велитъ тебѣ ѣхать съ собою, и нѣскольکو дней ты послужи ему вѣрой и правдой, а самъ выбирай удобный случай поразить его. Знай, что его только можетъ погубить одинъ мой мечъ, на которомъ теперь покоится голова моя. Мечъ этотъ я, такъ и быть, отдамъ тебѣ; но за услугу и ты заплати мнѣ услугой: какъ достанешь желчь чародѣя, заѣзжай опять сюда и помажь голову желчью, и я приму снова такой же видъ, какъ былъ прежде.

Взявъ Ерусланъ мечъ изъ-подъ богатырь-головы, поблагодарилъ за совѣтъ и поскакалъ къ городу Щетину. Увидалъ его тутъ князь Огненный щить, Пламенное конье, выѣхалъ въ поле и началъ жечь и палить. Ерусланъ слѣзъ съ коня и замахалъ шлемомъ. Чародѣй пересталъ жечь и спрашиваетъ его:

— Кто ты такой и откуда ѣдешь?

Ерусланъ рассказалъ ему и сталъ про-

ситься къ нему на службу. Чародѣю очень понравилась его почтительность, и онъ съ охотою согласился на просьбу. Служить у него Ерусланъ Лазаревичъ день, два и три, служить онъ вѣрою и правдою. Наконецъ, замѣчаетъ, что чародѣй одинъ въ своихъ палатахъ, быстро вбѣгаетъ къ нему и разить его на-двое мечомъ богатырь-голова. Тотъ такъ и замеръ на мѣстѣ, не шикнувъ. Ерусланъ проворно достаетъ желчь изъ трупа убитаго и, какъ вихрь, скачетъ изъ города.

Подѣхавъ къ богатырь-головѣ, Ерусланъ вынулъ изъ сумки желчь, помазалъ ею отрубленную голову, приложилъ ее къ туловищу—и она тотчасъ же срослась. Росланей всталъ, какъ будто бы съ нимъ и ничего не было. Побесѣдовали нѣсколько времени богатыри и разстались. Росланей отправился въ Задонское царство, а Ерусланъ въ Далматское. Былъ вечеръ какъ онъ вѣхалъ въ городъ, перебилъ стражу и самъ пошелъ въ темницу. Здѣсь вынулъ онъ изъ сумки своей желчь чародѣя, обмазалъ ею глаза князя Картауса, потомъ отца своего, и, къ великой радости ихъ, они все стали видѣть и со слезами на глазахъ бросились обнимать Еруслана за возвращеніе имъ зрѣнія.

Потомъ Ерусланъ Лазаревичъ бросился немедленно въ теремъ князя Даниила

Бѣлаго, перебилъ всѣхъ, кто только ирраждалъ дорогу ему, и схвативъ князя Данилу, повлекъ его въ темницу, выколлъ глаза ему и крѣпко-на-крѣпко приковалъ къ стѣнѣ. Шлѣнниковъ же всѣхъ освободилъ, а княженіе Данилы Бѣлаго передалъ князю Картаусу.

Всѣ начали веселиться, пиры пошли за пирами. Одинъ только Юрусланъ Мазаревичъ не раздѣлялъ вполнѣ удовольствій. Онъ скакалъ уже къ владѣніямъ князя Вахрамѣя, у котораго была дочь, прекрасная Анастасія. Близъ города, въ которомъ жилъ Вахрамѣй, было глубокое озеро, а въ томъ озерѣ жилъ великій змѣй о трехъ головахъ. Каждый день онъ выходитъ на берегъ и пожираетъ множество людей. Какъ ни старался князь Вахрамѣй сокрушить злого змѣя и сколько разъ ни кликалъ онъ клича, — все напрасно: змѣй губилъ несчастныхъ жителей, и князь Вахрамѣй очень сокрушался объ участи своихъ подданныхъ.

Узналъ объ этомъ кличѣ Юрусланъ и, какъ только пріѣхалъ въ городъ князя Вахрамѣя, взялъ онъ съ собой доспѣхи рыцарскіе и отправился на озеро. Змѣй бросился, чтобы проглотить всадника, но Юрусланъ, не допустивъ его до себя, однимъ ударомъ меча отсѣкъ ему двѣ головы и только что хотѣлъ-было рубить

третью, какъ змѣй сталъ просить пощады. Ерусланъ Лазаревичъ однакоже не сжался надъ нимъ, еще разъ взмахнулъ мечомъ—и чудовище лежало на землѣ безъ дыханія.

Быстрѣе молніи разнеслась объ этомъ вѣсть по всему городу. Обрадованный князь Вахрамѣй со всѣми вельможами своими вышелъ навстрѣчу къ Еруслану Лазаревичу, благодарилъ его за спасеніе жителей и, узнавъ, что онъ княжескаго рода, пригласилъ его къ себѣ въ теремъ. Здѣсь встрѣтила его дочь князя Вахрамѣя, прекрасная Анастасія. Ерусланъ, какъ взглянулъ на нее, такъ и обомлѣлъ отъ удивленія: красоты она была неописанной! Князь Вахрамѣй, по случаю радостнаго событія, задалъ пиръ на весь міръ и предлагалъ Еруслану сокровища на выборъ; но онъ отъ всего отказывался, просилъ только одного, чтобы онъ выдалъ за него въ замужество дочь свою Анастасію. Князь Вахрамѣй очень радъ былъ имѣть у себя зятемъ богатыря и тотчасъ же благословилъ ихъ на брачный союзъ, а потомъ, вскорѣ послѣ свадьбы, передалъ Еруслану Лазаревичу свое княжество.

Страшный змѣй горынычъ.

Въ тридесятѣмъ царствѣ, на самомъ краю земли и неба, жилъ царь, и у него былъ сынъ, котораго онъ очень любилъ, потому что кромѣ его у царя дѣтей не было. Все, что бы только ни пожелалъ царевичъ, было всегда исполняемо по его желанію. Царь любилъ забавлять сына, исполняя его желанія; но при всей любви къ нему царь былъ и строгъ: онъ очень не любилъ ослушниковъ и казнилъ ихъ смертію, при своей строгости за ослушаніе не щадилъ даже и любимаго сына и наказывалъ его по всей строгости.

Въ одно время царевичъ, прогуливаясь въ саду своего отца, подошелъ къ башнѣ, крѣпко сложенной изъ гранитнаго камня, съ однимъ окномъ, заколоченнымъ желѣзными полосами, въ видѣ рѣшетки. Подошедши къ окну, царевичъ увидѣлъ чрезъ рѣшетку сѣдого старика, ростомъ не болѣе какъ съ аршинъ, съ сѣдою бородою, которою былъ онъ кругомъ обмотанъ, а еще конецъ волочилъ по землѣ. Онъ, увидавши царевича, протянулъ къ нему руку и жалобно сталъ просить его, чтобы тотъ далъ ему нашитья. Царевичу

жалъ стало старика, и онъ побѣжалъ къ колодцу, почерпнулъ изъ него ковшъ воды и подалъ его старику, а самъ отошелъ отъ окошка. Старикъ выпилъ воду однимъ духомъ и закричалъ:

— Прощай, Иванъ царевичъ, спасибо тебѣ, что далъ ты мнѣ напиться. Никогда я не забуду твоей добродѣтели и когда-нибудь заслужу тебѣ.

Сказавъ эти слова, онъ высоко поднялся на воздухъ и исчезъ за облаками. Иванъ царевичъ долго стоялъ съ поднятою вверхъ головою и съ разинутымъ ртомъ отъ удивленія; наконецъ, видя, что старикъ пропалъ изъ виду, онъ пошелъ домой, не зная о своемъ горѣ, которое уже ожидало его въ домѣ.

Царь, увидѣвъ изъ окна своего, какъ вылетѣлъ старикъ изъ крѣпкой темницы, въ которую онъ былъ имъ посаженъ, тотчасъ приказалъ узнать, кто смѣлъ растворить темницу и выпустить старика.

Между тѣмъ какъ слуги царскіе отыскивали ослушника воли царской, Иванъ царевичъ вошелъ во дворецъ. Царь спросилъ его, не онъ ли отворилъ дверь краснаго дома, въ которомъ заключенъ былъ старикъ, Иванъ царевичъ отвѣчалъ своему отцу, что онъ не отворялъ дверей, а только далъ старику воды, и тотъ улетѣлъ. Царь, выслушавъ признаніе, ужас-

но вознегодовалъ на царевича и сказалъ ему:

— За то, что ты освободилъ старика отъ заключенія, тебя стоило казнить смертію, но за твое чистое признаніе я выгоняю тебя изъ моего царства, — иди, куда хочешь, и не показывайся болѣе мнѣ на глаза.

Иванъ царевичъ, зная, что воля царская есть законъ, не сталъ ничего говорить строгому отцу своему и покинулъ родную землю. Долго шелъ онъ дорогою, не зная самъ—куда, и, наконецъ, къ вечеру одного дня пришелъ онъ въ великолѣпную столицу кашемирскаго государя; не думавши нимало, пошелъ во дворецъ къ царю и сталъ проситься къ нему въ службу, обѣщаясь служить ему вѣрою и правдою. Царь принялъ его въ свои конюхи. Иванъ царевичъ сталъ жить у царя на конюшнѣ, исправляя свою должность.

Въ одно время къ царству, въ которомъ жилъ Иванъ царевичъ, подступило много войска царя кампійскаго, который требовалъ у кашемирскаго государя дочь его себѣ въ замужество. Царь не отдавалъ и рѣшился вести войну. Въ первый день сраженія Иванъ царевичъ, не будучи въ войскѣ, пошелъ въ поле, долго гулялъ онъ и, уставъ, сѣлъ подъ дерево. Вдругъ

откуда ни возьмись старичокъ, въ аршинъ ростомъ и съ саженною бородою, подошелъ къ царевичу и сталъ низко кланяться; но видя, что Иванъ царевичъ ничего не говоритъ съ нимъ, онъ началъ самъ:

— Здравствуй, Иванъ царевичъ,— сказалъ онъ:—ты освободилъ меня изъ заключенія, въ которомъ, можетъ-быть, я находился бы и теперь; ты освободилъ меня, и за это я тебя не забуду; пойдемъ ко мнѣ, я угощу тебя да и скажу тебѣ радостную вѣсточку.

Иванъ царевичъ поблагодарилъ старика и пошелъ вслѣдъ за нимъ къ его дому. Кончился часъ ихъ ходьбы, и они подошли къ полуразвалившейся хижинѣ. Старикъ отворилъ дверь, вошелъ въ хижину и втащилъ туда за собою царевича. Вошедши въ избу, маленькій старикъ посадилъ царевича за столъ и велѣлъ своей младшей дочери (ихъ у него было три) подать четверть ведра вина. Когда вино было подано, старикъ взялъ его и велѣлъ выпить царевичу однимъ духомъ. Царевичъ отпѣкивался, говоря, что онъ никакъ не можетъ столько выпить, но старикъ оцять сталъ принуждать его, и царевичъ, схвативъ кувшинъ съ виномъ, осушилъ его разомъ.

— Молодецъ же ты, Иванъ царевичъ,— сказалъ старикъ, когда царевичъ вы-

пилъ вино: — ну, вотъ теперь, — продолжалъ старикъ, — переброшь черезъ свою голову этотъ камень въ пятьсотъ пудовъ.

— Не поднятъ мнѣ такого тяжелаго камня, — сказалъ Иванъ царевичъ.

Но старикъ велѣлъ дѣлать, что велѣть, и царевичъ, подошедши къ камню, почувствовалъ въ себѣ большую силу и, не думая нимало, схватилъ камень за его край и какъ легкую палку переброшилъ черезъ свою голову. Старикъ увидѣвши, что царевичъ переброшилъ камень черезъ голову, потрепалъ его по плечу и велѣлъ своей средней дочери подать полуведерный кувшинъ вина. Дочь исполнила приказаніе отца и подала кувшинъ царевичу. Иванъ царевичъ, не дожидаясь просьбы, выпилъ кувшинъ вина однимъ духомъ и вдругъ почувствовалъ въ себѣ ужасную силу. Ему еще хотѣлось перебросить этотъ камень черезъ свою голову, и онъ подошелъ къ нему, но старикъ удержалъ его руку и сказалъ ему:

— Нѣтъ, Иванъ царевичъ, не берись ты за пятисотпудовой камень, а вотъ возьмись за этотъ, что тянетъ тысячу пудовъ и ежели ты перебросишь его черезъ свою голову, то ты будешь богатырь изъ богатырей.

Царевичъ тотчасъ подошелъ къ тысячепудовому камню и, схвативъ его за

край, перекинулъ какъ легкое перо черезъ свою голову. Старикъ подошелъ къ царевичу, похвалилъ его богатырство и велѣлъ старшей дочери подать царевичу ведерный кувшинъ. Вино черезъ минуту было подано царевичу, и онъ осушилъ ведерный кувшинъ однимъ духомъ. Когда Иванъ царевичъ поставилъ на землю пустой кувшинъ, то старикъ сказалъ ему:

— Иванъ царевичъ, подними ты этотъ камень, онъ вѣситъ полторы тысячи пудовъ.

Царевичъ, выслушавъ слова старика и почувствовавъ въ себѣ неимоверную силу, схватилъ ужасный камень одною рукою и перебросилъ его черезъ свою голову какъ перышко. Старикъ, увидѣвъ, что Иванъ царевичъ перебросилъ и этотъ камень, сказалъ ему:

— Иванъ царевичъ, будетъ теперь для тебя этой силы, ступай ты домой, и когда будетъ у тебя какая нужда, то приходи ко мнѣ, и я тотчасъ тебѣ помогу.

Иванъ царевичъ поблагодарилъ старика за его милость и, распростившись съ нимъ, пошелъ домой скорыми шагами. Пришедши ко двору царскому, онъ встрѣтилъ своего конюшняго старосту, который, увидѣвъ царевича, подошелъ къ нему и началъ бранить.

— Какъ ты смѣлъ, — кричалъ онъ ца-

ревичу, — отлучиться отъ дѣла! — и, не давъ ему произнести оправданія, ударилъ его по щекѣ.

Не вытерпѣвъ обиды, Иванъ царевичъ, сжавши кулакъ, ударилъ имъ по головѣ своего старосту; ударъ пришелся крѣпокъ, и голова отдѣлилась отъ туловища и отлетѣла за версту. Конюхи, стоявшіе неподалеку отъ царевича и видя, что онъ убилъ ихъ старосту, схватили его и представили царю.

— Какъ ты могъ сдѣлать такое преступленіе? — спросилъ гнѣвно царь у Ивана царевича. — Я велю казнить тебя, — продолжалъ царь и сильно топнулъ ногою.

Иванъ царевичъ, поклонившись, отвѣчалъ царю:

— Я убилъ старосту, не думая этого дѣлать; онъ впередъ ударилъ меня, и я отплатилъ ему тѣмъ же, хотя намѣревался ударить тихонько.

Царь спросилъ у очевидцевъ этого дѣла, точно ли Иванъ царевичъ говоритъ то, что было. Очевидцы подтвердили слова царевича, и царь, будучи отъ природы добръ и милостивъ, простилъ царевича, давъ ему наставленіе и приказаніе слушаться начальниковъ и старшихъ. По прошествіи нѣсколькихъ дней послѣ смерти старосты непріятель, подступившій подъ стѣны города кашемирскаго государя, былъ

имъ разбить на голову и со стыдомъ возвратился въ свою страну.

Лишь только окончилась эта война, какъ вдругъ въ одинъ день къ кашемирскому государю явился старикъ съ мѣдной головою, съ желѣзными руками и подалъ царю письмо, запечатанное тремя черными печатями. Царь разорвалъ конвертъ и, вынувъ изъ него письмо, началъ читать. Въ письмѣ было сказано, что водяной царь просить его дочь въ замужество своему сыну, и если царь по истеченіи одного дня послѣ полученія письма не вышлетъ своей дочери на морской берегъ, то на берегъ явится трехглавый змѣй и пожретъ весь его народъ, а самого его съ его дочерью увлечетъ въ подводное царство.

Царь, прочитавъ письмо, сказалъ посланному, что онъ готовъ исполнить предложеніе его государя и велѣлъ посланному старику отправляться къ своему царю, а самъ, собравъ всѣхъ своихъ приближенныхъ людей, сталъ ихъ спрашивать, не могутъ ли они подумать чего-нибудь такого, чѣмъ бы можно было отдѣлаться отъ наступающей бури. Долго думали совѣтники царскіе и ничего не придумали лучше, какъ кликнуть кличъ, чтобъ отыскался такой человекъ, который могъ бы избавить царевну отъ несчастія. Кличъ

былъ сдѣланъ, и отыскался одинъ какой-то человекъ, который рѣшился спасти царевну отъ змѣя, лѣстясь получить ея руку, по обѣщанію царя. Увившись къ царю, онъ попросилъ у него сто человекъ вооруженныхъ воиновъ и, предводительствуя ими, пошелъ къ морскому берегу, гдѣ въ избушкѣ сидѣла царевна, дожидаясь своего горькаго конца. Пришедши съ воинами и не видя змѣя, долго храбрился мнимый спаситель царевны; но лишь только змѣй высунулъ изъ воды свою голову, какъ храбрецъ закричалъ своимъ воинамъ:

— Въ лѣсъ!—и самъ первый бросилъ въ его густоту.

Между тѣмъ Иванъ царевичъ, узнавъ о несчастіи царевны, рѣшился спасти ее и, пришедши къ морю, вынулъ свой острый мечъ и бросился къ змѣю. Долго продолжалось сраженіе, наконецъ, царевичъ взмахомъ своего меча прикончилъ водяного богатыря и, не вошедши въ избушку, гдѣ сидѣла царевна, отправился домой.

Мнимый спаситель царевны, увидя погибшаго змѣя, вышелъ изъ лѣсу и, пришедши къ царевнѣ, сказалъ ей, чтобы она сказала отцу своему, что онъ спасъ ее отъ смерти, а не Иванъ царевичъ. Боясь угрозъ злого хвастуна, по прибытіи сво-

емъ во дворецъ она сказала царю, что ее спасъ отъ смерти этотъ человѣкъ, а не Иванъ царевичъ. Царь обласкалъ его, надѣлилъ своею казною и уже хотѣлъ приготовить къ свадебному пиру, но царица сказала ему:

— Государь мой, батюшка, отложи немного мою свадьбу, потому что я не совсемъ здорова отъ такого ужаснаго страха, какой навелъ на меня этотъ ужасный змѣй.

Царь не смѣлъ противорѣчить своей дочери и готовъ былъ ждать цѣлый годъ. Свадьба была отложена на мѣсяцъ.

Только въ одинъ день къ царю пришелъ во дворецъ старичокъ, голова у него была мѣдная, руки желѣзныя и свинцовая борода. Онъ поклонился царю и подалъ ему пакетъ, запечатанный шестью печатями. Царь принялъ пакетъ и, сорвавъ печати, вынулъ изъ него письмо, въ которомъ было написано, чтобы онъ выслалъ царицу на морской берегъ, а ежели не вышлетъ, то выйдетъ изъ моря шестиглавый змѣй и пожретъ весь народъ кашемирскаго царства, съ нимъ вмѣстѣ и самого его.

Царь, прочитавъ письмо, не зналъ на что ему рѣшиться и, не придумавъ ни одной важной мысли, велѣлъ посланному отправиться въ обратный путь и сказать

своему царю, что кашемирскій государь на все согласенъ и вышлетъ ему царевну черезъ три дня. Посланный удалился, а царь, собравъ своихъ главныхъ думныхъ вельможъ, объявилъ имъ о своемъ несчастіи, прося ихъ совѣта о помощи. Подумавши нѣсколько времени, они сказали царю:

— Надо просить прежняго избавителя царевны, чтобы онъ вторично спасъ свою невѣсту.

Поблагодаривъ ихъ за совѣтъ, царь приказалъ позвать въ свой дворецъ нареченнаго своего зятя. Тотъ не замедлилъ явиться и, поклонившись царю, спросилъ его, зачѣмъ онъ нуженъ. Царь объявилъ ему о дерзкомъ требованіи и просилъ его избавить царевну отъ несчастія, обѣщая ему послѣ ея избавленія непременно праздновать свадьбу, а въ приданое полцарства своего.

Мнимый спаситель царевны, хотя и не былъ радъ предложенію царя, потому что онъ уже въ этотъ разъ не надѣялся чужими руками загрести жаръ, но дѣлать было нечего, и онъ согласился. Взявши съ собой нѣсколько воиновъ, въ назначенный день онъ съ ними отправился къ морю. Пришедши туда, онъ вошелъ въ старую избушку, гдѣ уже сидѣла царевна, и сказалъ ей, чтобъ она, если явится

прежній избавитель и такимъ же манеромъ уйдетъ, не показавшись, то чтобы она, возвратясь во дворецъ свой, оказала царю, что спасъ ее отъ смерти онъ и его воины, а иначе онъ грозился бросить ее въ море на съѣденіе страшному змѣю. Царевна, испугавшись угрозы такого обманщика, обѣщала ему умолчать предъ царемъ объ истинѣ.

Получивъ обѣщаніе царевны, мнимый защитникъ ея вышелъ отъ нея и велѣлъ своимъ воинамъ приблизиться къ лѣсу, чтобы, въ случаѣ появленія змѣя, можно было дать тягу. Воины тотчасъ стали приближаться къ лѣсу и лишь только приблизились къ нему, какъ вдругъ ужасное море начало бѣшевать и пѣниться, а велѣдъ затѣмъ черезъ минуту вылѣзъ изъ моря ужасный шестиглавый змѣй и, вышедши на берегъ, сталъ приближаться къ жилищу царевны. Трусливый хвастунъ убѣжалъ въ глубину лѣса, а за нимъ и воины, покинувъ царевну на произволь судьбы.

Змѣй былъ уже близко около ея жилища, готовый схватить самое царевну; но Иванъ царевичъ не дремалъ: онъ зналъ, въ какіе часы царевна будетъ на морскомъ берегу и, опоясавшись мечемъ, пошелъ къ жилищу въ то время, когда змѣй подошелъ къ избушкѣ царевны и отворилъ уже дверь избушки. Иванъ царевичъ на-

летѣлъ на него, и между тѣмъ змѣемъ и царевичемъ завязалась страшное сраженіе. Много разъ змѣй покушался налетѣть на царевича и проглотить его, но царевичъ каждый разъ срубалъ ему по головѣ, и змѣй, заливаясь своею кровію, съ каждой минутою ослабѣвалъ. Соскучась долгою дракою, царевичъ, улучивъ минуту, бросился на змѣя со всею яростію и разрубилъ его пополамъ. Покончившій битву, онъ схватилъ туловище змѣя и его головы. Распростясь съ царевною, вышелъ онъ изъ избы и, положивъ туловище змѣя подъ камень, въ которомъ было болѣе тысячи пудовъ, отправился домой.

Видя все это происшествіе, мнимый защитникъ царевны, скликавъ свое войско и взявши царевну, повторилъ ей прежнія слова и отправился къ царю. Царь не сказанно радовался спасенію своей дочери и назначилъ черезъ недѣлю свадьбу.

На третій день послѣ побѣды Ивана царевича явился во дворецъ къ царю старичокъ съ мѣдною головою, желѣзными руками и серебряною бородою. Онъ поклонился царю и подалъ ему пакетъ, запечатанный девятью печатями. Царь съ трепетомъ сорвалъ печати и, вынувъ изъ пакета письмо, прочелъ въ немъ слѣдующее:

„Царь кашемирскаго народа! прика-

зываю тебѣ: прими завтрашній день на морской берегъ дочь свою, а если ты этого не сдѣлаешь, то посланъ будетъ въ тотъ день змѣй съ девятью головами, и онъ пожретъ весь твой народъ и самого тебя. Прощай, будь здоровъ и долголѣтенъ“. Внизу было подписано: „Водяного государства Боскаль-Дау“.

Прочитавъ письмо, царь сказалъ посланному, чтобы онъ воротился къ своему государю и объявилъ ему, что онъ согласенъ на его предложеніе. Отпустивъ посланнаго, самъ созвалъ своихъ приближенныхъ и подалъ имъ письмо. Прочитавъ его, думные люди царскіе, подумавши немного, присовѣтовали царю послать на морской берегъ свою дочь и нареченнаго зятя, чтобъ онъ могъ защищать царевну отъ ужаснаго змѣя. Царь, выслушавъ предложеніе своихъ министровъ, объявилъ нареченному зятю свою волю.

Съ стѣсненнымъ сердцемъ и ужаснымъ страхомъ отправился нареченный зять царя съ солдатами на морской берегъ и, пришедши туда, по прежнему скрылся съ родю войновъ въ чащѣ лѣса, откуда можно было видѣть, что дѣлается на морѣ. Прошло нѣсколько минутъ, какъ онъ спрятался въ кусты съ своими воинами, вдругъ ужасно за клубилось море и, загнѣвшись, бросалось съ яростію на берегъ, готовое

поглотить весь берегъ и самый городъ. Потомъ изъ моря выплылъ девятиглавый змѣй и подползъ къ дверямъ избышки, въ которой сидѣла царевна. Вдругъ откуда ни взялся Иванъ царевичъ, наскочилъ на страшное чудовище и ударомъ своего мечя отрубилъ ему всѣ головы. Обезглавленный трущъ змѣя залился своею кровію, а Иванъ царевичъ взялъ его головы и самое чудовище, отнесъ отъ избышки на нѣсколько шаговъ и навалилъ на него тысячечудовый камень. Сдѣлавши все это, онъ пошелъ обратно въ свой путь; а хвастунишка, увидя это, взялъ царевну изъ избышки и отправился съ нею къ царю.

Царь не зналъ что дѣлать отъ радости и на другой день готовъ былъ праздновать свадьбу своей дочери, но царевна подошла къ своему отцу и сказала ему:

— Государь мой батюшка! не этотъ человекъ спасалъ меня отъ смерти, а другой.

Тутъ царевна все рассказала своему отцу о Иванѣ царевичѣ и хвастунѣ. Царь не зналъ что ему дѣлать—вѣрить ли словамъ дочери или нѣтъ; но царевна повторила ему, что спасъ ее отъ смерти Иванъ царевичъ, и просила своего отца, чтобы онъ позволилъ ему къ нему явиться. Царь согласился на просьбу своей дочери и велѣлъ позвать Ивана царевича. Когда Иванъ

царевичъ явился къ царю, то царь просилъ его рассказать ему, какъ спасъ онъ царевну отъ смерти. Иванъ царевичъ въ короткихъ словахъ рассказалъ царю, какъ онъ побилъ трехъ змѣевъ.

Царь, выслушавъ все, обнялъ Ивана царевича, посадилъ съ собою рядомъ и просилъ рассказать ему, чей онъ сынъ и гдѣ живутъ его родители. Не сталъ скрывать своего званія Иванъ царевичъ: рассказалъ царю, кто онъ и кто его родители.

— Хочешь ли ты быть моимъ зятемъ?

Иванъ царевичъ не зналъ что дѣлать отъ радости и открылся царю, что онъ давно уже пылалъ сильною любовью къ царевнѣ. Послѣ того дня прошло еще два, и царь затѣялъ свадебный пиръ. Великодушныя кареты были приготовлены для жениха и невѣсты, и тысячи народа пошли за ними въ храмъ. Послѣ обряда начался пиръ. Весь народъ веселился и кричалъ ура! Всѣ веселились, кромѣ мнимаго побѣдителя надъ змѣями. Онъ одинъ не веселился. Царь при всемъ народѣ ужасно срамилъ хвастуна и велѣлъ ему выѣхать въ этотъ день изъ города и болѣе въ него не являться. Кончился пиръ и веселье. Царевичъ вмѣстѣ съ царевною отправились къ своему отцу. Царь принялъ сына и дочь съ распростертыми объятіями и ве-

лѣлъ задать великій пиръ. Отправивъ пиръ у своего отца, царевичъ простился съ нимъ и отправился въ обратный путь въ царство своего тестя, гдѣ сталъ жить счастливо съ царицею, а по смерти своего тестя наследовалъ его престолъ и мирно и мудро правилъ государствомъ до дня своей смерти.

